

Федеральное агентство по образованию
Уральский государственный университет им. А. М. Горького

Н. Г. Пашкин

ВИЗАНТИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.
(1402–1438)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2007

ББК ТЗ(0)44
УДК 94(4)
П 222

Серия «Античная древность и Средние века»
Основана в 2002 году

*На обложке – печать с изображением
византийского императора Иоанна VIII Палеолога (1425–1449)*

Научный редактор
М. А. Поляковская,
доктор исторических наук

Рецензенты
научный совет Демидовского института
(директор института доктор исторических наук А. С. Черкасова);
В. Н. Земцов, доктор исторических наук
(Уральский государственный педагогический университет)

Пашкин Н. Г.

П 222 Византия в европейской политике первой половины XV в (1402–1438). –
Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 238 с.

ISBN 5-7996-0265-X

В монографии освещаются отношения Византии и латинского Запада в эпоху турецкого завоевания. На богатом фактическом материале автор анализирует динамику византийской внешней политики в период между битвой при Анкаре и Ферраро-Флорентийским собором, ее преломление в политической и церковной истории Европы первой половины XV в.

Адресовано специалистам, а также студентам исторических факультетов университетов.

**ББК ТЗ(0)44
УДК 94(4)**

ISBN 5-7996-0265-X

© Пашкин Н. Г., 2007
© Уральский государственный
университет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
1. Политические контакты Византии с европейскими государствами в условиях турецкой агрессии (первая четверть XV в.)	17
1.1. Византия и Венеция: пределы сотрудничества	17
1.2. Византийская политика в аспекте венгерско-венецианского конфликта	27
1.3. Византия и Арагон	39
2. Церковная уния как средство византийской дипломатии	46
2.1. Византийская внешняя политика в поисках новой парадигмы (1410–1431)	46
2.1.1. <i>К постановке вопроса</i>	46
2.1.2. <i>Византия и великая западная схизма (1410–1414)</i>	51
2.1.3. <i>Византийцы на Констанцском соборе (1415–1418)</i>	59
2.1.4. <i>Проблема унии в свете отношений Византии и Польши</i>	64
2.1.5. <i>Византия и Запад в период понтификата Мартина V (1418–1431)</i>	72

2.2. Византия и европейская политика на Базельском соборе (1431–1438)	84
2.2.1. Базельский собор, Византия и курия: первые контакты (1431–1434)	84
2.2.2. Миссия в Константинополь Иоанна Рагузанского (1435–1437)	97
2.2.3. Византия и новый церковный раскол на Западе	106
2.2.4. Латинские посольства и борьба в Константинополе (1437–1438)	123
2.2.5. Политическая конфронтация на Западе в преддверии унииатского собора	149
2.2.6. Византийская делегация на Западе и проблема политического выбора в условиях раскола	158
 3. Византия в контексте основных тенденций политического развития Запада и проблема политической ориентации империи	165
3.1. Запад и целевые установки внешней политики Византийского государства	165
3.2. Византия и концепция европейского универсализма	169
3.3. Союз с папством как выражение имперских стереотипов византийской политики	193
 Заключение	201
Список источников и литературы	206
Именной указатель	232
Список сокращений	235

ВВЕДЕНИЕ

С середины XIV в. история Византии в сфере внешней политики представляла собой непрерывную цепь военных поражений, связанных с возрастающим натиском османо-турецкой экспансии. Ответным импульсом стало формирование ориентированного на Запад внешнеполитического курса, который был призван поддерживать гибнущее государство за счет сил христианской Европы. В 1399 г. византийский император Мануил II Палеолог лично отправился в ставший впоследствии знаменитым вояж на Запад в надежде добиться реальной помощи. Однако в 1402 г. ситуация на Востоке внезапно изменилась: в битве при Анкаре (Малая Азия) военные силы османов были разгромлены армией среднеазиатского полководца Тимура. Это событие на полстолетия отсрочило гибель Византийского государства¹.

В научной литературе уже сделана попытка связать битву при Анкаре, благодаря которой Византия получила определенный резерв времени, с динамикой внутреннего развития страны в последовавшие за этим годы и, следовательно, с шапсами на ее политическое выживание². Наступившая пауза в борьбе с внешним врагом должна была способствовать созданию эффективных механизмов обороны в будущем. Однако подорванные ресурсы Византийского государства не позволяли решить эту задачу. На первое место по своему значению, как и прежде, выходили отношения с

---

¹ См.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. М., 1999. Т. 1. С. 364.

² См.: *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. Автор монографии одним из первых отказался видеть в завершающей фазе византийской истории процесс непрерывного социально-экономического и политического упадка, представив этот период как время относительной стабилизации Византийского государства, а в некоторых аспектах – даже его динамичного развития.

Западом, с помощью которых Византия отчаянно пыталась создать гарантии своей внешней безопасности.

Практическим результатом развития этих отношений стало заключение церковной унии на Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. Таким образом, на политические контакты наложил жесткий отпечаток церковно-религиозная ситуация, а византийцы в конечном итоге связали перспективы получения военной помощи от Запада с папством.

Проблема унии и причин ее несостоятельности всегда была и остается объектом повышенного внимания исследователей. Политический подтекст этого события, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения. Но не все аспекты проблемы получили достаточное освещение, особенно с точки зрения европейской политики. В целом сохраняет свою значимость вопрос о том, насколько оптимально были использованы ресурсы отношений между Византией и Западом по защите империи от грозящей ей катастрофы. Обращение к этой теме, безусловно, будет способствовать формированию более глубокого взгляда на поздневизантийскую историю и, в частности, на факторы, обусловившие ее трагический финал.

Историографический аспект

Процесс интенсивного изучения поздневизантийской истории начался сравнительно недавно³. Довольно долгое время не было отмечено каких-либо фундаментальных исследований, касающихся первой половины XV в. А по проблеме политических отношений Византии и Запада и на сегодняшний день нельзя назвать ни одной специальной монографии.

При отсутствии целостного анализа проблемы довольно успешно шло изучение отдельных ее аспектов. Внемалом количестве публикаций представлены отношения Византии и Венеции⁴, имеются специальные научные изыскания в области отношений Византии

---

³ Первое фундаментальное исследование по этому периоду появилось в 60-е гг. прошлого века и было посвящено времени правления императора Мануила II Палеолога – см.: *Barker J. Manuel II Palaeologus (1391–1425)*. New Brunswick, 1969.

⁴ Византийско-венецианские отношения конца XIV–начала XV в. достаточно подробно рассмотрены, в частности в рамках двух имеющихся монографий по поздневизантийской истории – см.: *Matschke K.-P.* Op. cit. *Barker J.* Op. cit.

с такими европейскими государствами, как Венгрия⁵, Арагон⁶, Польша⁷. Именно с этими европейскими государствами Византия формировала прямые дипломатические контакты в первой четверти XV в. Выбор, по всей видимости, в немалой степени был обусловлен их реальным весом на европейской политической арене (тем более что Венгрия в 1410–1437 гг. в лице императора Сигизмунда Люксембургского была связана личной унией с Германской империей). В то же время такие крупные политические субъекты, как Англия и Франция, по причине продолжавшейся Столетней войны не имели возможности проявить себя в восточной политике и, очевидно, поэтому не представляли интереса для византийской дипломатии.

Из всего спектра отношений Византии и Запада наиболее полно в литературе представлена тема церковной унии, на которой данные отношения в конечном итоге и сфокусировались. Связанные с этим сюжеты эффективно осваивались в историографии на материалах истории Ферраро-Флорентийского собора. Последнее утверждение, правда, почти целиком следует приписать зарубежной историографической традиции. В отечественной литературе Флорентийская уния, в сущности, никогда серьезно не исследовалась. В российской дореволюционной, а позднее и в советской науке отношение к этому событию находилось под сильным влиянием идеологических штампов, имевших зачастую подчеркнуто антизападную направленность⁸. Это не только значительно упрощало

---

⁵ См.: Моравчик Д. Византийские императоры и их послы в г. Буда // *Acta historica Academiae scientiarum hungaricae*. 1961. Т. 8. Р. 239–256.

⁶ См.: *Marinesco C.* Manuel II Paleologue et les rois d'Aragon // *Académie Roumaine: Bull. de la section historique*. 1924. Т. 11. Р. 194–206; *Idem.* Du nouvo sur les relations de Manuel II Paleologue (1391–1425) avec l'Espagne // *Studi bizantini e neoellinici*. 1953. Vol. 7. Р. 420–436; *Ditten H.* Beziehungen zwischen Spanien und dem Byzantinischen Bereich im Mittelalter (6–15. Jahrhundert) // *Byzantinische Beiträge* / Hrsg. von I. Irmscher. B., 1964. S. 257–290.

⁷ См.: *Halecki O.* La Pologne et l'Empire Byzantin // *Byzantion*. 1932. Т. 7. Р. 42–67.

⁸ Главная идея заключалась в том, что церковная уния между Византией и Римом оценивалась как акт грубого посягательства папского престола на самостоятельный статус восточной церкви, как беспринципный шаг со стороны византийской

историческую действительность, но и не оставляло возможности исследовать все многообразие взаимосвязей, возникавших между Византией и Западом в русле подготовки униатского собора.

Гораздо более значительный и ценный опыт накопила в этой области западная историография, чему в немалой степени способствовал широкий доступ к источникам. Отличительной ее чертой было изучение флорентийской унии в русле европейской истории; и главным выводом можно считать тот установленный факт, что все, связанное с унией, прямо или косвенно отразилось на внутреннем развитии римско-католической церкви, которая в последней четверти XIV в. вступила в период затяжного структурного кризиса. Принцип папского единодержавия был основательно подорван во время великой латинской схизмы, вызвавшей острую необходимость в проведении церковной реформы. Это требование легло в основу такого феномена, как соборное движение (конциляризм), поставившего во главу угла принцип подчинения папы церковному собору и переход от традиционной иерархической к корпоративной структуре церкви. Конциляризм предопределил практику Констанцского (1414–1418), затем Базельского (1431–1449) соборов – крупнейших церковных конгрессов первой половины XV в., на которых западная церковь подверглась глубокой трансформации. Предыстория Ферраро-Флорентийского собора начиналась в Базеле и Констанце, поэтому изучать ее в отрыве от западного исторического контекста невозможно. Уния с Востоком рассматривалась на Западе сквозь призму его внутренних проблем, и этот аспект стал одним из центральных в зарубежной историографии.

Такова концептуальная направленность имеющихся к настоящему времени работ по истории флорентийской унии, из которых наиболее фундаментальными являются монографические исследования Дж. Джилла (1959)⁹ и А. Ляйдла (1966)¹⁰. На сегодняшний

верхушки, поступившейся ради политических выгод интересами народа – см.: Удальцова З. В. О внутренних причинах падения Византии в XV в. // Вopr. истории. 1953. Т. 7. С. 102–120.

⁹ См.: *Gill J.* The Concile of Florence. Cambridge, 1959.

¹⁰ См.: *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz. Paderborn, 1966.

день можно считать достаточно глубоко изученным ход переговоров между Византией и Базельским собором, частью которых являлся визит в Константинополь руководителя дипломатической миссии Базеля Иоанна Рагузанского¹¹. Весьма основательно представлены эпизоды внутрицерковной борьбы на Западе по разным вопросам, относящимся к унии с греками. Однако специфика имеющихся работ состоит в том, что в изучении темы авторы делали акцент преимущественно на ее религиозных аспектах. Иными словами, горизонт исследования, как правило, не выходил за рамки церкви. Исследователи пришли к выводу о том, что союз Византии с папством помог последнему одержать верх над реформаторским соборным движением (конциляризмом). Вместе с тем явно недостаточно разработан вопрос о значении этого факта в аспекте международных и межгосударственных отношений на Западе. Это важная проблема, тем более что соборы в качестве своеобразных международных форумов тесно соприкасались с подобной проблематикой. До сих пор, однако, нет стройного представления о том, как проблема церковной унии была связана с политической сферой, тенденциями общеевропейской политики.

Источники

Документальные источники

Регесты византийских императорских актов. Соответствующее издание было осуществлено Францем Дэльгером. Материалы, относящиеся к первой половине XV в., содержатся в пятом, последнем, томе этого издания¹². Регесты фиксируют все дипломатические контакты, инициированные византийским императором, сведения о которых сохранились как в первичных, так и во вторичных источниках.

Регесты постановлений венецианского сената. На сегодняшний день имеется два крупных издания этих регест. Первое из них осу-

---

¹¹ См. последнюю монографию об этом историческом персонаже, где собрана вся библиография как о нем самом, так и о его творческом наследии: Strika Z. Johannes von Ragusa: Kirchen- und Konzilsbegriff in der Auseinandersetzung mit den Hussiten und Eugen IV. Augsburg, 2000. См. также сноски 24–25 этой главы.

¹² См.: Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches von 565 bis 1453 (1341–1453). München, 1965. Bd. 5 (далее – Reg.).

ществил румынский ученый Н. Йорга (N. Jorga) в первом томе своего сборника под общим названием «Заметки и свидетельства к вопросу об истории крестовых походов в XV в.» (1899)¹³. Его данными частично воспользовался затем Ф. Тирье для публикации своего трехтомника «Регесты постановлений венецианского сената по вопросам Рومании»¹⁴. Оба автора широко использовали в своей работе материалы из венецианских архивов. Регесты содержат необходимую информацию об ответных действиях Венеции на византийские посольства, как и в целом данные о политике этой итальянской республики на Востоке.

Дипломатическая корреспонденция. Этот пласт источников можно условно поделить на две части. Первая включает в себя дипломатические послания, которыми обменивались византийские императоры и европейские государства, вторая охватывает переписку, которая велась по поводу церковной унии между различными участниками переговорного процесса – императором, папами, европейскими правителями, церковными соборами.

Что касается первой части, то она представлена весьма скудно (это во многом обусловлено тем, что пик дипломатических контактов связан с проблемой унии). Из дипломатических посланий, авторство которых принадлежит византийскому императору Мануилу II Палеологу, ценность в контексте исследования представляют лишь три. Это письма императора папе Александру V от 1410 г.¹⁵ и арагонским королям Мартину I и Фердинанду I, датированные соответственно 1407 и 1416 гг.¹⁶ Несохранившихся документов гораздо больше, о чем свидетельствует информация из других источников, систематизированная в регестах Ф. Дэльгера. Дипломатические акты императора Иоанна VIII (1425–1448)

---

¹³ См.: Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siecle. P., 1899. T. 1.

¹⁴ См.: Thiriet F. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1958–1961. T. 1–3.

¹⁵ См.: Simonsfeld. Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert // Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1893. Bd. 20. S. 45–46.

¹⁶ См.: Marinesco C. Manuel II Paleologue et les rois d'Aragoñ. P. 192–206.

сохранились, они публиковались значительно чаще, и подавляющая их часть связана с проблемой церковной унии и униатского собора¹⁷.

Поскольку с определенного момента политические отношения Византии и Запада развивались преимущественно через посредство церкви, то и широкий пласт источников связан своим происхождением с историей церковных соборов. На первом месте здесь стоит комплекс документов, возникших в историческом контексте Констанцкого собора¹⁸. За ним следует пласт источников, которые хронологически охватывают период с 1418 по 1438 г. Это в основном дипломатические акты, отражающие процесс переговоров о церковной унии, вышедшие из канцелярий византийского императора, папы, Базельского собора и европейских государств. Значительная часть данной группы источников напрямую соотносится с историей Ферраро-Флорентийского собора, поэтому публиковалась под соответствующими титулами¹⁹. Первая специальная коллекция таких источников в наиболее полном виде была опубликована под редакцией Е. Чеккони (Е. Cessoni)²⁰. Позднее она подверглась систематической обработке и в виде отдельных рубрик издавалась под редакцией Г. Гофмана (H. Hofmann) в академической серии «*Concilium Florentinum. Documenta et Scriptores*»²¹.

---

¹⁷ По указанной причине их публикация осуществлялась в соответствующих изданиях по истории униатского собора – см. сноски 18–21 этой главы.

¹⁸ См.: *Acta concilii Constanciensis* / Hrsg. von H. Finke. Münster, 1896–1936. Bd. 1–4 (далее – ACC).

¹⁹ Небольшая часть материалов, не вошедших в специализированные издания, проистекает из фундаментального собрания актов по истории католической церкви – *Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti* / Ed. C. Baronius. Barri-Ducis, 1874. Vol. 27–28 (далее – *Ann. Eccl.*), а также из много томного издания по католической истории церковных соборов – см.: *Mansi J. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Florenz; Venedig, 1798. Vol. 28–31 (переиздания: P.; Leipzig, 1904; Graz, 1961) (далее – *Mansi*).

²⁰ См.: *Cessoni E. Studi storici sul Concilio di Firenze*. Firenze, 1869. Bd. 1 (далее – *Cessoni*).

²¹ Это следующие издания: *Epistolae Potificiae ad concilium Florentinum spectantes*. Roma, 1940–1944. Т. 1–3 (далее – EP; настоящее издание представляет собой полное собрание папских посланий и распоряжений, имевших отношение

В этот же ряд следует поставить монументальное издание материалов по истории Базельского собора²². В первый и пятый тома этого издания включены специальные разделы, имеющие прямое отношение к теме исследования. Это почти исключительно дипломатические акты и корреспонденция.

Церковные декреты. В работе использованы в общей сложности четыре декрета, которые в разное время были приняты на Базельском соборе в контексте его отношений с Византией²³.

Нарративные источники

Сочинения Иоанна Рагузанского. К ним относятся две опубликованные рукописи – доклад о миссии в Константинополь (*Relatio de missione Constantinopolitana*)²⁴ и неоконченная история переговоров Базельского собора с греками (*De modo quo Greci reducendi erant ad Ecclesiam per concilium Basiliense*)²⁵. Их автор является одной из центральных фигур в истории дипломатических контактов Византии с Базельским собором. Иоанн Рагузанский был видным представителем латинской гуманистической интеллигенции первой половины XV в. Его родина – Дубровник (Рагуза). Здесь он вступил в орден доминиканцев, после чего прошел обучение в университетах Падуи и Парижа, став доктором теологии в 1420 г. Иоанн всю жизнь оставался убежденным сторонником конциларизма – движения за реформу церкви, ориентированного на главенство церковного собора над папой. С 1431 г. он был активней-

---

к церковной унии); Acta Camerae Apostolicae et civitatum Venetiarum, Ferrariae, Florentiae, Ianuae de concilio Florentino. Roma, 1950 (далее – АСА); Orientalium Documenta Minora. Roma, 1953 (далее – ODM).

²² См.: Concilium Basiliense. Studien und Quellen zur Geschichte des Concils von Basel / Hrsg. von J. Haller u. a. Basel, 1896–1936. Bd. 1–8 (далее – СВ). Пятый том содержит обширную подборку документов по истории формирования и деятельности дипломатической миссии Базельского собора в Константинополь в 1437 г., большую часть которой занимает посольский отчет – *Relatio dominorum ambassiatorum Concilii Basiliensis ad Graeciam destinatorum videlicet Visensis et Lausanensis episcoporum* // СВ. V, № 49, S. 175–361 (далее – Rel. amb.).

²³ Тексты декретов см.: Conciliorum Oecumenicorum Decreta / Hrsg. von J. Wohlmuth. Paderborn, 2000. Bd. 2: Konzilien des Mittelalters. S. 478–513 (далее – COD).

²⁴ *Cecconi*, № CLXXVIII, P. CCCCLXXXVIII–DXXII (далее – Joh. Rag. Relatio).

²⁵ СВ. I, № 40, S. 331–364 (далее – Joh. Rag. De modo...).

шим участником Базельского собора, сыгравшим, в частности, большую роль в переговорах с гуситами. С 1433 г. собор приступил к рассмотрению вопроса о церковной унии с греками и вскоре поручил Иоанну дело исключительной важности – возглавить дипломатическую миссию в Константинополь. В течение двух лет, с 1435 по 1437 г., он провел в византийской столице в качестве главного эmissара по переговорам. Однако в борьбе с папской курией Базель в конце концов оказался проигравшей стороной, и это обстоятельство обрекло миссию Иоанна Рагузанского на провал. В январе 1438 г. доминиканец вернулся в Базель, где подготовил и представил подробный отчет о своем посольстве.

Текст этого отчета (*Relatio*) известен в двух редакциях, из которых на сегодняшний день опубликована одна. Отчет представляет собой детальное, в стиле повествования изложение того, как проходила дипломатическая миссия автора. В основном это встречи и переговоры с представителями византийской стороны об организационных аспектах подготовки униатского собора. Все, что не имеет к этому прямого отношения, из текста исключено. Доклад писался после того, как поражение миссии стало фактом, в котором, по мнению автора, были повинны происки папской дипломатии, сумевшей вырвать такой перспективный проект, как церковная уния с Востоком, из рук Базельского собора. Поэтому в тексте явно прослеживается антипапская тенденция, особенно когда речь идет о заключительных эпизодах, которые приходится на осенние месяцы 1437 г. Следует также сказать и о том, что текст *Relatio* дополняется комплектом писем, в разное время отправленных дипломатом из Константинополя в Базель²⁶.

Иоанну Рагузанскому принадлежит еще один источник. Это оставшийся незавершенным исторический обзор переговоров Базельского собора с греками, касающихся унии. В нем изложены факты 1433–1435 гг. – с момента начала переговоров до отъезда самого автора в Константинополь во главе латинского посольства. Таким образом, рассмотренный выше отчет об этом посоль-

---

²⁶ Все сохранившиеся тексты этих писем опубликованы – см.: *Cecconi*, № 78, 81, 93; СВ. I, № 43–46.

стве условно можно считать продолжением данного сочинения. Однако последнее отличается по своему характеру и назначению. Оно являлось частью общей работы: по созданию истории Базельского собора, которую изначально вел автор, и создавалось с использованием дополнительных письменных источников. Неизвестно время его создания. Можно лишь сказать, что оно появилось после возвращения Иоанна Рагузанского из Константинополя (1438 г.). Об этом говорит и характер названия, свидетельствующий о неудаче планов Базельского собора заключить унию с греками. Неизвестны и причины, по которым этот обзор не был закончен.

Для изучения событий, происходивших на Базельском соборе в контексте его отношений с Византией, наиболее ценным источником является «*Historia gestorum generalis Synodi Basiliensis*» *Хуана Сеговианского*²⁷. Этот монументальный труд создавался как официальная хроника собора. Автор трактата был его непосредственным участником. Как и Иоанн Рагузанский, он принадлежал к числу конциляристов (церковных реформаторов) и основные достижения собора рассматривал в аспекте его противоборства с папой Евгением IV. Проблема унии с греками получила в нем отражение как один из главных факторов этого противоборства. Хуан Сеговианский до конца оставался приверженцем собора и после раскола с папой отказался перейти на его сторону, как это сделали многие другие. Писать трактат он начал уже после 1449 г., когда Базельский собор прекратил свое существование.

Мемуары Сильвестра Сиروطула – еще один важный источник, на который следует обратить внимание в процессе работы²⁸. Это единственный памятник, принадлежащий, в отличие от перечис-

---

²⁷ Данный трактат опубликован в собрании сочинений по истории церковных соборов первой половины XV в. – *Monumenta conciliorum saeculi decimi quinti*. Wien, 1875–1886. Bd. 2–3 (далее – МС). Подробные сведения об авторе и истории создания трактата см.: *Fromherz U. Johannes von Segovia als Geschichtsschreiber des Konzils von Basel*. Basel; Stuttgart, 1960.

²⁸ В работе использовано критическое издание этого памятника, осуществленное В. Лораном и снабженное французским переводом: *Les «Memoires» du Grand Ecclésiarque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concil de Florence (1438–1439)* / Ed. V. Laurent. P., 1971 (далее – Syropoulos). См. также

ленных выше, византийскому автору, который содержит значительную информацию по теме исследования. Об авторе известно, что он занимал пост великого епископа храма Св. Софии в Константинополе, входил в круг ближайшего окружения патриарха Иосифа II (1416–1439) и являлся участником византийской делегации на Ферраро-Флорентийском соборе²⁹. Свой труд Сиропул посвятил истории этого собора и заключенной на нем церковной унии, к которой у него было подчеркнуто негативное отношение, что и определило цель и характер работы³⁰. Мемуары были написаны около 1445 г.

Структура сочинения состоит из двенадцати секций. На сегодняшний день первая из них отсутствует полностью. В следующих двух речь идет о предыстории Флорентийского собора, хотя вторая секция имеет лакуны, о природе которых исследователям остается лишь спорить. Таким образом, материал этих двух секций и представляет основную ценность. Он охватывает период с 1416 по 1438 г. и воссоздает в основном политическую канву событий, подготовивших открытие униянского собора. Труд Сиропула в плане достоверности и объективности обычно вызывал осторожные оценки тех исследователей, которые занимались историей церковной унии, тем более что автор был ее убежденным против-

---

критический анализ этого источника в той его части, которая касается предыстории Флорентийского собора: *Dieten van J.-L. Sylvester Syropulos und die Vorgeschichte von Ferrara–Florenz* // АНС. 1977. Bd. 9. S. 154–179.

²⁹ По одной из версий Сиропул в 1463 г. под именем Софрония избирался константинопольским патриархом – см.: *Dieten van J.-L. Sylvester Syropulos...* S. 159–160. О Сиропуле см. также: *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Wien, 1990 (далее – PLP). № 27216.

³⁰ Подпись Сиропула стоит под декретом, провозгласившим унию церквей на Флорентийском соборе. Однако Сиропул, подобно многим другим членам византийской делегации, после возвращения в Константинополь отказался признавать законность этого акта. Его сочинение носит мемуарный характер. Официальная сторона истории униянского собора получила в нем крайне слабое отражение. На первый план Сиропул выносит эпизоды закулисной борьбы и дипломатических игр, которые сопровождали процесс переговоров, стараясь – и не без оснований – убедить читателя в том, что уния не была результатом свободного волеизъявления восточной церкви.

ником³¹. Лишь сравнительно недавно появилось признание того, что нет видимых оснований заподозрить Сиропула в каком-либо систематическом искажении фактов.

---

³¹ Это не совсем обоснованное отношение к сочинению Сиропула в значительной степени было обусловлено характером его первой публикации. Впервые данный труд с латинским переводом был издан в Голландии Р. Крейтоном в 1660 г. Издатель выполнял политический заказ: трактат византийского автора случайно обратил на себя внимание на фоне царивших тогда в стране антиримских настроений. Мемуары вышли и с тех пор были известны под заголовком, который дал ему издатель: «Справедливая история несправедливой унии между греками и латинянами» (мы не знаем, как назвал свой труд сам автор, поскольку первая его часть не сохранилась). Публикация сопровождалась и рядом преднамеренных искажений в области перевода, которые сделали трактат еще более тенденциозным – см.: *Silvester Syropulos. Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos* / Ed. R. Creygh-ton. Hagae, 1660. Научное издание появилось только спустя триста лет благодаря В. Лорану (см. сноску 28).

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ВИЗАНТИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ В УСЛОВИЯХ ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XV В.)

Круг европейских государств, с которыми Византия стремилась развивать дипломатические контакты, в первой четверти XV в. был достаточно узок. Анализ источников позволяет нам выделить три таких государства – Венецию, Венгрию и Арагон. Таким образом, в сфере внешнеполитической активности Византийского государства оказывались *потенциальные* союзники, интересы которых в той или иной степени соприкасались с Востоком. Альянс с ними способен был увеличить степень сопротивления империи по отношению к турецким завоевателям.

1.1. Византия и Венеция: пределы сотрудничества

На Западе непосредственное внимание к военно-политической ситуации после Анкары проявили, по вполне понятным причинам, итальянские морские республики – Венеция и Генуя. Как известно, их экономические и политические интересы лежали на Востоке и были для них частью уже традиционной внешней политики, истоки которой восходят к Четвертому крестовому походу. В первую очередь это относится к Венеции, которая уже тогда приняла самое активное участие в разделе византийского наследства и со временем превратилась в крупную колониальную морскую державу¹. В жестокой конкуренции с Генуей она планомерно завоевывала рынки Средиземноморского бассейна, подчиняя себе внешнюю

---

¹ См.: Соколов В. В. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1976.

и частично внутреннюю торговлю Византийской империи. Разумеется, Венеция стремилась к созданию здесь благоприятного для себя политического климата. В этом смысле восстановление сильного Византийского государства отнюдь не входило в ее планы, и идеальным вариантом казалось равновесие различных политических сил в этом обширном регионе².

Усиление османской угрозы подвигло республику к решительным действиям в защиту своих интересов на Востоке. Битва при Анкаре в какой-то степени была результатом ее дипломатических усилий, что предопределило прямое и активнейшее участие Венеции в создании новых политических реалий. На этой почве Республика Св. Марка становилась главным внешнеполитическим партнером Византии. Ни с каким другим государством на Западе империя не имела таких тесных отношений в первые годы после Анкары.

Роль Генуи в связи с этим выглядит более скромной. По крайней мере, во внешнеполитических актах от имени византийского императора Генуя почти не фигурирует. Не исключено, что объясняется это особенностями внутреннего развития двух морских республик. Известно, что за венецианскими деловыми кругами стояла реальная военно-политическая мощь государства, поскольку торговая и колониальная политика Венеции была почти исключительно государственной прерогативой. Иначе обстояло дело с Генуей, где внешнеторговая деятельность в значительной степени находилась в сфере интересов частных лиц и компаний, которые иногда на свой страх и риск вершили генуэзскую политику³.

Оба государства вмешались в развитие ситуации после Анкары. Их исконное соперничество не помешало им проводить совместную политику в этом вопросе. Осенью 1402 г. венецианский сенат уполномочил своего представителя для переговоров с турками. Вскоре к ним подключились подеста генуэзской Перы (Галаты), герцог Наксосский и родосские рыцари-иоанниты. Вместе с Византией они организовали Христианскую Лигу, которая вела пере-

---

² См.: *Matschke K.-P.* Op. cit. S. 41.

³ См.: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 301.

говоры с османами. В качестве преемника султана Баязида, плененного Тимуром, выступал его старший сын Сулейман⁴.

Известие о разгроме турок под Анкарой настигло византийского императора Мануила II в Париже. 9 октября 1402 г. венецианский сенат отправил ему письмо, подтверждавшее этот радостный для него факт и призывавшее его возвратиться на родину. События действительно требовали присутствия императора в столице своего государства, где его уже третий год замещал племянник Иоанн VII. Однако Мануил не торопился с отъездом. Обратный путь растянулся на много месяцев. Лишь 21 ноября император выехал из Парижа, предварительно оповестив венецианцев о своем предполагаемом маршруте⁵. В январе 1403 г. он остановился в Генуе. В конце того же месяца его посол предложил венецианскому сенату принять посредническую роль императора в деле взаимного примирения этих двух республик. Кроме того, он просил отправить полномочных представителей в Геную, пока император находится там, чтобы совместно обсудить вопросы, связанные с положением империи. Однако сенат отклонил оба предложения.

Тем временем на Востоке Христианская Лига готовила соглашение с турками. Договор был заключен в феврале 1403 г. Византия была избавлена от вассальной зависимости по отношению к султану, возвращала себе Фессалонику и несколько городов на побережье Мраморного и Черного морей⁶. Основные выгоды, как и следовало ожидать, извлекли итальянские республики. Генуя получила от султана целый набор торговых привилегий. Венецианцы захватили южную Аттику с Афинами, закрепили за собой побережье Албании, заняли Навпакт⁷. Положение Византии, таким образом,

---

⁴ *Matschke K.-P.* Op. cit. S. 42; *Barker J.* Op. cit. P. 224; *Nicol D.* The last centuries of Byzantium. Cambridge, 1993. P. 319. Византию представлял Иоанн VII Палеолог, племянник Мануила II, находившегося в тот момент на Западе (об этом правителе см.: *Dölger F.* Johannes VII., Kaiser der Rhomäer, 1390–1408 // *BZ.* 1931. Bd. 31. S. 21–36; *Мешановић С.* Јован VII Палолог. Београд, 1996.

⁵ См.: *Reg.* № 3292; *Barker J.* Op. cit. P. 220.

⁶ Об изменении территории Византии в результате этого договора см.: *Vakalopoulos A. E.* Les Limites de l'empire byzantin depuis la fin du XIV siècle jusque'a sa chute (1453) // *BZ.* 1962. Bd. 55. S. 59–60.

⁷ Подробнее об этом см.: *Dennis G.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 //

едва ли существенно изменилось, тем более что военный потенциал османов отнюдь не был окончательно подорван и его возрождение было лишь вопросом времени.

Наконец, наиболее слабым местом договора был вопрос о проливах. По условиям соглашения турецким судам запрещалось входить в Дардапеллы без санкции участников Лиги. Однако реально исполнение данного пункта не было гарантировано. Это было невозможно без четкого определения статуса Галлиполи – дарданелльской крепости, являвшейся ключом к проливам. Именно она осталась турецкой и в будущем не раз давала повод для волнения и грекам, и венецианцам, пытавшимся поставить ее под свой контроль⁸.

Есть основания считать, что переговоры и последовавший за ними договор с турками велись за спиной Мануила II, который впоследствии был поставлен перед свершившимся фактом⁹. Хотя Мануил и поддерживал регулярные контакты с Венецией, нет никаких упоминаний о том, что он был в курсе событий. В феврале 1403 г. посол императора сообщил о его последних планах. Мануил намеревался сначала ехать в Морею, где он должен был встретиться с представителями от балканских народов и с посольством от Сулеймана, нового турецкого султана. Император просил сенат предоставить ему несколько галер для сопровождения и советовал вместе с генуэзцами принять меры к тому, чтобы закрыть для турок черноморские проливы¹⁰. В Венецию Мануил прибыл в конце марта 1403 г. Возможно, лишь здесь он узнал о договоре, заключенном с турками, хотя в источниках сведений об этом нет и мы не знаем, какова была его реакция¹¹. По всей видимости, в Венеции он не задержался, так как в середине апреля уже был в Дубровнике и держал курс на Пелопоннес. Уладив внутренние неурядицы в Морейском деспотате, он 9 июня 1403 г. вернулся в Константинополь.

ОСНР. 1967. Vol. 33. P. 72–88; *Matschke K.-P.* Op. cit. S. 89–107. Текст договора сохранился в итальянском переводе с турецкого оригинала – см.: *Diplomatarium Veneto-Levantinum* / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. Vol. 2, № 159. P. 290–293.

⁸ Подробнее о борьбе вокруг Галлиполи см.: *Matschke K.-P.* Op. cit. S. 89–107.

⁹ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 227.

¹⁰ Reg. № 3294.

¹¹ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 230.

Император не особенно спешил со своим возвращением в столицу. После получения известий о битве при Анкаре он почти пять месяцев провел в Европе, причем большую часть этого времени – в Италии. Вместе с тем в этом была определенная логика и скорее всего адекватное восприятие сложившейся ситуации – понимание того, что и после разгрома турок под Анкарой, после распада османской державы проблема политического устройства на Востоке зависит не столько от него, как императора Византии, сколько от Запада, а вернее, от вполне определенных сил, каковыми и являлись итальянские республики. Таким образом, затянувшееся возвращение Мануила II предстает как продолжение дипломатических усилий, предпринимаемых им на протяжении всего периода пребывания в Европе, цель которых – добиться помощи ради укрепления своего государства. Едва ли империя обладала ресурсами, чтобы собственными силами закрепить результаты битвы при Анкаре и по-настоящему суметь ими воспользоваться. Вероятно, из признания этого факта и должен был исходить Мануил II Палеолог, выстраивая свою дальнейшую политику.

Политическая ситуация на Востоке действительно оказалась под контролем тех сил, на которые рассчитывал император. Но она разрешилась без его участия. Едва ли также Иоанн VII, замещавший Мануила в Константинополе, мог повлиять на выработку договора с новым султаном. Этот договор не предусматривал каких-то союзнических отношений между Константинополем и итальянскими республиками, хотя они выступали на одной стороне в составе Христианской Лиги, поэтому его нельзя считать итогом одного из главных внешнеполитических проектов императора. Договор 1403 г. поставил Византию перед необходимостью существовать в состоянии хотя бы минимального компромисса с турками, что неизбежно должно было вовлечь ее в грядущие войны между претендентами на османский престол. Фактически император был обречен на то, чтобы создавать альянсы то с одним, то с другим из сыновей Баязида и при этом стремиться следовать прежним курсом, обращенным на Запад¹². Однако недавний опыт пребывания в Европе

---

¹² См.: *Barker J.* Op. cit. P. 271.

со всей очевидностью продемонстрировал императору пределы его возможностей. Просьбы о помощи находили сочувственные отклики и обещания, но слишком мало практической пользы.

Венеция была одним из немногих государств, чьи интересы были тесно связаны с Востоком и политика которого опиралась на значительный военно-экономический потенциал, включающий в себя не только флот, но и немалые финансовые ресурсы. Понятно, что это имело огромное значение в развитии византийско-венецианских отношений. Вместе с тем последнее соглашение с турками предопределило внешнеполитический курс республики по крайней мере на несколько лет вперед, и поколебать его было трудно. Византийский император, однако, вовсе не строил иллюзий по поводу временного затишья на османском фронте. Уже в январе 1407 г. он обратился к Венеции с призывом уладить конфликты с Генуей и совместными усилиями предпринять меры против турок¹³. Но из этого ничего не вышло.

Новые надежды появились с изменением ситуации на Востоке. Это случилось тогда, когда в государстве османов началась череда политических смут¹⁴, что позволило византийской дипломатии всерьез поставить перед Венецией вопрос о создании антитурецкой коалиции. В начале 1410 г. византийский посол Мануил Хрисолора¹⁵ предложил венецианскому сенату довершить разгром турок и изгнать их из Европы. План императора состоял в том, чтобы республика предоставила восемь боевых галер, которые должны были вместе с двумя византийскими судами блокировать проливы и перекрыть жизненно важные коммуникации турок между Европой и Азией. Однако сенат уклонился от положительного ответа, давая понять, что его действия по оказанию помощи лишь аналогичны действиям других христианских государств.

---

¹³ См.: Reg. № 3415; *Jorga N. Die Geschichte des osmanischen Reiches*. Wien, 1990. Bd. 1 (далее – *Jorga N. Osm.*). S. 345.

¹⁴ О внутреннем развитии османского государства после 1402 г. см.: *Wittek P. De la Défaite d'Ankara a la prise de Constantinople (un demi-siècle d'histoire ottomane)* // *Revue des études islamiques*. 1938. T. 12. P. 1–34.

¹⁵ PLP. № 31165.

Не получив положительного ответа, византийцы вынуждены были принять участие в борьбе двух конкурентов за османский престол – Сулеймана и Мусы. Союз был заключен с первым из них. За это Сулейман предоставил грекам возможность отвоевать у своего противника Галлиполи, чем те и поспешили воспользоваться. В мае 1410 г. византийцам удалось частично овладеть крепостью¹⁶. Эта отчаянная акция тут же привлекла к себе внимание Венеции. 17 апреля 1411 г. сенат обсуждал возможность поддержать ее, чтобы в будущем крепость перешла под венецианский контроль. С этой целью предполагалось выяснить настроения жителей города и пообещать им покровительство республики. Однако большинством голосов идея была отклонена¹⁷. Сенаторы предпочли дождаться момента, когда будет разрешен внутренний конфликт между османами.

Расчет оказался верным. Победу одержал Муса, который теперь готов был обратить все свои силы против византийцев. Венеция же получила возможность договориться с ним. 12 августа 1411 г. ее представитель заключил договор с новым султаном прямо в предместье осажденного Константинополя¹⁸. Венецианские суда по-прежнему могли свободно пересекать проливы. Греки же готовились оборонять свою столицу. Кризис разрешился в 1413 г. Муса был разгромлен его младшим братом Мехмедом, который занял турецкий престол, одержав окончательную победу в борьбе за наследие Баязида. С ним у Византии сложились мирные отношения, которые и оставались таковыми в течение всего периода его правления (1413–1421). Венеция, напротив, оказалась в состоянии войны с турками.

Никакой мир с османами не мог заставить византийского императора отказаться от поиска путей для продолжения борьбы. В 1415 г. по инициативе венецианского наместника Эвбеи, родосских рыцарей, генуэзских властей Хиоса и Лесбоса возникла идея оборонительной антитурецкой лиги, направленной в первую очередь

---

¹⁶ См.: *Matschke K.-P.* Op. cit. S. 94–95; *Jorga N.* Osm. S. 350.

¹⁷ См.: *Jorga N.* Notes et extraits... P. 194.

¹⁸ См.: *Jorga N.* Osm. S. 354.

против пиратства. Данный проект был одобрен в Венеции, которая в это время продолжала войну с турками. 31 августа сенат принял решение предложить участие в нем византийскому императору¹⁹, о чем посол республики Петр Зенон и сообщил в Константинополь.

Мануил II откликнулся на данное предложение, а его послы доложили об этом венецианскому сенату в сентябре 1415 г. В ответ на просьбу прислать для переговоров специального эмиссара сенат порекомендовал использовать контакты с Зеноном, пообещав в будущем передать соответствующие полномочия губернатору Корона (на Пелопоннесе)²⁰. Последнее обещание, судя по всему, так и не было выполнено. 8 февраля 1416 г. византийский посол Николай Евдемон²¹, находясь в Венеции, снова поставил этот вопрос. Сенат похвалил усердие императора, но ответил, что генуэзцы уже игнорируют проект лиги²². Никакого решения не было принято. При этом республика продолжала искать возможность договориться с турками на основе соглашений, заключенных ранее с Мусой²³. Однако попытки такого рода успеха не имели.

29 мая 1416 г. венецианцы разгромили турецкий флот в морском сражении у Галлиполи²⁴. Блистательная победа должна была упрочить их позиции и шансы на заключение мира. Однако на это потребовалось еще почти три года, в течение которых император Мануил II попытался вновь заинтересовать республику идеей создания лиги. В январе 1417 г. византийские послы обратились

---

¹⁹ См.: *Thiriet*, № 1589; *Barker J.* Op. cit. P. 336.

²⁰ См.: *Reg.* № 3352; *Jorga N.* Notes et extraits... P. 239; *Thiriet*, № 1592.

²¹ *PLP.* № 6223.

²² Текст ответного письма императору см.: *Lampros S.* Palaiologeia kai Peloponnesiaka. Athenai, 1927. Т. 3. P. 129–131 (здесь – P. 130): ...illi de Chio responsionem fecerunt, nichil super praedictis posse respondere, nisi habeant responsionem quam habebant illi de Chio, de Janua non possumus deliberatam responsionem dare. См. также: *Reg.* № 3354; *Jorga N.* Notes et extraits... P. 243; *Thiriet*, № 1599. Миссия Евдемона была многоплановой. Одновременно он решал проблему примирения Венеции и Венгрии, после чего отправился на Констанцкий собор. Об этом см. далее.

²³ См.: *Jorga N.* Osm. S. 371.

²⁴ См.: *Ibid.* S. 372.

по этому поводу в сенат. В ответ прозвучало предложение выставить по одному судну со стороны византийского императора, родосских рыцарей, генуэзских колоний Хиоса и Митилены. Сама Венеция готова была предоставить две боевые галеры. Но, кроме того, ставился ряд условий. Лига создавалась сроком на два–три года. По замыслам, ее корабли должны были контролировать Эгейское море и проливы, но лишь до тех пор, пока Венеция не заключит мир с султаном. Затем проливы предусматривалось исключить из сферы контроля²⁵. Это означало, что, даже войдя в состав лиги, республика должна будет по-прежнему стремиться к скорейшему заключению мира с турками, после чего функции лиги свелись бы к обычной борьбе с пиратством. Понятно, что надежды и потребности византийцев этим не ограничивались. Мануил II, конечно, не хотел ставить под удар империю, которая в это время находилась в состоянии хрупкого мира с османами. Однако сенат не согласился с мнением императора о том, что лига должна быть секретной. Впрочем, уже перечисленные условия практически выхолащивали значение всего проекта, который так никогда и не был реализован.

Бесспорно, в планах императора по созданию альянса, направленного против турок, Венеции отводилась одна из ключевых ролей. Такого рода план представил сенату уже упоминавшийся Николай Евдемон в 1416 г. Через него император сообщал, что ведет переговоры с сербским деспотом Стефаном Лазаревичем, правителем Карамана (малоазийского бейлика) и претендентом на турецкий престол Мустафой. По его словам, все они готовы выступить против османов, если Венеция их в этом поддержит. Однако сенат воздержался от положительного ответа²⁶.

Не лучшим образом в византийско-венецианских отношениях решался и следующий вопрос. Как раз в эти годы благодаря византийскому императору реанимируется идея восстановления крепостной оборонительной стены на Коринфском перешейке,

---

²⁵ См.: *Jorga N. Notes et extraits...* P. 258–259; *Thiriet*, № 1635; *Barker J.* Op. cit. P. 336.

²⁶ См.: *Lampros S.* Op. cit. P. 131 (см. сноску 22 данной главы).

известной как гексамиллион²⁷. Она должна была поставить заслон турецким набегам на Пелопоннес, представлявших прямую угрозу и венецианским колониям, расположенным в южной части полуострова. Со стороны византийцев последовали попытки привлечь Венецию к участию в строительстве укреплений. В декабре 1407 г. византийский посол Мануил Хрисолора впервые заговорил на эту тему перед венецианским сенатом. Тогда никаких реальных шагов не последовало²⁸. Более серьезно проблема стала разрабатываться во время продолжительного пребывания императора в Морее в 1415 г.²⁹ В письме от 23 июля этого года, адресованном Мануилу II, венецианский сенат одобрил строительство гексамиллиона, выразил благодарность императору за его старания и пообещал, что в случае турецкой атаки на строящиеся укрепления власти венецианских колоний (Корона и Модона) придут ему на помощь³⁰. Но когда в феврале 1416 г. император предложил республике взять на себя часть расходов по возведению и содержанию крепостных сооружений, сенат отказал в этом византийскому послу Николаю Евдемону³¹.

---

²⁷ Речь шла о восстановлении фортификационной системы, остатки которой сохранились еще с античных времен – см.: *Wiseman J. R. A Trans-Isthmian Fortification Wall // Hesperia. 1963. Т. 32. Р. 248–275.*

²⁸ *Thiriet, № 1290.*

²⁹ См.: *Barker J. Op. cit. Р. 311–316.* Строительные работы велись стремительными темпами за счет средств, полученных от введения чрезвычайных налогов. Эта мера, по-видимому, вызвала массовое бегство населения в венецианские владения, так как 23 сентября 1415 г. сенат принял к сведению и обещал удовлетворить просьбу императора о принудительном возвращении таких греков – см.: *Thiriet, № 1592.*

³⁰ *Thiriet, № 1583.*

³¹ Формальным поводом для отказа стало заявление о том, что после последнего набега турок на Евбею слишком много денег ушло на оснащение флота, в результате чего венецианская казна опустела – см.: *Thiriet, № 1599.* Правда, 12 января 1417 г. Мануилу II была обещана помощь в обороне гексамиллиона в случае турецкого нападения – см.: *Ibid. № 1635.* Однако 18 июня 1418 г. сенат отказался взять на себя часть расходов по содержанию укреплений – см.: *Ibid. № 1697.* В 1422–1423 гг. положительное решение вопроса об участии республики в подобных мероприятиях натолкнулось еще и на требование территориальных уступок от Морейского деспотата – см.: *Thiriet, № 1849, 1870.* Реальной помощи византийцы так и не получили. В 1423 г. турки без особого труда смогли прорваться через укрепления.

Следует признать, что упорные попытки Византии обрести надежного союзника в лице венецианцев успеха не имели. Внешняя политика Венеции на Востоке диктовалась ее экономическими, в первую очередь торговыми, интересами, и республика готова была участвовать в военных мероприятиях против турок ровно в тех пределах, которые гарантировали бы ей защиту этих интересов. Полагаясь на собственную мощь, Венеция предпочитала не связывать себя внешними обязательствами и участием в долговременных коалициях. В основном она стремилась найти приемлемую форму сосуществования с османами при неперменном условии сохранения за ней господства на море. Серьезное усиление Византийского государства не входило в ее задачи. Поддержание империи в состоянии статус-кво – это, пожалуй, максимум, на который Венеция готова была затрачивать дополнительные силы и средства.

На фоне постепенного возрождения османской державы такая политика не имела перспектив. В период, наступивший после битвы при Анкаре, Венеция долго оставалась главным внешнеполитическим партнером Византии. Начиная с 20-х гг. XV в. положение коренным образом изменится. Республика перестанет играть центральную роль во внешнеполитической стратегии Византийского государства.

1.2. Византийская политика в аспекте венгерско-венецианского конфликта

Перспективы развития отношений Византии с западными партнерами напрямую зависели от того, до какой степени совпадали их внешнеполитические интересы. Пожалуй, после Венеции наибольшую ценность для империи в качестве потенциального союзника могла представлять Венгрия. Изначально контакты с ней казались даже более перспективными. Венеция в своей политике руководствовалась конъюнктурными соображениями. Для Венгрии же османская угроза все сильнее ставила под сомнение само ее существование как государства. Расположенная на восточных рубежах Европы, Венгрия уже в конце XIV в. приняла на себя первые

удары османской агрессии и имела возможность на себе ощутить ее масштабы. Это обстоятельство делало сближение Венгрии и Византии вполне естественным.

В 1387–1437 гг. венгерский престол занимал Сигизмунд из династии Люксембургов, одна из самых ярких и незаурядных личностей позднего Средневековья³². Однако в европейской истории он больше известен как германский император (1410–1437). Таким образом, в течение многих лет личная уния связывала Венгерское королевство и Священную Римскую империю, благодаря чему отношения Сигизмунда и византийских императоров становились еще более разноплановыми, охватывая широкий спектр вопросов.

Отношения эти имели продолжительную историю, которая начинается за несколько лет до битвы при Анкаре. Первое вооруженное столкновение венгерского короля с турками приходится на 1392 г.³³ После падения болгарского царства в 1393 г. Венгрия уже непосредственно граничила с турками и противостояла им. В последующие годы военная мощь османов обратилась против Константинополя. К 1394–1395 гг. относятся сведения об известном нам контакте между Сигизмундом и византийским императором Мануилом II, который просил о помощи своей осажденной столице³⁴. Именно Сигизмунд проявил тогда незаурядную энергию, чтобы убедить правителей Запада вступить в коалицию и собрать внушительное крестоносное ополчение.

---

³² Сигизмунду посвящена довольно обширная литература. О его восточной политике см.: *Beckmann G. Der Kampf Kaiser Sigismunds gegen die werdende Macht der Osmanen (1392–1437). Gotha, 1902; Baum W. Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient // Europa in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Donnert. Weimar, 1997. Bd. 1. См. также: Hoensch J. Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit, 1368–1437. München, 1996.*

³³ См.: *Baum W. Op. cit. S. 14–15; Beckmann G. Op. cit. S. 5* (в основе монографии лежит концепция автора, согласно которой с 1392 г. турецкая проблема абсолютно доминировала в политике Сигизмунда и все значительные акции этого правителя были подчинены исключительно планам крестового похода. О правомерности такой точки зрения см. ниже).

³⁴ См.: *Reg. № 3251; Baum W. Op. cit. S. 16.*

Но поход, как известно, закончился катастрофическим поражением под Никополем в 1396 г. На венецианских галерах Сигизмунду удалось переправиться в Константинополь, где он имел возможность лично встретиться с императором Мануилом³⁵. Первое время после возвращения в Венгрию он помышлял о новой экспедиции, но вскоре должен был заняться внутренними проблемами в королевстве³⁶. К тому же турки не предприняли наступления на запад, а битва при Анкаре ослабила остроту проблемы на какое-то время.

Лишь спустя несколько лет Сигизмунд снова заговорил о возможном продолжении борьбы. В 1407 г. посольство короля появилось в Венеции и поставило вопрос о союзе между Венгрией и республикой против турок. По его же просьбе папа Григорий XII провозгласил отпущение грехов всем участникам нового похода³⁷. Однако венецианский сенат отклонил предложение короля, сославшись на формальный мир с османами³⁸.

Прежде чем этот ответ дошел до Сигизмунда, Венецию в октябре 1408 г. посетил еще один венгерский посол, который представил конкретный план военного предприятия. Король предлагал совместными усилиями захватить крепость Галлиполи в Дарданеллах. Для этого ему нужен был венецианский флот. Но и в этот раз республика

---

³⁵ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 133–137; *Baum W.* Op. cit. S. 18. В панегирике византийскому императору Иоанну VIII (предположительно от 1429 г.), написанном игуменом Исидором (будущим митрополитом Киевским), говорится, что Сигизмунд бежал на византийской галере. Правда, этот факт больше нигде не упоминается – см.: *Kaiserrede und Zeitgeschichte im späten Byzanz: Ein Panegyrikos Isidors von Kiev aus dem Jahre 1429 // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik.* 1998. Bd. 48. S. 227.

³⁶ Имеются в виду отношения с венгерскими магнатами, остававшиеся напряженными на протяжении всего периода правления Сигизмунда.

³⁷ *Ann. Eccl. XXVII, ad 1407, 32–33.*

³⁸ См. постановление венецианского сената от 23 июля 1407 г. – *Monumenta Slavorum meridionalium* (далее – MSM). Zagreb, 1875. Vol. 5. P. 99–100: ...*civitas nostra vivit de trafico et exercitio mercantie cum omnibus, et quod per dei gratiam ad presens sumus in pace et tranquillitate cum omnibus, non videmus nobis, esse necessaria aliquam ligam, nam posset nos inducere ad novitatem cum illis, cum quibus in pace sumus, quod esse posset cum damno nostrae dominationis.* См. также: *Beckmann G.* Op. cit. S. 10–11.

отказала. Постановление сената гласило: «Наших с королем сил недостаточно для этой операции без помощи остальных христиан, но как только мы увидим, что все иные правители, князья и города, которых король намерен для этого собрать на воде и на суше, тоже будут готовы к этому, располагая необходимой мощью, то и мы будем согласны выставить со своей стороны все, что будет положено от нашего государства соразмерно его возможностям»³⁹.

Отмечается определенная синхронность этих инициатив Сигизмунда и дипломатических шагов византийского императора, который с 1407 г. пытался поставить перед Венецией те же вопросы. Через год после предложения венгерского короля о возможном захвате Галлиполи Мануил II рекомендовал республике совершенно аналогичный план и, как известно, получил от сената точно такой же ответ. Но на основе лишь этих фактов невозможно говорить о наличии в это время прямых контактов между Константинополем и венгерской короной⁴⁰.

Согласно документальным свидетельствам подобные контакты возобновились лишь с 1411 г., когда Сигизмунд уже был признан римским королем, т. е. фактически германским императором. Нам известны в общей сложности три письма, отправленные им в Константинополь в период с 1411 по 1414 г.⁴¹ Ответные послания византийского императора не сохранились. Первое из писем, относящееся к середине 1411 г., было ответом на дипломатическую миссию Мануила Хрисолоры. Как следует из текста, византийский посол обсуждал с Сигизмундом вопросы церковной унии и помощи против турок. Здесь примечательно то, что за период, прошедший

---

³⁹ См. постановление венецианского сената от 23 октября 1408 г. – MSM. V, 136–138: *Ad factum Gallipolis respondeatur... quod potentia sua et nostra non foret sufficiens ad hoc sine adiutorio aliorum christianorum, omni vice qua videbimus, quod ipse dominus rex et alii principes, domini et communia christianorum, quos sua serenitas dicit per terram et per aquam velle requirere ad hoc, erunt parati et dispositi ad hoc et cum potentia opportuna, nos inueniemur prompti et parati facere et ponere a parte nostra ea que sint iusta, pertinentia nostro dominio.*

⁴⁰ Мнение о том, что эти контакты Сигизмунда с Византией после битвы при Никополе никогда не прерывались, ничем не подкреплено – см.: *Jorga N. Osm. S. 346.*

⁴¹ ACC. I, 391–401.

после битвы при Анкаре, о церковной унии византийская сторона заговорила впервые. На Западе же в это время актуальным был вопрос об объединении самой латинской церкви, которая переживала затяжной кризис с 1378 г., когда разразился так называемый великий раскол⁴². В обоих вопросах Сигизмунд обещал поддержку византийскому императору. Он раскрыл ему свои намерения организовать летом будущего года крестовый поход против турок, призвав Мануила II объединить для этого их усилия, чтобы принести мир и покой христианским народам. Сообщая также о своем избрании римским королем, он указал на то значение, которое имело это обстоятельство при организации похода⁴³.

Чем выше оценивал византийский император перспективы своего сотрудничества с Сигизмундом, тем сильнее было его негативное отношение к военному конфликту между венгерским королем и Венецианской республикой. Данный конфликт разразился в 1412 г. и с перерывами длился до 1433 г.⁴⁴ Его корни имели давнюю историю, в течение которой два государства вели борьбу за побережье Далмации. В XV в. он лишь получил свое дальнейшее продолжение⁴⁵. Если у Сигизмунда на самом деле имелись планы похода на Восток, то теперь на фоне новых реалий они отодвигались. В его замыслах, обращенных уже против Венеции, Византии отводилась роль возможного союзника.

Об этом свидетельствует следующее письмо германского императора в Константинополь, относящееся к середине 1412 г. В нем среди ряда проблем, о которых также пойдет речь ниже, данный вопрос выходит на первый план. Изобличая коварство венецианцев, Сигизмунд поспешил напомнить Мануилу II Палеологу о том,

---

⁴² Подробнее об этом см. ниже.

⁴³ АСС. I, 391.

⁴⁴ См. специальную работу на эту тему: *Stromer W. Landmacht gegen Seemacht. Kaiser Sigismunds Kontinentalperre gegen Venedig, 1412–1433 // ZHF. 1995. Bd. 2. S. 145–187.*

⁴⁵ Последний раз спор вокруг Далмации был урегулирован Туринским миром 1381 г., по которому далматинское побережье рассматривалось как собственность венгерской короны. Происходившее после этого неуклонное военно-экономическое усиление Венецианского государства привело к возобновлению борьбы в 1412 г. – см.: *Beckmann G. Op. cit. S. 18–20.*

какое зло они причинили и Византийской империи. Перечислив некогда принадлежавшие ей территории, которые они у нее отняли – Крит, Негропонт и южный Пелопоннес, – Сигизмунд упомянул, как в свое время венецианцы бессовестно ограбили Константинополь, лишив его самых ценных сокровищ и реликвий⁴⁶. Нет сомнений в том, что германский император имел в виду печально знаменитый Четвертый крестовый поход (1204).

Сигизмунд предлагал Мануилу II поддержку его действий против Венеции. Согласно его плану Византия должна была запретить венецианцам торговлю на своей территории и закрыть для них все доступные гавани. Обвиняя венецианцев в прямом сговоре с турками, он заявлял, что последние не смогут прийти им на помощь. Наконец, автор письма уверял, что с помощью своих войск он в состоянии отвоевать и вернуть грекам все, что венецианцы когда-либо у них отняли⁴⁷.

Предлагаемые Сигизмундом меры грозили втянуть Византию в войну с Венецией. На протяжении нескольких предыдущих лет Мануил II неоднократно пытался заключить союз с ней для борьбы с турками. Поэтому щедрые обещания Сигизмунда должны были показаться сомнительными, тем более что византийские санкции против венецианцев могли нанести непоправимый ущерб империи.

---

⁴⁶ ACC. I, 395: *Venetis siquidem fortuna retroacto tempore prospera nunciante, fecerunt sibi curnua ferrea, cum quibus totum orbem credunt ventilare... Quantis autem iniuriis et iacturis predecessors vestros et vos Veneti ipsi in usurpatione et occupatione bonorum et iurium imperii vestri multipliciter affecerint, presertim Candiam alias Cretam, Nigropont, Mothon, et Coron in Morea violententer occupando per tirannidem suam fecisse arbitrantur, et quomodo civitatem Constantinopolim thesauris, auro et argento, gemmis et lapidibus pretiosis et sanctuaria ibidem reliquiis sanctis et clenodiis pretiosissimis et monilibus infinitis detestabiliter spoliarent...*

⁴⁷ ACC. I, 398: *Primo nempe quod prohiberetur Venetis ipsis portus in civitate Constantinopoli et etiam in aliis locis vestrae ditioni subiectis nec permittantur mercatores eorum stare et negotiari in Constantinopoli et aliis vestries tenutis. ...Item pro recuperatione Mothon et Choron in Morea posset in terra etiam per gentes nostras subveniri nec posset Turcorum adiutorium, in quibus Veneti ipsi confidunt, in hac parte ipsos relevare, quia nos in tantum in tantum possemus et vellemus eis obviare in terra et dare impedimenta... Quaecumque vero bona vestri imperii nostrorum gentium adiutorio a Venetis ipsis eripere et recuperare possemus, sine difficultate aliqua ad manus vestras resignaremus...*

Понимая это, византийский император совершает несколько попыток урегулировать этот крайне нежелательный для него конфликт, предлагая обеим сторонам свое посредничество.

Для того чтобы понять реакцию византийского императора, необходимо иметь в виду, что противостояние Венгрии и Венеции не было простым локальным конфликтом. Это было столкновением сил, представлявших собой важнейшие узловые центры международной политики того времени. То, что Сигизмунд одновременно был германским императором, лишь усугубляло этот факт. Используя все доступные ему средства, он с переменным успехом пытался втянуть в свои военные и экономические операции против Венеции практически все государства Европы и даже Ближнего Востока. Согласно этим расчетам Византия должна была играть роль одного из многочисленных звеньев, которые в совокупности составляли сложную цепь континентальной блокады, призванной подорвать потенциал морской республики⁴⁸. Ни в какой другой вопрос европейской политики этого периода император Византии не пытался вмешаться с такой настойчивостью.

В январе 1414 г. венецианский сенат впервые рассмотрел предложение византийского посла о посредничестве в целях урегулирования конфликта с Венгрией. Оно было отклонено на том основании, что посредническая миссия уже передана папе⁴⁹. Но папа не справился с ней. В следующем году Сигизмунд от имени всех христиан открыто обвинил венецианцев в пособничестве туркам⁵⁰. Республика не пропустила этого оскорбления. В конце августа 1415 г. сенат выпустил циркулярное письмо всем христианским правителям, в котором утверждалось, что Венеция всегда вела борьбу с турками, напомнив при этом, что именно венецианцам Сигизмунд был обязан счастливым возвращением на родину после военной катастрофы под Никополем⁵¹.

В феврале 1416 г. в Венеции остановился византийский посол Николай Евдемон, который направлялся на Констанцкий собор.

---

⁴⁸ См.: *Stromer W.* Op. cit. S. 161, 186–187.

⁴⁹ Reg. № 3335; *Thirnet*, № 1514.

⁵⁰ См.: *Baum W.* Op. cit. S. 28; *Jorga N.* Osm. S. 367.

⁵¹ См.: *Jorga N.* Notes et extraits. . I, 235.

Он вновь предложил посреднические услуги императора. На этот раз сенаторы согласились, однако при условии, что мир с Сигизмундом должен быть заключен на почетных и приемлемых для республики условиях⁵². Как дальше развивалась эта часть миссии Евдемона, неизвестно. Когда он прибыл на Констанцкий собор, Сигизмунда там уже не было. В любом случае инициатива Мануила II не была реализована, поскольку подобные попытки продолжались и позднее.

Этому же была посвящена миссия Мануила Филантропина⁵³ в 1420 г. 17 февраля он вместе с Евдемоном, который уже несколько месяцев находился в Венеции, передал сенату очередное предложение императора о посредничестве. Посол подчеркнул, что примирение республики с венгерским королем явится залогом успешной борьбы с турками. Формально сенат принял предложение. Последовала ответная нота о том, что Венеция со своей стороны тоже стремится к миру, в то время как Сигизмунд не хочет этого, несмотря на попытки предыдущих посредников (в том числе папы и польского короля) и готовность предоставить ему галеры для операций против турок. Сенаторы приветствовали назначение Филантропина, который должен был от них проследовать к Сигизмунду, и согласились, чтобы их собственный представитель сопровождал его⁵⁴.

Известно, что из Венеции Филантропин отправился в Венгрию к Сигизмунду, в августе он был в Польше у Владислава Ягеллона, а затем нанес визит к литовскому князю Витовту. В ходе этой миссии, очевидно, затрагивалась и проблема церковной унии.

---

⁵² См.: *Thiriet*, № 1599; *Jorga N. Notes et extraits... I*, 243; *Lampros S. Op. cit.* P. 131 (см. сноску 22): *Respondemus, quod ea, que dictus Ambaxiator exposuit... videmus et cognoscimus optimam dispositionem serenissimi domini imperatoris ad bonum et salutem christianorum, et similiter quam habet erga nostrum dominium, sicut superius tetigimus... quod quocienscunque videbimus dominos praedictos et dominium regem Hungariae paratos contra dictos Turchos, et habebamus pacem cum dicto domino rege Hungariae semper inveniemur prompti ex parte nostra, ad ea que concernant bonum et salutem christianorum contra Turchos praedictos.*

⁵³ PLP. № 29769.

⁵⁴ См.: *Reg.* № 3378–3379; *Thiriet*, № 1757–1758; *Jorga N. Notes et extraits... I*, 300–301; *Barker J. Op. cit.* P. 337–338.

Сохранилось письмо польского короля византийскому императору от 1420 г., в котором он выражал свою крайнюю заинтересованность в решении этого вопроса⁵⁵. Но на первом месте должен был стоять вопрос об отношениях венгерского короля и Венеции. Обращение за помощью к Польше件нятно, поскольку Ягеллон уже пытался играть роль посредника между ними.

Однако момент оказался не слишком удачным. Незадолго до этого Сигизмунд, выступая арбитром в споре между Польшей и Ливонским орденом, вынес постановления в пользу последнего. Это надолго оттолкнуло от него Ягеллона и Витовта⁵⁶. Что же касается предложения византийского императора о посредничестве, то Сигизмунд его, по-видимому, принял. Вернувшись обратно в Венецию в феврале 1421 г., Филантропин сообщил об этом сенату⁵⁷. Сенат, в свою очередь, выразил готовность вести переговоры. Дальнейшие подробности, к сожалению, неизвестны. Возможно, византийцам удалось инициировать переговоры, но как раз в это время, после восшествия на престол нового турецкого султана Мурада II, внешнеполитическое положение империи начало ухудшаться, и это обстоятельство могло сорвать процесс. 30 декабря 1423 г. венецианский сенат ответил византийским послам, что все попытки к примирению натолкнулись на непрерывные отказы Сигизмунда⁵⁸.

Последняя попытка была связана с миссией на Запад Иоанна VIII Палеолога, являвшегося на тот момент наследником и соправителем своего отца Мануила. По-видимому, и она была предназначена в первую очередь для решения этой же задачи. Иоанн не повторял маршрут своего отца, который тот проделал в свое время, нет никаких данных и о его контактах с курией. Молодой император имел перед собой вполне конкретные задачи. Выехав из Константинополя в середине ноября 1423 г., 15 декабря он достиг

---

⁵⁵ См.: Codex epistolaris Vitoldi. Krakow, 1891. P. 493.

⁵⁶ См.: Baum W. Op. cit. S. 29. К этому надо добавить, что с 1419 г. Сигизмунд становится королем Богемии, поэтому к уже имевшимся проблемам добавилась борьба с гуситами

⁵⁷ Thiriet, № 1802.

⁵⁸ См.: Jorga N. Notes et extraits... I, 350–351.

Венеции. Здесь он находился более месяца⁵⁹. 30 декабря сенат подвел первые итоги переговоров. Республика обещала оказать военную помощь империи и отправить сильный флот в сторону Леванта, если Иоанну VIII удастся склонить к аналогичным акциям другие европейские державы. В отношении Венгрии было сказано, что упорное нежелание Сигизмунда заключать мир вынудило Венецию вступить в союз с Миланом, и миланского герцога теперь требовалось поставить в известность о новых инициативах императора⁶⁰. Ответ герцога, поступивший 17 января, не содержал ничего определенного. В тот же день сенат посоветовал Иоанну VIII отправиться в Венгрию, а по пути выяснить позицию Милана. Последовало обещание в ближайшем будущем снарядить флот для защиты Константинополя⁶¹.

В конце января император выехал в Милан, где он должен был встретиться с герцогом Висконти⁶². В источниках не сообщается подробностей его путешествия. 9 февраля он покинул Милан, и о его дальнейших действиях ничего не известно вплоть до 17 марта. Этим днем датировано письмо императора из Лоди венецианскому сенату, в котором содержалась просьба передавать ему все новости с Востока и выслать посла, который бы вместе с ним отправился в Венгрию. Первую просьбу сенат удовлетворил, на вторую ответил, что в таком случае необходимо присутствие и миланских представителей⁶³. Как был решен этот вопрос, тоже неясно, но в начале мая император снова был в Милане. Оттуда он отправился в Венгрию и 22 июня 1424 г. прибыл в Буду⁶⁴, где был торжественно принят императором Сигизмундом. Главным предметом переговоров оставался вопрос о примирении с Венецией.

Назвать результат этих переговоров положительным, конечно, нельзя. Как раз во время визита Палеолога Сигизмунд вел переговоры с турецким султаном о продлении перемирия, которое впо-

---

⁵⁹ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 375.

⁶⁰ См.: *Jorga N.* Notes et extraits... I, 350–351.

⁶¹ См.: *Ibid.* 352–353; *Thiriet*, № 1920.

⁶² См.: *Barker J.* Op. cit. P. 376–377.

⁶³ *Thiriet*, № 1927.

⁶⁴ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 378; *Baum W.* Op. cit. S. 31.

следствии было заключено на два года⁶⁵. В это же самое время между турками и венецианцами дело шло к новой войне, которая разразилась в мае 1425 г.⁶⁶ Вместе с тем деятельность византийского императора, возможно, поспособствовала временному потеплению отношений венгерского короля с Венецией. 30 октября венецианский сенат рассмотрел предложения Сигизмунда о заключении мира и наступательного союза против турок. Два государства должны были вести с ними совместную борьбу на суше и на море. Король просил также о субсидии в 200 тысяч дукатов и помощи в строительстве флота. Республика, которая уже вела войну с османами, ответила согласием, хотя возможную сумму займа решено было сократить в четыре раза. Войскам Сигизмунда обещали открыть доступ в венецианские владения, в том числе в Фессалонику. Ожидалось, что к коалиции присоединится Милан⁶⁷. По сути, это было то, чего давно добивался византийский правитель. Но проекту не суждено было сбыться ни в одной своей части. Через несколько месяцев альянс Венеции и Милана раскололся, и последний начал поддерживать венгерского короля против своего бывшего союзника.

В 1426 г. Сигизмунд возобновил войну с турками. Но весной 1428 г. османы нанесли ему поражение на Балканах. Новое перемирие было заключено в начале 1429 г. на три года. Незадолго до этого король заключил короткое перемирие с венецианцами. При посредничестве флорентийцев стороны снова попытались договориться, и эта попытка вновь заставила их заговорить о перспективах совместной борьбы с турками. 8 октября 1429 г. сенат обсуждал последние предложения Сигизмунда. Предполагалось продлить перемирие на пять лет. Обсуждался план, по которому венецианский флот должен был охранять проливы, если бы Сигизмунд начал военные операции против османов, а его войско снабжалось бы из Фессалоники. Император уже не нуждался в займе, как в предыдущий раз⁶⁸. Какова была резолюция сенаторов, мы не знаем, но

⁶⁵ См.: *Baum W.* Op. cit. S. 32.

⁶⁶ См.: *Jorga N.* Osm. S. 402.

⁶⁷ См.: *Jorga N.* Notes et extraits... I, 408–409.

⁶⁸ См.: *Ibid.* 504–505.

проект не был реализован. Тогда же, в 1429 г., Сигизмунд писал византийскому императору и морейским деспотам Феодору и Константину о последнем перемирии с турками, оправдывая этот шаг тем, что он позволит ему направить свои силы против венецианцев⁶⁹. Венецианцы же в марте 1430 г., не выдержав штурма, сдали туркам Фессалонику. После этого республика заключила мир с султаном⁷⁰. В 1433 г. удалось потушить и ее конфликт с Венгрией, но уже без византийского участия.

Позиция, сформировавшаяся у Византии по отношению к венгерско-венецианскому военному конфликту, ярко демонстрирует одну из центральных задач внешней политики империи этого периода, которая состояла в том, чтобы по возможности не допускать взаимного ослабления европейских государств и бессмысленного распыления их военных ресурсов на фоне угрожающего роста османской державы. Своими посредническими действиями Византия

---

⁶⁹ Посол Сигизмунда Бенедикто Фульчи, который был отправлен для переговоров с турецким султаном о перемирии, после успешного выполнения своей задачи на обратном пути остановился в Константинополе, где поставил в известность об этом императора Иоанна VIII – см.: *Baum W. Op. cit. S. 35*. В октябре 1429 г. Сигизмунд сообщил о перемирии с турками деспотам Морей. Текст письма опубликован – см.: *Lampros S. Op. cit. P. 323: Propter sevam tyrannidem communium hostium Venetorum, qua nostra et imperii sacri iura conantur dietim surripere, firmavimus cum Omorath, Teucrorum domino... ut ipsorum insolentis commodius possimus resistere. Super quo praefato domino imperatori, fratri nostro et vestro, scripsimus et mentem nostram deteximus.*

Из этого же письма следует, что через упомянутого Бенедикто Фульчи византийский император сообщил Сигизмунду о своем желании заключить унию с латинской церковью. Сигизмунд выразил удовлетворение по этому поводу и сообщал, что уже поручил Дисипату предоставить ему более подробную информацию. О каком именно представителе византийской фамилии Дисипатов, которого он назвал своим доверенным лицом, идет речь в данном случае, непонятно – см.: *Ibid. ...commisimus strenuo militi Dissipato, fideli nostro, ut nobis super illo nostri parte informationem praebeat clariorem.*

⁷⁰ См.: *Jorga N. Osm. S. 407–408*. Позиция Сигизмунда, заключившего перемирие с турками, сыграла здесь не последнюю роль. Бенедикто Фульчи позднее открыто называл поражение венецианцев своей заслугой – см.: *Baum W. Op. cit. S. 35*. После падения Фессалоники в Константинополе всерьез начали готовиться к тому, что военная мощь османов теперь будет повернута против империи. Этот факт, вероятно, еще больше подтолкнул императора к активизации переговоров о церковной унии.

упорно пыталась собственными силами создать себе возможных союзников для предстоящей войны с турками. С другой стороны, исследованные факты показывают, что степень политического и дипломатического влияния Византийского государства в XV в. были несоизмеримы с масштабом поставленной задачи.

1.3. Византия и Арагон

После Венеции и Венгрии Арагонское королевство было следующим и, пожалуй, последним европейским государством, с которым Византию в это время связывали относительно налаженные контакты⁷¹. Свое развитие они получили еще в период пребывания Мануила II на Западе. Уже тогда в Испании постоянно находился его посол Алексей Вран, который посетил дворы Арагона, Кастилии и Наварры, призывая монархов прийти на помощь Константинополю⁷². 20 июня 1402 г. византийский император сделал дружественный жест в отношении папы Бенедикта XIII, одарив его ценной реликвией (фрагментом туники Христа) с приложенным к ней хрисовулом⁷³. Этот папа, находящийся под покровительством арагонского дома, в знак благодарности разрешил византийцам собирать пожертвования от имени церкви на территории Испании⁷⁴.

Для этой цели туда в начале 1403 г. отправился еще один посол императора. 28 февраля Мартин I снабдил его сопроводительным письмом, адресованным кастильскому королю Генриху III⁷⁵.

---

⁷¹ В истории испано-византийских отношений особое место занимает вопрос об испанских наемниках, которые в Византии были известны как «каталаны». В основном это и были выходцы из Арагона (с 1137 г. Каталония с центром в Барселоне входила в состав Арагонского королевства). Однако проблема иностранного наемничества не является целью настоящего исследования. Подробнее об этом см.: *Ditten H.* Op. cit. S. 274–277.

⁷² См.: *Marinesco C.* Du nouveau sur les relations... P. 421.

⁷³ Reg. № 3287.

⁷⁴ См.: *Estopañan C.* Ein Chrysobullos des Kaisers Manuel II. Palaiologos (1391–1425) für den Gegenpapst Benedikt XIII (1394–1417/23) vom 20. Juni 1402 // *BZ.* 1951. Bd. 44. S. 89–93.

⁷⁵ См.: Reg. № 3295; *Marinesco C.* Du nouveau sur les relations... 431; *Barker J.* Op. cit. P. 255.

Послом был представитель византийской императорской фамилии Константин Ралл Палеолог⁷⁶. В сентябре 1404 г. к нему присоединился его сын Феодор⁷⁷. В это же самое время следы своего присутствия в Испании оставил еще один византийский дипломат по имени Ангел⁷⁸. Не ясно, правда, в каких отношениях он состоял с семейством Раллов. В 1405 г. Феодор отправился из Барселоны в Наварру, а Константин впоследствии перенес свою деятельность во Францию⁷⁹.

Целью всех названных эмиссаров был сбор пожертвований, полученных от продажи индульгенций. Задача эта решалась, по видимому, с немалым трудом. Имели место жалобы арагонскому королю на то, что непосредственные сборщики денег на территории королевства скрывают и придерживают те или иные суммы, не торопясь выдавать их византийским агентам. В ответ от короля исходили распоряжения, направленные против соответствующих злоупотреблений⁸⁰.

Из-за постоянных трудностей, тормозивших дело, с которыми послы явно не могли справиться, эту задачу отчасти должен был взять на себя Мануил Хрисолора. Осенью 1407 г. он выехал из Константинополя, имея при себе письмо императора арагонскому королю⁸¹. Уже из текста послания мы узнаем, что за два года до того, в 1405 г., арагонский посол по имени Педро де Кинтано посетил византийскую столицу и просил Мануила II пожертвовать королю серию священных предметов. Но поскольку, как сообщал император, тогда он был не готов это сделать и к тому же хотел передать реликвии через собственного посла, то отправил каталонца обратно. Вскоре, однако, выяснилось, что в пути тот погиб. Теперь же, спустя два года, император счел возможным исполнить

---

⁷⁶ PLP. № 3317.

⁷⁷ Мартин I выписал им обоим охранно-пропускные грамоты и наделил правом собирать пожертвования (см.: *Marinesco C. Du nouveau sur les relations...* P. 432).

⁷⁸ См.: *Ibid.*

⁷⁹ См.: *Barker J. Op. cit.* P. 256–257.

⁸⁰ См.: *Ibid.* P. 433–434.

⁸¹ Reg. № 3317. Текст письма см.: *Marinesco C. Manuel II...* P. 21. См. также: *Barker J. Op. cit.* P. 265.

эту просьбу. Речь шла о нескольких священных для христиан предметах. Это были фрагменты креста, на котором был распят Христос, камня, на котором рыдал апостол Петр после своего трехкратного отречения от Учителя, и решетки, на которой принял мученическую смерть св. Лаврентий. Хрисолора добрался до Испании в 1410 г.⁸² Перед этим, в мае 1409 г., находясь во Франции, он взял на себя функции по сбору пожертвований от Константина Ралла и некоего Алексея Дисипата⁸³.

При следующем арагонском правителе, Фердинанде I, контакты с Византией продолжались. Об этом свидетельствуют два сохранившихся письма, адресованных этому королю императором Мануилом. Как известно, в июле 1414 г. император начал путешествие по своим владениям, конечным пунктом которого был Пелопоннес. В ноябре он остановился в Фессалонике, откуда отправил первое письмо Фердинанду⁸⁴. В нем он выражал надежду на то, что с новым королем Арагона сохранятся такие же дружественные отношения, которые были при его предшественниках⁸⁵. Однако основным поводом для письма стало полученное императором от своего сына, морейского деспота Феодора II, известие о том, что Фердинанд пообещал ему прибыть на Пелопоннес со своей армией. Мануил II горячо приветствовал это решение арагонского короля и сообщил ему свой дальнейший маршрут в сторону Морей, где готов был встретиться с ним лично⁸⁶.

---

⁸² Перед этим Хрисолора проехал Венецию, Геную, Париж и Лондон – см.: *Barker J.* Op. cit. P. 263–265.

⁸³ Соответствующее распоряжение, по просьбе византийского императора, исходило от короля Карла VI – см.: *Marinesco C.* Du nouveau sur les relations... P. 435–436.

⁸⁴ Reg. № 3343. Текст письма см.: *Marinesco C.* Manuel II... P. 200–201.

⁸⁵ См.: *Marinesco C.* Manuel II... P. 200: ...duximus scribendum, significantes vobis qualiter, inter nos, precessores nostros et omnes reges Aragonum, maxima viguit dilectio et fervens amor et ferventius quam inter aliquos alios principes partium occidentalium.

⁸⁶ См.: *Ibid*, P. 200–201: ...maximum sumpsimus gaudium de eo quod intelleximus quod Vestra Excellentia illustri filio nostro, despoti Moree Porfirogenito, notificaverat qualiter accedere intendebat pro communi utilitate christianorum et specialiter nostra ad dictas partes Moree cum potentia maxima, quod ultra omnia, nobis gratissimum extitisset...

В литературе этот интересный эпизод пока никак не прокомментирован, тем более что Фердинанд с войском так никогда и не появился в Морее. Создается впечатление, что его обещание было неким декларативным жестом. Но, возможно, все несколько сложнее и проблема не сводится лишь к его отношениям с Византией. К. Маринеско, опубликовавший письмо, в краткой аннотации к нему указал, что экспедиция арагонского короля была задумана им как крестовый поход. Но с этим едва ли можно согласиться. Фразе-клише, в которой говорилось, что готовящееся предприятие пойдет «на благо всех христиан», не должна вводить в заблуждение.

С большей степенью вероятности можно предположить, что замысел Фердинанда был согласован с императором Сигизмундом и был частью его военно-экономической политики, направленной против Венеции. Сигизмунд настойчиво пытался вовлечь в нее все европейские государства. Известно, что в этом конфликте Арагон всегда занимал в целом благожелательную позицию по отношению к германскому императору⁸⁷. Последний же еще двумя годами ранее писал византийскому правителю о необходимости совершить поход в сторону Пелопоннеса против венецианцев. Намерения Фердинанда, судя по всему, и не простирались дальше Пелопоннеса, поэтому он в первую очередь поделился ими с морейским деспотом. Сам Мануил II, возможно, догадывался о чем-то. В конце письма он просил короля выслать гонца, чтобы поведать о своих конкретных планах⁸⁸. О проблеме турок вообще не было сказано ни слова.

В пользу данной версии можно добавить некоторые косвенные подтверждения. Если все обстояло именно так, то для импера-

---

...immediate nostram civitatem Salonicham accessimus, a qua, Deo auxiliante, cito recedemus et ad partes Moree accedemus, ibique yemari intendimus ac per tempus morari. Quatenus, si illuc veniretis, nobis ibidem residentibus, ad maximum gaudium atque letitiam nobis cederetur, et exultaremus summe.

⁸⁷ См.: *Stromer W.* Op. cit. S. 161, 171–172. Правда, до непосредственного участия Арагона в военных операциях дело не дошло.

⁸⁸ См.: *Marinesco C.* Manuel II... P. 201: Deinde vos ortamur ut placeat aliquem de vestris ad nos transmittere, ut certiores reddamur de intentione vestra, quam non dubitamus esse optimam pro nobis et communi utilitate sacrae fidei christianae et cunctorum christianorum.

тора особое значение приобретал вопрос о реакции венецианцев на возможное прибытие арагонской экспедиции к берегам Морей. Выехав из Фессалоники в конце зимы, Мануил II, прежде чем отправиться на Пелопоннес, в марте 1415 г. остановился на принадлежавшей венецианцам Эвбее. Там он был принят по всем правилам церемониала⁸⁹. Но подробностей его пребывания на острове мы не знаем. Позднее ему, очевидно, пришлось столкнуться с явно недружелюбными жестами венецианцев по отношению к себе и членам своей семьи. В обращении к сенату от 23 июля 1415 г. император привел два таких факта. В первом случае речь шла о капитане одного венецианского судна, отказавшемся вопреки принятым нормам взять на борт гонца с посланием, которого сын императора Иоанн должен был отправить к отцу из Константинополя. Кроме того, император жаловался на то, что команды венецианских судов не воздают положенных почестей ему и членам его фамилии⁹⁰.

Не исключено, что эта напряженность была навеяна слухами о ближайших планах Фердинанда. Но уже скоро стало ясно, что обещанный им поход не состоится. Даже если король всерьез помышлял о нем, в тот момент он был озабочен другой проблемой. Как раз в это время Констанцский церковный собор решал вопрос о ликвидации западной схизмы и, в частности, об отречении папы Бенедикта XIII, которому покровительствовал Арагон. Этот же вопрос стал объектом переговоров между Фердинандом и императором Сигизмундом, причем переговоры шли с большим трудом⁹¹. Сигизмунду они одновременно должны были служить дополнительным инструментом в его стратегических целях⁹². Но различие во взглядах на преодоление схизмы, возможно, помешало формированию общей политики по отношению к Венеции.

Мануил II, вернувшись в Константинополь, в тот же день,

---

⁸⁹ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 310.

⁹⁰ Reg. № 3351. Сенат обсуждал это письмо императора 23 июня 1415 г. – см.: *Lampros S.* Op. cit. P. 127; *Thiriet*, № 1592.

⁹¹ См.: *Schönstedt F.* König Siegmund und die Westmächte 1414–1415 // *Die Welt als Geschichte*. 1954. Bd. 14. S. 149–164 (здесь – S. 150).

⁹² См.: *Stromer W.* Op. cit. S. 162.

25 марта 1416 г., отправил еще одно письмо Фердинанду Арагонскому⁹³. Император писал о своем прибытии в столицу, о том, что обнаружил в добром здравии всех членов своей семьи, и просил короля сообщать ему новости. Подробнее обо всем остальном посол должен был сообщить устно⁹⁴. В том же 1416 г. король Фердинанд скончался. С его преемником Альфонсом V Византия не унаследовала прежнего характера отношений⁹⁵.

Подводя итог, необходимо указать на то, что контакты византийского императора с правителями Арагона носили явно дружественный характер, и сам Мануил II не раз подчеркивал это. Оттого их результаты могут показаться более чем скромными. Заверения в дружбе, подкрепленные небольшими финансовыми пожертвованиями со стороны Арагона, – вот, пожалуй, и все, что можно отнести на их счет.

---

⁹³ Reg. № 3457. Текст письма опубликован: *Marinesco C. Manuel II...* P. 201–202.

⁹⁴ Письмо было отправлено с неким каталанцем по имени Juvenis, подданным арагонского короля и состоявшего на службе при византийском дворе – см.: *Marinesco C. Manuel II... Juvenis Catalanus, fidelis et subditus vester nosterque servitor...*

⁹⁵ В отношениях Византии с Альфонсом V (1416–1458) на первый план вышли проблемы торговли и пиратства. В 1419 г. посол Мануила II Павел Софианос жаловался королю на действия каталанских и сицилийских пиратов и, в частности, на некоего Педро Лоретта, захватившего императорское судно с греческими и турецкими моряками, которые были проданы им в рабство. Со стороны Арагона действительно были приняты меры к тому, чтобы отыскать и вернуть этих пленников вместе с кораблем. Однако подобные инциденты по-прежнему имели место. Осенью 1437 г. византийский посол Мануил Корессис снова предъявил правителю Арагона жалобу в связи с пиратством. Император Иоанн VIII писал тогда о своем желании иметь дружественные отношения с монархом и предлагал ему открыть в Константинополе каталанское консульство (Reg. № 3469). Достоверно известно, однако, что такое консульство существовало в византийской столице еще в 1433 г. и, по всей видимости, было закрыто императором в качестве ответной меры на пиратские акции. В 1437–1438 гг. оно было восстановлено. К улучшению отношений с Альфонсом V императора вынуждало и предстоящее отбытие в Италию на Ферраро-Флорентийский собор. Подробнее об этом см.: *Marinesco C. Contribution à l'histoire des relations économique entre l'Empire byzantin, la Sicile et le royaume de Naples de 1419 à 1453 // Studi bizantini e neoellenici. 1939. Vol. 5. P. 210–219. О каталонском пиратстве также см.: Колотова О. Е. Каталонское пиратство в Эгеиде (кон. XIV – XV в.) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 309–317.*

Анализ отношений Византии с Венецией, Венгрией и Арагоном позволяет сделать главный вывод: европейские государства не сумели использовать шансы, появившиеся после битвы при Анкаре в 1402 г. Несмотря на дипломатические усилия империи, так и не удалось создать даже подобия антитурецкого альянса, способного поставить заслон возрождению османской державы и ее наступательного потенциала. С середины 20-х гг. XV в. острота турецкого вопроса резко усиливается. В это же время происходит существенная корректировка внешнеполитических ориентиров Византийского государства.

2. ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ КАК СРЕДСТВО ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

2.1. Византийская внешняя политика в поисках новой парадигмы (1410–1431)

Период, продолжавшийся примерно два десятка лет после битвы при Анкаре, условно можно назвать периодом светской дипломатии в отношениях Византии с Западом. Эти отношения почти не затрагивали такой традиционный и непростой вопрос, как церковная уния. Эпизодические контакты на этой почве, как будет показано далее, не были строго нацелены на постановку и поиск решения данной проблемы. На протяжении 20-х гг. XV в. ситуация постепенно менялась. Политические контакты с латинским миром все больше переходили в церковно-религиозную плоскость. Однако должно было пройти какое-то время (до 30-х гг.), прежде чем уния стала доминирующей задачей византийской внешней политики.

2.1.1. К постановке вопроса

В истории политических взаимоотношений Византии и Запада значительную роль играл церковный вопрос. После того как в 1054 г. раскол христианской церкви стал свершившимся и необратимым фактом, на Востоке и на Западе время от времени раздавались голоса в пользу объединения двух церквей. История раскола была историей попыток его преодоления. Лионская уния, заключенная в 1274 г., стала первым пробным шагом. Ее провал на долгое время охладил стремление сторон к поискам компромисса. Однако со второй половины XIV в. в византийском обществе наблюдается заметное усиление прозападной ориентации. Латино-

фильские настроения постепенно охватывают часть интеллектуальной элиты империи¹. Одновременно этот вопрос занял прочное место во внешней политике Константинополя.

Проблема церковной унии, ее актуализация в разные периоды всегда имела под собой политическую подоплеку. «Идея унии была, по сути дела, идеологической вуалью, прикрывавшей развитие политических связей Византии как с римским папой, так и с западными странами в целом»². Не секрет, что Лионская уния являлась, по существу, выражением временного альянса между империей и папством, призванным защитить государство первых Палеологов от агрессивных поползновений западных держав. В XIV–XV вв. эта проблема подогревалась стойким убеждением многих византийских государственных деятелей и интеллектуалов в том, что только военная помощь Запада даст империи дополнительную возможность противостоять турецкой экспансии.

Религиозная проблематика в этой ситуации приобретала ярко выраженную политическую окраску. Это справедливо и по отношению к Западу, так как средневековое папство обладало всеми чертами политического института. Одним словом, переговоры о церковной унии носили не религиозный, а ярко выраженный политический характер, поэтому инициатива в этом направлении всегда происходила не от патриарха, а от императора. Когда он обращался к папе, то видел в нем не столько наследника св. Петра, сколько сюзерена по отношению к западным государствам³. В папе греки могли видеть единственную интегрирующую силу в европейском сообществе наций, хотя реальное положение вещей в XV в. было уже существенно иным.

Чтобы приблизиться к пониманию особенностей отношений Византии и Запада в этой области, необходимо вкратце остановиться на некоторых ее аспектах. Прежде всего следует установить, каким

---

¹ См.: Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1980. Вып. 16. С. 46.

² Поляковская М. А., Медведев И. П. Развитие политических идей в поздней Византии // Культура Византии: XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 276.

³ См.: Viller M. La Question de l'union des églises entre grecs et latins depuis le concile de Lyon jusque' à celui de Florence (1274–1438) // RHE. 1921. T. 17. P. 280.

образом стороны представляли себе пути решения столь сложной задачи, как воссоединение церквей. Византийцы и латиняне были едины во мнении: христианская церковь – единый вселенский институт и осознавали раскол как противоестественное и трагическое явление. Однако их взгляды относительно природы и сущности этого единства расходились. На представления греков сильное влияние оказывали категории имперского мышления. Они проистекали из древней ойкуменистической теории, которая существовала на протяжении всей византийской истории⁴ и согласно которой власть византийского императора теоретически распространялась на все христианское мировое сообщество, вне зависимости от того, как далеко простирались собственно государственные границы империи. Их несоответствие границам «ойкумены» воспринималось как факт противоестественный и преходящий. В поздне-византийский период эта доктрина уже не имела ничего общего с исторической реальностью, но по-прежнему была в официальном употреблении. Более того, в условиях сокращения сферы распространения императорской власти особый интерес к ней проявила византийская церковь, взяв ее под свою защиту.

Одним из элементов этого имперского представления о христианском мире являлась так называемая теория пентархии⁵. Она предполагала, что вселенская церковь возглавляется пятью патриархами – Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Корни этой системы уходят в IV в. Именно она легла в основу византийской концепции вселенского собора, на котором требовалось обязательное присутствие всех патриархов либо их полномочных представителей, даже после того как три восточных

---

⁴ См.: *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в Средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 412–424; *Dieten van J.-L.* Politische Ideologie und Niedergang in Byzanz der Palaiologen // ZHF. 1979. Bd. 1. S. 1–24.

⁵ См.: *Dvořník F.* Byzanz und der römische Primat. Stuttgart, 1966. S. 115–119. Об отношениях восточных патриархов и римского престола см. также: *Vries W.* Rom und die Patriarchate des Ostens. Freiburg; München, 1963.

патриархата утратили реальное значение в жизни церкви⁶. Вселенский собор, в свою очередь, был для византийцев главным и неперенным условием, при котором вообще могла идти речь о восстановлении единства христианской церкви. Он был призван гарантировать византийской церкви равноправное положение по отношению к папскому престолу. Примат последнего понимался ими исключительно как примат чести, а не юрисдикции.

В то время как в Византии усиливалось движение в сторону заключения церковной унии с Западом, в недрах самого Запада происходили важные внутренние перемены, связанные с возникновением такого явления, как соборное движение, или конциляризм. Под этим термином следует понимать комплекс идей и возникшую на их основе реальную практику, направленную на преобразование организационных структур католической церкви, оказавшейся в состоянии кризиса⁷. Без этого невозможно понять глубину вопроса и специфику ситуации, в которой шли переговоры.

Кризис римско-католической церкви был предопределен политическим развитием Запада. Усиление национально-государственного партикуляризма, который переживала Европа, вступило в противоречие с космополитическим характером папства и церкви в целом. Внешним выражением этого стало падение авторитета папского престола, ставшего объектом национальных притязаний. В 1378 г. в результате соперничества французской и итальянской партий развился печально знаменитый «великий раскол» (великая западная схизма, 1378–1417), приведший к установлению двоепапства⁸. В 1409 г. латинские кардиналы попытались решить вопрос, избрав

---

⁶ Подробнее о византийской концепции вселенского собора см.: *Sieben J. H. Griechische Konzilsidee zur Zeit des Florentinums // ThPh. 1995. Bd. 65. S. 184–215.*

⁷ О конциляризме имеется очень обширная литература – см.: *Geschichte der Konzilien / Hrsg. von G. Alberigo. Wiesbaden, 1998. S. 288–290.*

⁸ По окончании периода авиньонского пленения в 1378 г. папой был выбран итальянец Урбан VI (1378–1389), который вернул резиденцию в Рим. Французские кардиналы отказались признать его и через несколько месяцев провозгласили папой Клемент VII (1378–1394). За каждым из них группировались политические силы. Урбана VI и его преемников признавали в Италии, Германии, Англии, Северной и Восточной Европе, тогда как Клемент VII и сменившего его Бенедикта XIII (1394–1417) – во Франции и государствах Пиренейского полуострова (кроме Португалии).

нового папу на Пизанском церковном соборе⁹. Но это лишь усугубило положение, так как отныне уже три кандидата оспаривали друг у друга престол св. Петра.

Идеологи конциляризма требовали решительным образом пересмотреть роль и место римского папы в системе церкви. Основное условие состояло в подчинении его церковному собору, который трактовался как высшая церковная инстанция, наделенная сакральной властью. Принцип непогрешимости папы при этом также отрицался. Конциляризм ломал традиционный иерархический строй церкви, формируя его на корпоративных началах. В этой новой модели папа считался уже не наместником Христа, а первым лицом и представителем корпорации верующих, которая налагала на него ответственность. Он стоял выше любого представителя церкви, но не церкви в целом¹⁰.

В первой половине XV в. концилиарная идея сыграла решающую роль в практике церковных соборов, состоявшихся в Констанце (1414–1418) и Базеле (1431–1449). Новый подход к церкви выразился уже в самой структуре этих соборов, в основу которой был официально положен принцип деления по нациям¹¹. Деятельность соборов была весьма разносторонней. Они стали сильнейшими факторами общественной и политической жизни на Западе, фактически поднявшись до уровня европейских конгрессов¹².

⁹ Папой был избран Александр V (1409–1410).

¹⁰ О новой трактовке папского примата в конциляризме см.: *Schatz K. Der päpstliche Primat: seine Geschichte von den Ursprüngen bis zur Gegenwart*. Würzburg. 1990. S. 129–132.

¹¹ На Констанцском соборе было представлено пять наций: итальянская, французская, германская, испанская и английская. В Базеле место наций заняли четыре депутации, однако нации оставались полуофициальными представительными единицами (за счет английской нации их количество было уменьшено до четырех), и именно они формировали реальную политику собора, поэтому структура обоих соборов, Базельского и Констанцского, может считаться вполне идентичной – см.: *Geschichte der Konzilien*. S. 277. Здесь налицо попытка совместить интересы церкви с интересами формирующихся национальных государств.

¹² См.: *Грабарь В. Э. Вселенские соборы XII–XV вв. как орган международного общения* // *Вопр. истории*. 1945. Т. 3–4. С. 86–98; *Он же. Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV века* // *Средние века*. 1946. Вып. 2. С. 233–277.

Переговоры о церковной унии с Востоком в первой половине XV в. происходили в этом историческом контексте.

Хотя конциляризм был продуктом развития западной цивилизации, его приверженцы мыслили категориями вселенского масштаба, понимая, что церковный собор будет обладать абсолютным авторитетом, если в нем будет представлено все христианское сообщество, включая православные народы. На Западе начинали проявлять повышенный интерес к восточным христианам¹³. Византийцы со своей стороны тоже должны были считаться с той трансформацией, которую испытывала западная церковь. При том, что конциляризм пустил в ней глубокие корни и на Констанцском соборе дал реальный толчок церковной реформе, сохранялись позиции папалистов, сторонников папской власти в ее привычном понимании. Грекам, конечно, подходил принцип решения всех вопросов через церковный собор, постановления которого для папы считались обязательными. Теоретически это должно было увеличить их шансы на то, чтобы стать равноправными участниками переговорного процесса и освободиться от простого давления со стороны папского престола. Однако во многом другом конциляризм византийцам отнюдь не был близок. Достаточно сказать, что он не смягчил отношения к грекам как к схизматикам. Процессы, происходившие в латинской церкви, преломились в политической сфере и вызвали на Западе цепь острых коллизий. В силу исторических обстоятельств Византия сыграла здесь далеко не последнюю роль.

2.1.2. Византия и великая западная схизма (1410–1414)

Несмотря на то, что в начале XV в. латинская церковь переживала не самый лучший период в своей истории, эпизодические контакты между папством и Константинополем имели место и в это время¹⁴.

---

¹³ См.: *Beck H.-G.* Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus // *Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils.* Konstanz; Stuttgart, 1965. S. 141.

¹⁴ О сношениях между Византией и Римом в течение всего периода западной схизмы см.: *Halecki O.* Rome et Byzance au temps du grand schisme d'Occident // *Un Empereur de Byzance à Rome.* L., 1972. P. 477–532.

Раскол на Западе был главной причиной того, что Мануил II во время путешествия по Европе не посетил ни Рим, ни Авиньон, где находились папские резиденции. Это, правда, не помешало ему в 1402 г. одарить одного из понтификов, «авиньонского» папу Бенедикта XIII, священными реликвиями. Но данный шаг был частью политики по установлению связей между императором и арагонским королем Мартином I, под покровительством которого находился этот папа¹⁵. Не случайно через два года именно Бенедикт XIII озаботился сбором пожертвований для оказания помощи византийской столице¹⁶. Эти факты отнюдь не означали, что император предпочитал одного «антипапу» другому. Примерно в это же самое время византийский посол (имя его нам неизвестно) посетил папу Иннокентия VII. Сохранилось ответное послание последнего Мануилу II, датированное 25 мая 1405 г., в котором он с горечью писал о последних опустошительных завоеваниях Тимура и обещал развернуть широкую пропаганду в странах Восточной и Центральной Европы с целью организации крестового похода¹⁷. Впрочем, уже в следующем году Иннокентий VII скончался.

Однако в развитии отношений между Византией и католической церковью в эти годы гораздо более сильная инициатива исходила с Запада. Великая схизма, которая длилась уже не одно десятилетие, стала важнейшим фактором, пробудившим интерес к восточному христианству и к возможным перспективам воссоединения с ним. Многие питали надежду на то, что объединение с православным Востоком станет мощным стимулом к устранению раскола в латинском мире и что одна уния породит другую. Именно эти соображения в 1408 г. выдвинули венецианские послы перед папой Григорием XII, предлагая ему начать переговоры с греками. Тогда же кардиналы приглашали Мануила II прислать своих делегатов на Пизанский собор¹⁸.

---

¹⁵ См.: *Estopañan C.* Op. cit. S. 89–93.

¹⁶ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 256.

¹⁷ Текст послания см.: *Ann. Eccl. Bd. 27, ad 1405, 2–4.* См. также: *Barker J.* Op. cit. P. 257.

¹⁸ См.: *Viller M.* La Question de l'union des églises entre grecs et latins depuis le concile de Lyon jusque' à celui de Florence (1274–1438) // *RHE. 1922. T. 18. P. 28–29; Halecki O.* Op. cit. P. 531.

Этот собор, состоявшийся в 1409 г. (правда, без участия византийцев), в стремлении ликвидировать раскол провозгласил единственным законным папой Александра V (1409–1410). Последний был греком по происхождению, родившимся на Крите. В бытность свою архиепископом Милана он встречался с Мануилом II¹⁹. Этим объясняется дружеская реакция на данное событие со стороны Константинополя. Император отправил папе поздравительное послание²⁰. В нем он выражал свою радость по поводу того, что западной схизме положен конец. Там же он сообщал, что в Европе находится и выполняет его поручение Мануил Хрисолора и что в ближайшее время близкий родственник последнего, Иоанн Хрисолора²¹, будет отправлен непосредственно к папе²². Александр V ждал встречи с Хрисолорой младшим, но когда тот прибыл к нему в Болонью, папа уже скончался²³.

Уверенность византийского императора в том, что с западной схизмой покончено, оказалась безосновательной. Изменилось лишь то, что после Пизанского собора к двум уже существующим папам добавился третий. Но в какой-то момент возникло ощущение, что раскол преодолен или будет преодолен в ближайшее время. В атмосфере зародившегося оптимизма в среде латинской интеллигенции появился проект унии с Востоком, в котором восстановление единства внутри католического мира расценивалось как первый шаг на пути к единой вселенской церкви. Его автором был

---

¹⁹ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 259.

²⁰ Текст этого письма с комментариями см.: *Simonsfeld.* *Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert // Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften.* München, 1893. Bd. 20. S. 45–46.

²¹ PLP. № 31160.

²² ...non possemus nec lingua narrare quantum laetitiam habuimus, quod illud, quod semper desideravimus, scilicet unionem sacrosanctae ecclesiae ipsam, nostris diebus Deo propicio vidimus... in partibus occidentalibus nostrum virum excellentissimum habebamus ambassiatores nobilem et circumspectum virum Manuelem Crisolera, fidelem et dilectum consiliarium ac tabellatum nostrum... Nunc proptem spem indubiam, quam ad sanctitatem vestram habemus, mittamus ad illam nobilem ac circumspectum militem Johannem Crisolera...

²³ См.: *Barker J.* Op. cit. P. 321. Александр V скончался 5 мая 1410 г.

канцлер Парижского университета Жан Шарль Жерсон²⁴. После избрания Александра V он призвал его, указывая на происхождение папы, использовать такой уникальный и благоприятный случай для развития отношений с греками и добиваться унии с ними²⁵.

В том же 1409 г. Жерсон представил доклад на эту тему французскому королю Карлу VI²⁶. «Нельзя забывать, – писал он, – что уния с греками ничуть не нарушит единства среди латинян, но, наоборот, даст широкую возможность людям доброй воли быстрее достичь всеобщего согласия»²⁷. Решить этот вопрос, как считал Жерсон, можно на вселенском соборе. Он разделял концилиарные воззрения и потому отказывал папе в праве единолично выносить решения по спорным вопросам вероучения, видя в этом исключительную прерогативу собора. Здесь византийцы могли только согласиться с ним. Однако непременным условием Жерсон считал также признание греками верховного примата римского папы, являвшегося, по его мнению, гарантом целостности «мистического тела» церкви. Подобные идеи циркулировали в кругах интеллектуальной элиты Запада, но они же привлекли внимание и крупных политических деятелей. Ярким примером тому служит позиция германского императора Сигизмунда, о котором уже шла речь в предыдущей главе. Именно ему предстояло сыграть выдающуюся роль в деле воплощения концилиарной теории на практике.

Пизанский собор, как уже было сказано, вместо того, чтобы ликвидировать церковный раскол на Западе, на самом деле только усугубил его. Отныне сразу три претендента оспаривали друг

---

²⁴ Парижский университет (Сорбонна) считался одним из центров конциляризма, а сам Жерсон был в числе апологетов этого течения.

²⁵ См.: *Viller M. La Question de l'union des églises entre grecs et latins depuis le concile de Lyon jusque' à celui de Florence (1274–1438) // RHE. 1922. T. 18. P. 29–30.*

²⁶ Полный текст этого трактата с французским переводом см.: *Monnoyeur J.-B. Sermon du Chancelier Jean Gerson pour le retour des Grecs à l'Unité // Irénikon. 1929. T. 6. P. 721–766 (далее – Gerson). См. также: Tuilier A. L'Université de Paris, le Chancelier Gerson et l'union avec Grecs // Bull. Philologique et Historique. 1983. P. 165–183.*

²⁷ Gerson, 753: *Nec oblivioni dandum est quod prosecutio unionis Graecorum nullomodi impediēt illam quae est Latinorum, sed dabit magnam occasionem hominibus bonae voluntatis, ut citius veniant ad communem unionem.*

у друга священный сан римского епископа. Церковь демонстрировала очевидную неспособность собственными силами преодолеть свой внутренний кризис. В этих условиях вмешательство светской власти в лице германского императора представлялось неизбежным и необходимым. Как показали дальнейшие события, Сигизмунд оправдал эти ожидания, направив свои усилия на ликвидацию западной схизмы. При этом уния с Востоком становится составной частью его церковной политики (как, впрочем, и его политики в целом).

Летом 1410 г. специальный посол Сигизмунда был направлен к папе Иоанну XXIII (преемнику Александра V, 1410–1415)²⁸. Среди прочих вопросов, составлявших цель его миссии, была и предложенная императором программа объединения западной и восточной церквей²⁹. Как раз в это время, в июне 1410 г., курию, находившуюся в Болонье, посетил византийский посол Иоанн Хрисолора. О его грядущем визите император Мануил II извещал еще папу Александра V. Здесь же в тот момент находился и Хрисолора Старший (Мануил), так что два близких человека, по-видимому, имели возможность встретиться³⁰. 30 июня Иоанн выехал обратно в Константинополь. Мануил тоже покинул Болонью в неизвестном нам направлении (наиболее вероятным считается Испания)³¹. Не исключено, что он лично посетил в мае–июне 1411 г. двор императора Сигизмунда. Во всяком случае, на него ссылался Сигизмунд в своем письме византийскому императору Мануилу II³². В этом послании Сигизмунд сообщал, что передал свои соображения по поводу

---

²⁸ Папа Иоанн XXIII, имевший с точки зрения морали весьма мрачное прошлое к моменту своего понтификата, является одной из самых одиозных фигур в истории католической церкви. Его, в частности, подозревали в том, что он отравил своего предшественника. На Констанцском соборе в 1415 г. он был принужден к отречению от папской тиары.

²⁹ См.: *Beckmann G.* Op. cit. S. 35, 117. К сожалению, источники не донесли до нас суть этой программы.

³⁰ АСС. I, 234.

³¹ См.: *Barker J.* Op. cit. 260.

³² АСС. I, 391–394. Из текста этого письма нельзя с полной уверенностью заключить, что контакт имел характер личной встречи.

церковной унии папе Иоанну XXIII и получил от него ответ. Очевидно, документы были приложены к письму, но, к сожалению, не сохранились. Сигизмунд писал византийскому правителю, что на ближайшее время намечен церковный собор (речь шла о Римском соборе, о котором было объявлено 29 апреля 1411 г.³³) и что если не на этом соборе, то обязательно на следующем вопрос об унии церковей будет рассмотрен. Поэтому он просил Мануила II поделиться своим мнением относительно выбора времени и места для проведения такого собора³⁴.

Папа Иоанн XXIII под воздействием инициатив Сигизмунда также должен был озаботиться вопросом о греках. В конце 1410 г. он поставил в известность о возможных перспективах в этой области посольство, направлявшееся в Париж³⁵. На Римском соборе проблема унии, конечно, не обсуждалась, но папа ответил на просьбу представителей французских университетов, что греки обязательно получают приглашение на следующий собор³⁶. Сигизмунд тоже связывал свои ожидания с грядущим собором, который он представлял себе как вселенский собор с участием восточной церкви и который, по его мнению, должен был стать первым шагом в деле организации крестового похода против турок. О своих надеждах Сигизмунд писал весной 1412 г. английскому королю

---

³³ Римский собор открылся 1 апреля 1412 г., но был крайне непредставительным и остался почти незамеченным на Западе.

³⁴ ACC. I, 391: *Modo sanctissimus in Christo pater et dominus, dominus Johannes divina providentia papa XXIII, unicus, verum papa concilium generale promulgavit in proximo celebrandum et super promisso unionis negotio nos Sigismundus rex longe ante providentes quosdam articulos de mente nostra formatos suae sanctitati destinaveramus, de quibus articulis et responsione papali superinde vestrae magnitudini potuit innotescere per Manuelem nuncium vestrum tunc ibi presentem et, ut in hiis vestrae notitiae uberius clareat certitudo, articulos ipsos cum responsive summi pontificis hic fecimus annotari.*

...Et dummodo vestra fraternitas aviset nos superinde et quo tempore et in quo loco concilium generale rursum celebrari velletis et possent de partibus et ecclesiis de ritu et observancia Graecorum ad illud congregari et convenire, nos cum praefato sanctissimo patre domino Johanne unico et vero summo pontifice... efficiemus et ordinem dabimus, qualiter iterata vice celebrabitur concilium generale...

³⁵ ACC. I, 234.

³⁶ Ibid. 393, Anm. № 2.

Генриху IV³⁷ и снова коснулся данной темы в другом письме – к Мануилу II Палеологу, которое относится примерно к этому же времени³⁸.

В октябре 1413 г. папа направил к Сигизмунду двух кардиналов, которых сопровождал Мануил Хрисолора. Им предстояло обсудить с германским императором вопросы, связанные с организацией будущего собора³⁹. Присутствие византийского посла, очевидно, свидетельствовало о той роли, которую папа вслед за Сигизмундом готовил грекам на будущем церковном конгрессе. После состоявшихся обсуждений Сигизмунд 30 октября официально объявил, что собор откроется в ноябре следующего года в южно-германском городе Констанце⁴⁰. В письме французскому королю Карлу VI император также выразил мнение, что вопрос об унии с греками станет одним из основных на готовящемся соборе⁴¹.

Летом 1414 г. Сигизмунд отправил очередное письмо Мануилу II Палеологу⁴², в котором содержались информация о предстоящем соборе и предложение прислать в Констанц византийскую делегацию. Как и прежде, автор выразил намерение обсудить меры по борьбе с турками⁴³. Однако на этот раз о церковной унии не было сказано ни слова, что на фоне уже известных фактов может показаться странным. Между тем в литературе данное обстоятельство даже если и обращает на себя внимание, до сих пор не получило никакого объяснения⁴⁴. Возможно, ответ на вопрос заключается

---

³⁷ ACC. I, 89–92. См. также: *Beckmann G.* Op. cit. S. 61–62; *Brandmüller W.* Das Konzil von Pavia–Siena. Münster, 1968. Bd. 1. S. 118.

³⁸ ACC. I, 394–399.

³⁹ См.: *Beckmann G.* Op. cit. S. 89.

⁴⁰ Mansi, XXVIII, 1.

⁴¹ Ibid. XXVIII, 6.

⁴² ACC. I, 399–401.

⁴³ Ibid. I, 401: Concilium profecto generale sollicitudinis nostre cura dirigente in Alania in civitate Constantiensi... providimus convocandum... in quo... speramus contra infidels paganos et praecipue Turcos remedia vobisque et praedictae civitati Constantinopolitanae de magnificis studiis providere. Arbitramur itaque conveniens et vobis utique expedire, ut ambaxiatores vestros ad dictum concilium pro rerum gerendarum votiva expeditione et expedientiori voto destinaretis.

⁴⁴ См.: ACC. I, 400, Anm. № 2; *Brandmüller W.* Op. cit. S. 126.

в том, что за минувший отрезок времени несколько изменились представления Сигизмунда о программе предстоящего собора. На самом деле, на первое место должна была выйти реформа церкви, которая была начертана на знамени концилиарного движения и которая вызывала симпатии светских правителей. Еще Г. Бекман в монографии, посвященной Сигизмунду, отверг утверждение о том, будто император изначально разделял эту идею. Вплоть до 1413 г. он даже не помышлял о ней⁴⁵. Тот же автор не без оснований считает, что и ликвидация западной схизмы до указанного времени вовсе не входила в планы Сигизмунда. Точнее, он видел решение проблемы в полном признании одного из трех имевшихся пап – Иоанна XXIII. И лишь позднее созреет другое решение – о необходимости смещения всех троих, на чем будет настаивать впоследствии Констанцкий собор. На первых порах папа Иоанн XXIII пользовался полным доверием и расположением Сигизмунда. В первом письме византийскому императору от 1411 г. он называл его единственным законным папой. Если бы Сигизмунд считал своим долгом провести реформу церкви, отношения с понтификом не были бы такими гладкими; характерно, что в конце 1413-го или в начале 1414 г. они резко ухудшились. Одним словом, к этому времени становилось ясно, что первым вопросом в повестке будущего собора будет значиться ликвидация схизмы весьма радикальным методом, помноженная к тому же на реформу церкви. Конечно, это не исключало возможность обсуждения вопроса о грехах, но несколько отодвигало его. Вероятно, поэтому Сигизмунд предпочел ничего не говорить об унии в последнем письме византийскому императору, ограничившись одной лишь просьбой прислать посольство. Сам он наверняка осознавал, что для реализации собственных планов относительно крестового похода ему нужны действительно сплоченная церковь, умиротворенная Европа и что усилия в этом направлении обещают существенно повысить его политический авторитет на Западе.

В любом случае мысль о необходимости сближения и объединения с восточной церковью продолжала преследовать и Сигизмунда, и таких деятелей, как Жерсон, каковых немало имелось

⁴⁵ См.: *Beckmann G. Op. cit. S. 74.*

в среде французских университетов. Западная схизма стала, таким образом, серьезным фактором актуализации этой проблемы. Уния с греками отныне воспринималась на Западе как дело ближайшего будущего.

2.1.3. Византийцы на Констанцском соборе (1415–1418)

История флорентийской унии начиналась, безусловно, на Констанцском соборе. Этот взгляд, присущий современным исследователям в данной области⁴⁶, восходит еще к современникам, и в том числе к Сильвестру Сиропулу с его трактатом на эту тему. Именно так оценивали взаимосвязь двух событий и сами архитекторы Ферраро-Флорентийского собора. Папа Евгений IV, публикуя в 1437 г. буллу о приготовлениях к нему, говорил именно о продолжении дела, которое когда-то начинал в Констанце его предшественник Мартин V⁴⁷. Точно так же и византийский император Иоанн VIII после заключения унии на Флорентийском соборе говорил своим подданным, что исполнил завет своего покойного отца Мануила II Палеолога⁴⁸. Действительно, Констанц стал тем отправным пунктом, с которого переговоры о возможном объединении двух церквей приняли необратимый характер, выйдя со временем на первое место в политических контактах между Западом и Востоком.

Констанцкий собор открылся 5 ноября 1414 г. Он стал важным и знаковым событием в политической жизни Запада. Здесь присутствовала не только духовная элита, но и множество влиятельных светских лиц, послов из разных государств⁴⁹. В этом виде собор

---

⁴⁶ См.: *Gill J.* Op. cit. P. 16–28, *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 13–18. Вполне закономерно, что в т. 25 «*Annuaire Historiae Conciliorum*», посвященном истории и историографии Констанцкого собора, в особый раздел была выделена проблема греко-католической унии на этом соборе – см.: АНС. 1993. Bd. 25. S. 176–178.

⁴⁷ EP. I, 91: ...instetimus multum, in Constantiensi concilio primum, tum etiam apud felicis recordationis Martinum papam V praedecessorem nostrum satisque laboravimus, ut sublato pariete de medio utriusque ecclesiae unio proveniret.

⁴⁸ Syropulos IX, 15.

⁴⁹ О светских посольствах и их значении на Констанцском соборе см.: *Грабарь В. Э.* Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы. С. 234–235.

фактически представлял собой некую представительную корпорацию не только церкви, но и всей католической Европы. В свою очередь, для византийцев это была прекрасная возможность привлечь внимание к своим проблемам, которую они постарались использовать. Духовный климат благоприятствовал этому. На соборе ожидали увидеть представителей восточной церкви, а идея о необходимости союза с ней уже имела здесь своих многочисленных сторонников.

28 октября в составе свиты, сопровождавшей папу Иоанна XXIII, в Констанц прибыл Мануил Хрисолора⁵⁰. По всей видимости, он принял активное участие в начальной фазе деятельности собора, который в первую очередь занялся вопросом отставки всех трех пап в целях ликвидации западной схизмы. 3 марта 1415 г., по данным источника, сюда приехал византийский посол, имя которого нам неизвестно. Вероятнее всего, им были доставлены верительные грамоты и письма императора, предназначенные для Мануила Хрисолоры. Отныне он должен был стать официальным византийским представителем в Констанце⁵¹. Но уже 15 марта Хрисолора скончался. Его смерть, безусловно, не дала возможность открыть переговоры и в целом нанесла тяжелый урон делу греков⁵².

---

⁵⁰ См.: *Gill J. Op. cit. P. 21*. К этому же времени относится начало деятельности двух греков-доминиканцев, выходцев из Константинополя, братьев Андрея и Феодора Хрисовергов. О степени их участия в решении проблемы церковной унии см.: *Loenertz R. Les dominicains byzantins Théodor et André Chrisoberges et les négociations pour l'union des églises greque et latine de 1415 a 1430 // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. 9. 1939. P. 7–61*. Известно, что Андрей Хрисоверг имел тесные сношения с Хрисолорой и вместе с ним находился в Констанце с самого начала. Их имена еще не раз будут упоминаться в дальнейшем.

⁵¹ Это следует из письма анонимного чешского автора от 9 марта 1418 г. – см.: *Gill J. Op. cit. P. 21; Loenertz R. Op. cit. P. 14*. Автор «Хроники Констанцкого собора» Ульрих фон Рихенталь, который писал ее по свежим следам, скорее всего имел в виду следующее посольство, говоря о прибытии целой делегации из видных представителей. В этом случае едва ли сохранилось имя хотя бы одного из ее участников (подробнее о достоверности данных Рихенталья см.: *Loenertz R. Op. cit. P. 25–28*). Вслед за немецким хронистом эту же ошибку повторил позднейший исследователь – см.: *Zhishman J. Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und römischen Kirche seit dem Anfange des XV. Jahrhunderts bis zum Concil von Ferrara. Wien, 1858. S. 3*.

⁵² См.: *Gill J. Op. cit. P. 21; Barker J. Op. cit. P. 322; Loenertz R. Op. cit. P. 15*.

Вышеупомянутый посол скорее всего вернулся в Константинополь, и, следовательно, в течение года византийцы не были представлены на конгрессе, хотя здесь и раздавались голоса о возможных планах в отношении них. По всей видимости, именно это обстоятельство объясняет тот факт, что специальный меморандум, опубликованный в феврале 1416 г., включил вопрос о церковной унии с греками в повестку следующего собора⁵³.

В марте 1416 г. в Констанц прибыло новое византийское посольство⁵⁴. Упоминание о нем мы находим в письме депутатов Кельнского университета, в котором было отмечено, что послы императора Мануила поведали собору о бедствиях, чинимых турками, просили о помощи против них и обещали через посредничество императора Сигизмунда присоединиться к римской церкви⁵⁵. Это посольство находилось на соборе до самого его закрытия. По всей вероятности, оно намеренно откладывало какое-либо обсуждение вопроса до тех пор, пока во главе западной церкви не появился новый и всеми признанный папа. В латинских источниках сохранились упоминания о том, что византийцы были утомлены ожиданием, поскольку собор погрузился в пучину собственных

---

⁵³ См.: *Leidl A. Die Einheit der Kirchen...* S. 17; *Gill J. Op. cit.* P. 21.

⁵⁴ Reg. № 3355. Сиропул ошибочно отсылает это посольство в Рим – см.: *Syropoulos II, 5*. См. также: *Loenertz R. Op. cit.* P. 24–25; *Gill J. Op. cit.* P. 22; *Barker J. Op. cit.* P. 324; *Leidl A. Op. cit.* S. 16. Это же посольство, как известно, до прибытия в Констанц посетило Венецию (см. выше). Делегацию возглавлял Николай Евдемон, являвшийся одним из видных представителей морейской аристократии. Как известно, и сам император Мануил в этот момент находился в Морее, и, кстати, первые реальные договоренности, достигнутые в Констанце, напрямую касались Пелопоннеса (имеются в виду фортификационные работы на Истмийском перешейке и браки морейских деспотов с латинскими принцессами – см. с. 72).

⁵⁵ *Epistola oratorum universitatis Coloniensis in concilio Constantiensi (1416 mart. Constantiae)* // *Thesaurus novus anecdotorum. T. 2. P., 1717. P. 1661: ...Insuper venerunt ambassiatores Manuelis imperatoris Constantinopolitani proponentes de angustia, quam patiuntur a Turcis, petentes auxilium Christi fidelium, spondentes etiam per medium Regis nostri posse effici quod ipsi Graeci Romanae Ecclesiae se in suis ritibus et fidei articulis conformarent.*

Этот пассаж обращает на себя особое внимание в последней своей части, где говорится о том, что греки готовы присоединиться к римской церкви, приняв ее обряд и вероучение. Впоследствии эта тема получит продолжение (см. далее).

проблем, но тем не менее у некоторых оставалась надежда увидеть унию с ними еще в Констанце⁵⁶. Уже один этот факт мог быть стимулом, который побуждал латинян поторопиться с наведением порядка в собственной церкви. Вместе с тем греки, очевидно, не были лишь пассивными наблюдателями, и по мере своих сил участвовали в этом процессе. Сиропул пишет, что Николай Евдемон, глава делегации, немало потрудился над тем, чтобы состоялись выборы нового папы, которому подчинился бы весь Запад⁵⁷.

Это произошло 11 ноября 1417 г. Папой был провозглашен итальянец Отто Колонна, известный под именем Мартина V (1417–1431). Николай Евдемон не только присутствовал на процедуре его коронации, но и использовал этот случай, чтобы официально заявить о цели своей миссии⁵⁸. В его выступлении, насколько нам известно, фигурировала программа из 36 пунктов, которые отражали взгляды византийского императора на проблему унии и способ ее заключения. Данный источник не сохранился, и только по дальнейшим событиям можно составить хотя бы частичное представление о его возможном содержании.

Решая поставленные перед ними задачи, византийцы пользовались поддержкой своих соотечественников, ставших католиками. Речь идет о двух братьях-доминиканцах – Феодоре и Андрее Хрисовергах⁵⁹. Последний вместе с Евдемоном присутствовал на интронизации папы и произносил речь, посвященную церковной унии⁶⁰.

---

⁵⁶ В сообщении одного из арагонских представителей на соборе прямо говорится, что греки терпеливо дожидались устранения схизмы в латинской церкви и до этого не желали поднимать вопрос о церковной унии – см.: *Loenertz R. Op. cit.* P. 29. После объявленного низложения всех трех пап в 1415 г. западная церковь официально вообще не имела папы до ноября 1417 г.

⁵⁷ *Syropulos II*, 5.

⁵⁸ *Syropulos II*, 5. См. также: *Loenertz R. Op. cit.* P. 30–31; *Gill J. Op. cit.* P. 22–23.

⁵⁹ См. сноску 50.

⁶⁰ Сиропул, который воспроизводит этот эпизод, говоря о Хрисоверге, называет его архиепископом Родоса, хотя тот получил это назначение гораздо позже. Впрочем, это не удивительно, так как Сиропул больше знал его именно в этом качестве. Андрей Хрисоверг прожил долгую жизнь и скончался в 1456 г. Надо сказать, что и к нему, и к Евдемону у Сиропула подчеркнута негативное отношение, как и ко всему, что касалось унии с латинянами.

Спустя много лет, уже на Базельском соборе, Андрей Хрисоверг вспоминал о том, как после установления мира в западной церкви византийские послы предстали перед папой и императором Сигизмундом и как он, Хрисоверг, собственноручно переводил вышеупомянутые 36 пунктов с греческого языка на латинский⁶¹. Немалую роль, вероятно, сыграл в этом и Феодор. В январе 1418 г. папа назначил его своим представителем на Пелопоннес (в Патры и Корон), обосновав это его заслугами в вопросе о греках⁶².

Необходимо отметить, что Мартин V проявил живой интерес к этой проблеме и уже в самом начале обещал византийским послам заняться ею⁶³. Вероятно, первым шагом к этому стало назначение в январе 1418 г. легата, уполномоченного начать от имени папы переговоры в Константинополе. Этим легатом был Джованни Доминичи, некий кардинал из Рагузы⁶⁴. Правда, первым местом его назначения стала Богемия, где он и умер в июне следующего года, ничего не успев сделать для греков⁶⁵. Но стороны не собирались на этом останавливаться, хотя уже было ясно, что уния не станет предметом разговора на Констанцском соборе. В апреле 1418 г. папа закрыл его. Впрочем, этот факт не мог стать препятствием для продолжения переговоров. Успешная ликвидация внут-

---

⁶¹ См. речь Андрея Хрисоверга перед Базельским собором от 22 августа 1432 г. – Cecconi, XXX: ...*mox legati Graecorum Pontificem adierunt... imperatoris ac patriarchae Constantinopolitani voluntatem et vota triginta et sex articulos patefecerant. Scio, quod verum loquor, et quod hae manus litteras illas obsignatas explicuerunt: et quae illic continebantur, ex graecis latina feceram.*

⁶² См.: Loenertz R. Op. cit. P. 34.

⁶³ Согласно Сиропулу даже спустя восемь лет после своего избрания Мартин V внушал византийцам, что если греко-латинский собор удастся созвать еще при его жизни, то он обещает им, что уния непременно состоится – Syropoulos II, 14. Позиция папы выглядела так, словно он и в самом деле чувствовал себя обязанным грекам за их возможное содействие его избранию в 1417 г.

⁶⁴ См. письмо делегата Вейского университета Педро де Пулка (Petrus de Pulka) от 1 февраля 1418 г., где говорится об этом назначении – AKÖG. 1856. Bd. 15. S. 65: ...*per speratam reductionem Graecorum ad quos quemdam de dominis cardinalibus, ut creditur Ragusinum, legationem velle suscipere asserebat...* См. также: Loenertz R. Op. cit. P. 33. По всей видимости, это был один из 36 пунктов программы византийского императора.

⁶⁵ См.: Gill J. Op. cit. P. 23.

ренного кризиса в западной церкви стала важнейшей предпосылкой для дальнейшего развития контактов между Западом и Востоком. После Констанца на Западе установилось на редкость благоприятное отношение к православным христианам, которые не скрывали своего искреннего удовлетворения фактом восстановления церковного единства в латинском мире.

Между тем вопрос о церковной унии, о которой заговорили на Констанцском соборе, привлек к себе внимание еще одним моментом. Речь идет о Польше, и этому эпизоду стоит уделить внимание.

2.1.4. Проблема унии в свете отношений Византии и Польши

Польско-Литовское государство, начало которому было положено в XIV в.⁶⁶, в силу своих особенностей не могло оставаться безучастным к тем проблемам, которые волновали греков. Подобно Венгрии оно было расположено на восточной периферии латинского мира, поэтому волны османской экспансии становились для него все более реальной угрозой. То же самое можно сказать и о вопросе церковной унии, который стал для Польши не менее актуальным после того, как начался процесс ее политической интеграции с Великим княжеством Литовским. Проживавшее на территории последнего многочисленное православное население неизбежно вовлекалось в орбиту влияния западной церкви. Политическое соперничество между Вильно и Москвой, переносимое в религиозную плоскость, дополняло эту картину.

То, что еще до Констанцкого собора имели место контакты между Византией и польским королем Владиславом Ягеллоном, следует из письма Сигизмунда Люксембургского императору Мануилу II от 1412 г. В нем автор ссылается на какое-то более раннее послание, отправленное им совместно с польским королем⁶⁷. Нельзя точно сказать, собственные ли интересы заставили правителей Польши и Литвы заняться поиском решения в вопросе церковной унии либо инициатива исходила от Сигизмунда или самих византийцев. Последнее предположение имеет под собой

---

⁶⁶ Речь идет о первой польско-литовской унии 1386 г.

⁶⁷ АСС. I, 397.

почву, и есть основания считать, что с Польшей греки связывали один из возможных способов привлечь внимание Запада к своим проблемам. В предыдущей главе уже упоминалась фигура Андрея Хрисоверга, имевшего вполне налаженные связи с византийскими послами на Константином соборе. Если же параллельно вести речь о польско-византийских отношениях, то в связи с этим фигурирует имя его брата Феодора. Известные нам факты образуют следующую картину.

7 октября 1415 г. посольство из Кракова зачитало депутатам послание польского короля. Из него следовало, что недавно к монарху прибыл вышеупомянутый Феодор Хрисоверг и просил его о содействии в деле воссоединения православных с католиками, предлагая воспользоваться его услугами. «Как вам должно быть известно, — писал король, — в государстве нашем до сих пор проживают многочисленные русские подданные, которые никогда не знали благодати Божьей, и для того, чтобы они, оставив свои заблуждения, вернулись бы на путь истинный, примите посылаемого к вам брата Феодора...»⁶⁸ Из письма, к сожалению, не ясно, была

---

⁶⁸ ACC. III, 281: Praesencium enim lator, dominus frater Theodorus Constantinopolitanus, vicarius generalis societatis ordinis generalis Praedicatorum, vir catholicus et devotus prout sua opera manifeste ostendunt, peritus in Graeco tartarico ydiomatibus et latino, ex litteris multorum principum christianae fidei nobis multipliciter commendatus, Christi caritate et doctrina repletus, transtulit se ad nostram praesenciam... supplicando cum lacrimis... ut pro eo intercederemus apud vestras devotions... ut possit vestries favoribus adimplere que in animo suo sedent pro amplianda fide catholica piissimi humani generis redemptoris.

Nempe, ut vestries paternitatibus notum est habemus in regno nostro adhuc aliquos Ruthenos subditos nostros quibus nondum divina lux defulsit, ut dimisso errore venirent ad callem veritatis immense... velitis... dominum fratrem Theodorum habere recommissum...

Эпизод с этим посольством зафиксирован также одним из очевидцев события, уже упоминавшимся послом Венского университета Педро де Пулка в письме от 15 октября 1415 г. — AKÖG. 1856. Bd. 15: Verum sequenti feria 2 dominus Saresburgensis in congregatione deputatorum ex adverso retulit optima esse scripta de Narbona, addens etiam esset spes magna de reductione Graecorum ad ecclesiam Romanam. Et ambasata Poloniae praesentavit litteras regis Cracoviae sibi super hac missas ad insinuandum concilio quae summario continebant quod frater Theodorus ord. Praed. vicarius Constantinopolitanus in graeca, latina latina et ruthenica linguis peritus ad ipsum in eadem causa venerit, per quem etiam speraret gentem suam Ruthenicam a fide Christi deviam reducendam.

ли это инициатива самого Хрисоверга или же за ним стоял кто-то еще. Последнее предположение более правдоподобно. Владислав сообщал, что Феодор прибыл к нему с рекомендательными письмами от «многих князей христианских», не назвав, правда, ни одного из них⁶⁹.

Как раз незадолго до этого, весной 1415 г., Краков посетило византийское посольство. Имевшиеся при нем письма не сохранились, но известно, что послы просили помочь своей столице отправкой туда партии зерна⁷⁰. Имеются и сведения о том, что эта просьба была удовлетворена⁷¹. Очень велика вероятность того, что греки использовали эту возможность, чтобы в беседе с монархом коснуться проблемы церковной унии, тем более что разговоры на эту тему уже велись на Констанцском соборе. Не исключено, что существует прямая связь между этим посольством и последующим приездом в Краков Феодора Хрисоверга, но доказательств этому нет.

Визит в польскую столицу византийского посла был зафиксирован и в сентябре того же года, хотя мы не знаем ни его имени, ни цели приезда. Тем не менее на фоне этих дипломатических отношений кажется странным, что спустя всего несколько недель произошло событие, в котором можно усмотреть антивизантийскую направленность. 15 ноября 1415 г. под покровительством литовского князя Витовта и с согласия польского короля в Новогрудке состоялся поместный собор православных епископов Западной Руси. Он объявил о непризнании митрополитом Киевским мос-

---

⁶⁹ Если это не был сам Мануил II, то в той же роли могли выступать его сыновья – например морейский деспот Феодор II.

⁷⁰ Reg. № 3349. Упоминание об этом находим у польского хрониста Яна Длугоша – *Długosz J. Historiae Poloniae Libri XII. Krakow, 1877. Bd. 4. P. 188: ...Venerunt insuper sub eo tempore ad Wladislaum Poloniae regem nuncii Patriarchae et imperatoris Graecorum, cum litteris et bullis plumbeis, quatenus dignaretur eis, a Turcis multifarie lacessitis et oppressis, frumentitantummodo largitione subvenire.*

⁷¹ Тот же источник сообщает, что через доступный ему черноморский порт Владислав отправил в Константинополь транспорт с хлебом: *...Wladislaus autem Poloniae rex necessitati eorum satagens pia commiseratione succurrere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur et in portu regio Kaczubeow per eos recipiendum consignat.* См. также: *Loenertz R. Op. cit. P. 18–19; Halecki O. La Pologne... P. 52–53.*

ковского ставленника Фотия и вместо него утвердил на этом посту собственного кандидата – Григория Цамблака⁷². Константинопольский патриарх Евфимий отказался утверждать это назначение. Однако его позиция была проигнорирована, и 18 февраля 1418 г. делегация во главе с Цамблаком прибыла в Констанц, где еще продолжал свою работу церковный собор.

25 февраля посольство было официально принято папой в присутствии архиепископа Гданьского и епископа Познаньского⁷³. Целью миссии была объявлена задача воссоединения церкви западной и восточной. Вот некоторые выдержки из выступления Цамблака по этому поводу: «Именем Господа, – говорил митрополит, обращаясь к папе, – поздравляю Твое Святейшество с тем, что благородством Твоим уничтожены все преграды к благоденствию человеческого рода, исповедующего веру католическую, и корабль Св. Петра, вопреки всем невзгодам, снова вернул себе состояние прежнего величия и достоинства, так что сегодня я вновь вижу в нем мир и успокоение, о чем давно мечтал. Ведь схизма, которая до недавних пор обременяла святую римскую церковь, очень потревожила и народы, находящиеся за ее пределами. И поскольку все мы, населяющие земли русские, с нетерпением ожидали, когда внутри нее воцарится мир, то, услышав об этом, впали в неописуемую радость...

И вот недавно явился я к государю своему, королю Польши, и к его брату, великому князю Витовту... и смиренно просил их отправить меня к Тебе с той целью, чтобы осуществилась уния между святой римской церковью и церковью Востока, ибо знал, какие силы и средства Ты сам прилагаешь к этому... Пусть же два народа вернуться к прежней любви и дружбе, от которой были оторваны

---

⁷² См.: *Halecki O.* La Pologne... P. 54. О Григории Цамблаке см. специальное исследование: *Яцимирский А. Н.* Григорий Цамблак. СПб., 1904.

⁷³ АСС. I, 164. См. также очередное письмо Педро де Пулка от 1 марта 1418 г. – *AKÖG.* 1856. Bd. 15. S. 68: *Alias advenit quidam archiepiscopus Ruthenorum de ritu et lingua dictus Kyoviensis, qui proxima die veneris 25. Februarii in publico consistorio litteras regis Poloniae et fratris sui ducis Lithuaniae exhibebat domino nostri papae quibus congratulantes electioni suae et unioni ecclesiae, dictum archiepiscopum de zelo reductionis Graecorum ad Romanam ecclesiam commendabant petentes eisdem dari audientiam super modo reducendi eosdem...*

столетиями схизмы, пребывая все это время в злобе и ненависти друг к другу. Ведь к этой унии, святейший отец, стремится светлейший господин мой, император Константинопольский, а также патриарх того же града и все подвластные им народы... Многие делают они и для того, чтобы это было сделано достойным образом и в соответствии с канонами, а именно путем созыва собора, на котором встретились бы с обеих сторон сведущие и опытные в законах [люди], разбирающиеся в вопросах веры и в несогласиях между этим народом и святой римской церковью...»⁷⁴

---

⁷⁴ Речь Цамблака на латинском языке была зачитана от его имени чешским магистром Маврикием. Текст этого выступления приводит английский участник собора Вильгельм Филастр в своей хронике «*Gesta concilii Constantiensis*», которая была составлена им большей частью по ходу описываемых событий – см.: АСС. II, 164–166: ...*Gratias etiam ago ipsi omnipotenti Deo, sanctissime pater, quod pertuam dignitatem dirupta sunt atque deiecta omnia illa obstacula salutis humanae a catolica fide, posita autem in tuto atque collocata navicula Petri tot dudum tempestatibus acta et in antiquam illam suam dignitatem reducata, iamque illud, quod dudum optabam cum summis desideriis et audire et videre, pacem scilicet et tranquillitatem sanctae fidei catholicae in praesentiarum conspicio. Namque, beatissime pater, magnas nobis exteris nationibus mentium conturbationes attulit scisma, quod hactenus praessit sanctam Romanam Ecclesiam. Et quia cum maximis singultibus desiderabamus hanc sanctam unionem, audita pace et tranquillitate ecclesiae sanctae Dei inestimabilis iocunditas atque laetitia innata nobis fuit omnibus, qui regiones illas Russiae habitamus.*

Cum itaque ego, beatissime pater, dudum hanc sanctam unionem desiderarem, adii christianissimum dominum meum, d. regem Poloniae ac d. ducem Witoldum fratrem suum... Itaque supplex rogavi praedictos serenissimos principes, quatenus me expedirent venire ad pedes sanctitatis vestrae ob hanc maxime causam... quatinus fiat unio inter illam ecclesiam Orientalem cum sancta Romana ecclesia... ut sensi, sanctitas vestra omnem curam et sollicitudinem agit pro reductione illarum partium... Redeantque iste duae gentes clarificae atque magnifice in pristinam illorum benivolentiam et amorem, a qua benivolentia ob tam diuturnum scisma destitute sunt verseqe in mutuum quoddam odium atque malivolentiam.

Cupit hanc sanctissimam unionem, beatissime pater, serenissimus dominus meus, d. Imperator Constantinopolitanus, filius sanctitatis vestrae, patriarcha etiam illius urbis ceterique populi christiani illarum partium, sicut persensi, quod iam praelocutum fuit de hac materia in praesentia sanctitatis vestrae per legatum ipsius serenissimi d. imperatoris, qui hanc materiam ulterius ipse secundum comissionem suam in hac parte prosequetur.

Omnem etiam curam fecerunt... hoc servato, ut cum via debita et honesta atque consueta fiat, scilicet per congregationem concilii, ut utrimque congregentur periti et experiti iuris, qui discernant de negotiis fidei et hanc differentiam inter illam gentem cum sancta Romana ecclesia.

После ознакомления с этими прокламациями имеет смысл коснуться вопросов, связанных с историей данного посольства, на которые по сей день нет внятного ответа. Одним из них является причастность византийцев к миссии Григория Цамблака. В литературе достаточно устоявшимся является мнение о том, что за этим событием стояли лишь интересы польской короны и Литвы, которые сначала спровоцировали избрание Цамблака на пост митрополита, а затем инициировали его миссию на Констанцкий собор⁷⁵. Однако сам Цамблак, как видно из его слов, преподнес ее как результат своей собственной инициативы, дав понять, что Владислав и Витовт всего лишь изъявили согласие отправить его к папе. Этот факт, кстати, плохо согласуется с той точкой зрения, что правители Польши и Литвы, организуя посольство митрополита в Констанц, желали подчеркнуть степень своего влияния в православных землях⁷⁶. Во всяком случае, слова митрополита недвусмысленно указывают на пассивное их участие в данном событии. Далее следует признать, что нет никаких прямых указаний на наличие непосредственных контактов между Цамблаком и византийским посольством Николая Евдемона, которое в тот самый момент еще оставалось в Констанце. Однако митрополит откровенно заявил, что одним из факторов, побудивших его заняться проблемой церковной унии, стала аналогичная позиция в этом вопросе византийского императора и патриарха⁷⁷. При этом он не преминул напомнить об уже имевших место переговорах на эту тему. Сведений о его сношениях с греками действительно нет. Но стоит подчеркнуть то обстоятельство, что Цамблак оставался официально непризнанным митрополитом Киевским. В противном случае под угрозой оказались бы равные отношения между Констан-

---

⁷⁵ Помимо уже указанных работ см.: Греков И. Б. Очерки истории международных отношений в Восточной Европе XIII–XV вв. М., 1963.

⁷⁶ См.: Loenertz R. Op. cit. P. 41.

⁷⁷ И. Б. Греков, описывая эпизод с Цамблаком в своей монографии, лишь одной фразой упомянул о присутствии в Констанце византийских представителей (см.: Греков И. Б. Указ. соч. С. 113) и вовсе умолчал о том, что вопрос о церковной унии уже поднимался на соборе независимо от Цамблака, задолго до его прибытия.

тинополем и Москвой. Между тем то, что греки в Констанце никак не реагировали на появление гам Цамблака, свидетельствует хотя бы об их терпимом к нему отношении. К этому стоит добавить, что непризнанный статус митрополита отнюдь не помешал ему именовать византийского императора своим господином.

Необходимо отметить также, что взгляд Цамблака на способ преодоления схизмы был чисто византийским – через вселенский собор⁷⁸. Из его слов следовало, что сама возможность обсуждать эту проблему появилась после ликвидации смуты в латинской церкви, и именно с поздравления по этому поводу он начал свое обращение к папе. В этом же, как уже не раз подчеркивалось, состояла в те годы и позиция греков.

Существует мнение, что сам Цамблук, возможно, был принципиальным противником унии, поэтому его миссия, которую он выполнял по политической необходимости, стала скоротечным эпизодом, оставшимся без последствий⁷⁹. Действительно, каких-либо практических результатов это событие не имело⁸⁰. Но и здесь

---

⁷⁸ О необходимости этого Цамблук заявил в конце своей речи. Между тем И. Б. Греков весьма сомнительно интерпретирует эту часть его выступления. По мнению исследователя, литовский князь Витовт изначально не собирался заключать унию и миссия Цамблака была нужна ему лишь для того, чтобы продемонстрировать свою преданность папе и получить поддержку католического Запада в осуществлении своей общерусской программы. По этой причине, как предполагает Греков, Цамблук, «следуя тайной инструкции Витовта, предложил папе лишь провести диспут по проблеме унии, отказавшись участвовать в ее осуществлении» (*Греков И. Б. Указ. соч. С. 112–113*). И. Б. Греков явно безосновательно считает, что предложение провести диспут было способом уклониться от реального воплощения унии. Именно такой диспут был для этого условием *sine qua non*, которое предполагало обязательный созыв вселенского собора. Без него все переговоры о церковной унии были просто лишены всякого смысла. Не исключено, что через Цамблака была сделана попытка со стороны патриарха направить переговоры в нужное русло. Как покажут дальнейшие события, настоящие византийские послы, действовавшие по поручению императора, предложили папе план заключения унии, который не подразумевал вселенского собора (правда, впоследствии эту инициативу византийцы объявят ошибкой дипломатов).

⁷⁹ См.: *Loenertz R. Op. cit. P. 40*.

⁸⁰ Возможно, папа поостерегся строить отношения напрямую с западно-русским духовенством, склонность которого к унии с Римом была весьма сомнительной. Сопровождавшие Цамблака представители православных церквей Полоцка,

не все так просто. Как будет показано ниже, то же самое можно отнести на счет византийцев. Нельзя сказать, что по окончании Констанцского собора произошел существенный сдвиг в переговорах. На какое-то время они вообще едва не были заморожены. Если же допустить, что посольство русско-литовского митрополита в Констанц в феврале 1418 г. было целиком делом Польши и Литвы, то не вполне понятно, почему последние не были озабочены тем, чтобы довести его до логического конца⁸¹.

Разобраться в этом достаточно сложно. Еще в октябре 1415-го оба правителя – Владислав и Витовт – писали Констанцскому собору о своих планах вернуть в лоно католической церкви многочисленных «схизматиков», находящихся у них в подданстве. В связи с этим снова упоминалась фигура Феодора Хрисоверга, который, как явствует из контекста, должен был содействовать активному продвижению этого вопроса в Констанце⁸². Из того же письма следует, что его авторы и раньше передавали собору эти сведения, но «теперь еще больше воспламенились этой высокой целью» и поэтому просили депутатов «выбрать опытных мужей, которые смогли бы заняться поиском решения вопроса о воссоединении схизматиков с католиками»⁸³.

Львова, Перемышля и других дали понять, что приехали по поручению Витовта, но не намерены просто подчиниться римской церкви – см.: *Треков И. Б.* Указ. соч. С. 113, прим. 171. См. также: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.

⁸¹ Со стороны Витовта очень скоро последовала резкая смена курса. Уже в 1419 г. Цамблак был смещен, и литовский князь признал законного митрополита Фотия.

⁸² См. письмо Владислава и Витовта Констанцскому собору – *Codex epistolaris Vitoldi*. P. 332: ...Praeterea Vestres Sanctitates nuper per venerabilem fratrem Theodoricum vicarium ordinis fratrum Praedicatorum peregrinantem de Constantinopoli per certas scriptarum nostrorum series, quomodo multitudines scismaticorum dominiorum nostrorum... ad unitatem fidei cum summo devotione vellemus reducere et gremio sanctae matris ecclesiae aggregare...

⁸³ *Ibid*: ...nunc tamen ad hoc ipsum consumandum maior nos pulsatur devotio, quod praedicti scismatici et alii erronei fidei orthodoxae interea quam vitam duximus in humanis adunarentur... Vestras Sanctitates supplicamus quatenus nobis salubre consilium et auxilium optimum ad hoc praebere velitis iuxta modum et doctrinam quam iuris periti et viri prudentissimi in hoc sacro concilio congregati poterint exquirere, quod praedicti scismatici catholicis veram fidem tenentibus poterint aggregari...

О том, что именно вызвало с их стороны повышенный интерес к решению данной проблемы, ничего не говорится. Этим фактором могло быть и первое византийское посольство на Констанцкий собор, и визит византийского посла в Краков осенью 1415 г., о котором нам мало что известно. Однако вполне очевидно, что в то время как Андрей Хрисоверг находился в Констанце и состоял в тесном контакте с Мануилом Хрисолорой, а затем с Николаем Евдемоном, внося свой вклад в дело церковной унии, его брат Феодор с той же самой целью вращался в польско-литовских кругах. Возникает предположение, что греки-доминиканцы выполняли роль негласных посредников между византийцами и польским двором.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно допустить, что поместный собор в Новогрудке и последовавшее вслед за этим самочинное выдвигание Григория Цамблака на пост митрополита Киевского были сделаны с оглядкой на Константинополь и не без участия (хотя бы даже косвенного) византийцев. Возможно, ненапрямую и неофициально греки действительно могли через Польшу инициировать миссию Цамблака. К сожалению, источники не позволяют нам внести в эту картину более полную ясность.

2.1.5. Византия и Запад в период понтификата Мартина V (1418 – 1431)

Констанцкий собор заложил фундамент для установления регулярных контактов между курией и Константинополем. Наступал период практических шагов в этом направлении. В лице папы Мартина V греки нашли человека, который готов был идти им навстречу. Начало было многообещающим. Весной 1418 г. папа удовлетворил просьбы, с которыми от имени императора Мануила II к нему обратился византийский посол Николай Евдемон. Первая касалась оказания финансовой помощи на строительство крепостных сооружений на Пелопоннесе – знаменитого гексамиллиона. По распоряжению понтифика объявлено было об отпущении грехов тем католикам, которые согласятся внести пожертвования на эти цели⁸⁴. Вторым своим решением Мартин V разрешил браки между представителями византийской императорской фамилии и латин-

---

⁸⁴ См.: Loenertz R. Op. cit. P. 27; Gill J. Op. cit. P. 23.

скими принцессами. Единственное условие состояло в том, чтобы последние сохраняли свою принадлежность к католической церкви.

Уже этот шаг преподносился не иначе, как в связи с перспективой грядущего объединения церквей. Соответствующая нота, обращенная к византийским представителям, была опубликована в Констанце 6 апреля 1418 г. «Мы страстно жслаем, – писал папа, – насколько это позволяют нам силы и милость Господа, прекратить старый раскол грёков с римской церковью, искоренить до конца их схизму, чтобы никогда не было ее и впредь. Необходимо устранить различия между ними и латинянами, так чтобы все они составили единую паству, которая есть церковь и которая должна управляться одним пастырем, наместником Христа; в этой обители Божьей им надлежит жить в мире и согласии. Вот почему мы сочли нужным принять просьбу светлейшего императора Константинопольского Мануила, который тоже стремится облегчить взаимное примирение всех стран, исповедующих веру Христову, и даем возможность его сыновьям, как и каждому представителю вашего народа, сочетаться браком с женщинами католической веры»⁸⁵.

Этим разрешением папы воспользовались, хотя и в разное время, все сыновья Мануила II Палеолога. Раньше всех это сделали его наследник Иоанн и морейский деспот Феодор, породнившиеся таким образом с итальянскими княжескими домами⁸⁶. Все эти дружествен-

---

⁸⁵ *Martinus V, papa. Epistola filiis Manuelis imperatoris Constantinopolitani* (1418 post febr. 1 Constantiae) // Cecconi, III – IV; EP. I, 3–4: Volentes, quantum cum deo et nostra honestate poterimus ad ea condescendere, quae vetuste divisionis Graecorum ab obedientia sanctae Romanae ecclesiae tollere et totius scismatis illius extirpationi salubriter cooperari videntur, ita ut non sit deinceps, sicut nec esse debet, differentia Latini et Graeci, sed omnes in uno grege dominico in eodem ovili, quod est ecclesia, sub eodem pastore vicario Iesu Christi militare deo possint, et unanimes ambulent in domo dei cum consensu, quapropter annuendum censuimus devotioni carissimi in Christo filii Manuelis imperatoris Constantinopolitani illustris patris vestri, qui pro faciliiori et magis accomodo reductionis antiquae pacis medio et reconciliatone mutua cunctarum Christum colentium regionum, nobis humiliter supplicavit, quatenus vobis filiis et cuilibet vestrum cum mulieribus fidei ac devotionis et obedientiae sanctae romanae ecclesiae matrimonia contrahendi liberam indulgeamus facultatem.

⁸⁶ Иоанн женился на Софии Монферратской, Феодор – на Клеоне Малатесте. В 1428 г. последовал брак между будущим императором Константином и Магдалиной Токко. Наконец, в 1430 г. Фома Палеолог взял в жены Катерину Заккариа,

ные жесты папы в отношении византийцев⁸⁷ были сделаны им непосредственно перед самым закрытием Констанцского собора. Осознавали ли сами греки те изменения, которые произошли за это время в латинской церкви? Теоретически они существенно повышали их шансы на справедливое и взвешенное обсуждение своих проблем. Действительно, Констанц означал среди прочего победу принципов соборного движения и их реализацию на практике. Новоизбранный папа Мартин V формально уже не имел возможности требовать от них простого подчинения папскому престолу, поскольку отныне сам обязан был подчиняться церковному собору в вопросах веры.

Однако дальнейшие события показали, что византийцы вовсе не собирались форсировать переговоры, касающиеся церковной унии, – несмотря на то, что эта тема становилась все более обсуждаемой, а позиция папы выглядела исключительно благожелательной. Письма Мартина V, доставленные в Константинополь Николаем Евдемоном из Констанца, должны были вызвать там приятное удивление. Византийский патриарх Иосиф II именовался в них не иначе, как епископ Нового Рима, которого папа приветствовал как своего брата. Папа выражал согласие заключить унию и готов был обсудить все необходимые для этого условия⁸⁸.

которая была дочерью последнего ахейского князя. Требование папы не переводить латинских принцев в православную веру скорее всего не было соблюдено. В 1425 г. Мартин V писал деспоту Феодору, призывая его оставить подобного рода попытки по отношению к своей супруге. Известно, что род Малатеста, из которого происходила Клеопа, находился в родственных отношениях с родом Колонна, к которому принадлежал и сам папа. Подробнее об этом см.: *Hofmann G Kirchen-geschichtliches zur Ehe des Herrscher Theodor II Palaiologos (1407– 1443) // Ostkirchliche Studien. 1955. Bd. 4. S. 129–137.*

⁸⁷ Отношение папы подчеркивала и новая манера его обращения к ватикану. После 1261 г. папы вообще избегали открыто признавать юридические права византийских императоров на Константинополь – см.: *Norden W. Das Papsttum und Byzanz. B., 1903. S. 725.* По мнению автора монографии, впервые титул «*imperator Constantinopolitanus*» (вместо «*imperator Graecorum*» или «*imperator Romaniae*») вновь употребил папа Евгений IV в 1437 г. в адрес Иоанна VIII Палеолога незадолго до его прибытия на Ферраро-Флорентийский собор. Однако на самом деле это случилось гораздо раньше. Именно папа Мартин V в первом же своем послании именовал Мануила II этим титулом (см. сноску 85).

⁸⁸ Эти письма, как и последующая переписка между папой и Константинополем,

На этом фоне ответ императора может показаться более чем сдержанным. Его послание, которое папа получил, по всей видимости, весной 1419 г., гласило, что единственно возможным способом восстановить единство церкви является вселенский собор, местом проведения которого может быть только Константинополь, а право его созыва принадлежит исключительно византийскому императору⁸⁹. Едва ли подобные условия могли удовлетворить папу. По свидетельству Сиропула, Мартин V повторно обратился к императору со своей инициативой и получил от него аналогичный ответ. И в этот раз посредником между ними был Николай Евдемон. Известно, что еще в апреле 1419 г. он находился с дипломатической миссией в Венеции. Там же в январе 1420 г. появился еще один византийский дипломат – Иоанн Филантропин, который затем проследовал в Польшу, Венгрию и Литву. Скорее всего именно он передал Евдемону новый мандат императора, предписывавший ему отправляться к папе. Курия в тот момент находилась во Флоренции. Евдемон появился там не один, а в сопровождении Феодора Хрисоверга. Именно после их визита папа принял требования византийского императора⁹⁰.

Что могло стать причиной уступчивости папы? Как выяснится позже, византийский посол вместе с Хрисовергом пообещали понтифику едва ли не безоговорочную готовность греков соединиться с латинской церковью. Во всяком случае, именно такой вывод папа сжедал после беседы с ними⁹¹. Если так, то вопрос о выборе места

не сохранилась, и о ее содержании мы знаем исключительно благодаря Сиропулу – см.: Syropulos II, 7. См. также: *Gill J.* Op. cit. P. 27; *Loenertz R.* Op. cit. P. 42.

⁸⁹ Syropulos II, 8. Это послание папе доставил скорее всего Иоанн Вландинтер, упоминание о котором содержится во флорентийских источниках. Как раз в это время (с февраля 1419 г. до сентября следующего года) курия находилась во Флоренции – см.: *Loenertz R.* Op. cit. P. 42–43.

⁹⁰ См.: *Loenertz R.* Op. cit. P. 44; *Gill J.* Op. cit. P. 29. В Венеции Евдемон решал вопрос о посредничестве между этой республикой и императором Сигизмундом. Кроме того, он должен был организовать прибытие на Восток латинских принцев, предназначенных в жены сыновьям Мануила II (Иоанну и Феодору). Вернувшись от папы обратно в Венецию, Евдемон забрал оттуда обеих женщин и сопровождал их в Константинополь – см.: *Barker J.* Op. cit. P. 327, 348.

⁹¹ Об этом можно прочесть в докладе папского нунция, который нанес визит в Константинополь в 1422 г. (речь об этом пойдет ниже) Обращаясь тогда к императору,

для униатского собора действительно мог показаться не столь принципиальным. К тому же при проведении его на Востоке у папы было бы несомненно больше шансов избежать давления со стороны конциляристских кругов в собственной церкви, имевших огромное влияние после Констанца.

Но на последнюю уступку папы Константинополь ответил новым условием. Хотя соответствующее письмо императора на этот счет также не сохранилось, у Сиропула мы находим незаконченную цитату из него следующего содержания: «Одному императору принадлежит право созывать собор, но так как по ряду причин доходы империи сократились, а римская церковь и латиняне удерживают некогда принадлежавшие ей острова, то необходимо...»⁹² На этом текст обрывается, и в дошедшем до нас архетипе имеется лакуна⁹³. Однако исследователи практически едины во мнении, что речь в данном случае шла об обязанности западной церкви взять на себя все расходы по организации вселенского собора.

Судя по реакции папы, и это условие было принято. В марте 1420 г., после упомянутой встречи с Евдемоном и Хрисовергом, папа назначил легата в Константинополь, который должен был

нунций упомянул о последней миссии Николая Евдемона и Феодора Хрисоверга, которые якобы именно так и поставили вопрос – см.: *Ann. Eccl. XXVIII, ad 1422, 9: ...quoniam, reverendus pater et dominus episcopus Slomensis et dominus Nicolaus Eudemon Joannes obtulerunt et dixerunt aperte, distincte et clare, omni semota obscuritate, domino et sanctissimo papae Martino V voluntatem esse patriarchae et reverendissimi Constantinopolitani et serenissimorum Romaeorum imperatorum, procurare ac curare sine fraude et dolo sanctissimam unionem ecclesiae Graecorum cum Ecclesia Latina sub illa fide, quam sancta Romana Ecclesia tenet... Хотя в литературе и встречаются мнения, что последние требования императора были выражены не столь категорично и поэтому папа мог согласиться с ними (см.: *Gill J. Op. cit. P. 29–30*), большинство авторов не видят оснований опровергать Сиропула (см.: *Loenertz R. Op. cit. P. 45–46; Dieten van J.-L. Silvester Syropulos... S. 169–170*). К тому же следует отметить, что на удивление компромиссная позиция византийского посла Евдемона была, по-видимому, высказана не впервые. Не что подобное вполне могло иметь место еще на Констанцском соборе, куда Евдемон приехал в 1416 г. во главе посольской делегации.*

⁹² Syropulos II, 9.

⁹³ Текст спова возобновляется на данных о событиях, связанных с пребыванием в Константинополе палского посланника в 1422 г. (см. далее).

обсудить там все вопросы на местном соборе с православными иерархами. Известно его имя – это был кардинал Фонсека⁹⁴. Немедленной отправки его на Восток, однако, не последовало. Сославшись на скудость финансовых средств, папа временно отложил ее и, с предварительного согласия византийского посла Евдемона, сначала поручил кардиналу миссию в Испанию⁹⁵. К моменту его возвращения предполагалось собрать необходимую сумму на представительские расходы⁹⁶. В середине 1422 г. Фонсека, закончив дела в Испании, хотя и будучи больным, действительно собиравшись отплыть в Константинополь. Но как раз в этот момент из Пелопоннеса пришли известия от Феодора Хрисоверга, который спешил сообщить об очередном нападении турок на византийскую столицу⁹⁷. Миссию решено было отложить до лучших времен, а пока вместо него папа распорядился отправить в Константинополь нунция. Им стал один из первых лиц ордена францисканцев, известный в источниках под именем Антонио да Масса⁹⁸. 15 июня 1422 г. он принял свое назначение⁹⁹, а 10 сентября прибыл в Константинополь¹⁰⁰. Это произошло буквально через несколько дней после того, как турки прекратили осаду города.

⁹⁴ См. буллу о его назначении: EP. I, 6.

⁹⁵ Ann. Eccl. XXVIII, ad 1422, 10 (см. сноски 100): ...dominus cardinalis et legatus propter nonnullas Ecclesiae necessitates et suas pervenit ad Hispaniam de consensu eiusdem domini Nicolai Eudemon Joannis...

Известно, что в Испании Фонсека пытался решить с местными монархами проблему, связанную с тем, что там, в замке Пенискола, все еще находился последний неотрекшийся антипапа Бенедикт XIII со своими сторонниками. См. также: Loenertz R. Op. cit. P. 45; Gill J. Op. cit. P. 30–31.

⁹⁶ Сохранилось письмо папы архиепископу кельнскому, в котором он просил его помочь собрать на эти цели шесть тысяч флоринов – см.: EP. I, 6–10.

⁹⁷ См.: Gill J. Op. cit. P. 32–33; Viller M. Op. cit. P. 32. Нападение турок на Константинополь в 1422 г., инспирированное новым султаном Мурадом II, было спровоцировано неудачной попыткой византийцев поддержать в борьбе за османский престол его противника Мустафу.

⁹⁸ Antonius Massanus (добавление к имени происходит от среднеитальянского города Масса).

⁹⁹ См. папскую буллу о его назначении: EP. I, 11–12

¹⁰⁰ О ходе и результатах этой миссии нунцием был представлен отчет, который сохранился и опубликован – см.: Ann. Eccl. XXVIII, ad 1422, 5–15.

16 сентября в сопровождении многочисленного эскорта, состоявшего как из византийских, так и из латинских представителей, посол был принят императором Мануилом II. Передав ему верительные грамоты, он доложил, что его цель – обсудить ряд вопросов, касающихся церковной унии. Император пообещал назначить для этого специальное время и место. На этом первая аудиенция закончилась. Следующая последовала не скоро. Через несколько дней престарелого императора разбил паралич. Сменивший его Иоанн VIII распорядился отложить переговоры на неопределенный срок.

Лишь 15 октября нунций получил возможность огласить соображения папы. Они были представлены в виде девяти пунктов¹⁰¹, и их содержание в основном сводилось к следующему:

- церковная уния целиком соответствует желаниям папы, и только она способна избавить греков от переживаемых ими бедствий;

- легат, который по поручению папы должен был прибыть в Константинополь, задержался по причине болезни; затем, ввиду военной обстановки на Босфоре, вместо него прибыл нунций, которому было поручено обсудить с греками меры по организации вселенского собора (время, место, состав участников и т. д.);

- папа призывает императора и патриарха выполнить свои обещания, которые от их имени огласили Николай Евдемон и Феодор Хрисоверг во время последнего визита во Флоренцию и которые подразумевают, что объединение церквей возможно и без участия восточных епископов, не являющихся подданными империи¹⁰²;

- вышеупомянутый легат (Фонсека) в этом случае обещает грекам помощь от королей Арагона и Кастилии, а также других правителей Запада¹⁰³;

---

¹⁰¹ Все эти пункты приведены в отчете (см. предыдущую сноску): *Ann. Eccl. XXVIII, ad 1422, 7–13.*

¹⁰² Теоретически это означало, что участие в будущем соборе восточных патриархов не является обязательным, что глубоко противоречило византийским представлениям о вселенском соборе, который только и мог провозгласить церковную унию. На это и указал император в своем ответном послании (см. ниже).

¹⁰³ Специальная ссылка на Арагон и Кастилию, по всей видимости, говорит о том, что папский легат во время своего пребывания в Испании попутно занимался пропагандой унии с греками, причем небезуспешно.

– при положительном ответе императора и патриарха папа обещает немедленно выслать легата и группу теологов для проведения униятского собора.

Приняв к сведению этот доклад, император обещал через некоторое время представить ответ на него. Однако ждать пришлось на удивление долго. За эти дни нунций успел в частном порядке побеседовать с патриархом, а 20 октября имел встречу с многочисленным собранием византийского клира в храме Святой Софии. Лишь 14 ноября папский посланник был приглашен на очередную аудиенцию и выслушал официальный ответ императора¹⁰⁴, который, впрочем, мог разве что разочаровать его. Император говорил, что если его представители действительно обещали папе безусловное присоединение восточной церкви к западной, то тем самым они превысили свои полномочия, так как «речь об этом может идти только на таком соборе, который будет созван по образцу семи древних вселенских соборов». Однако в настоящий момент, говорилось далее, созвать такой собор в Константинополе не представляется возможным по причине угрожающей военной обстановки, которая не позволит собрать в городе епископов из Азии и Европы. В случае ее улучшения папу обещали немедленно оповестить об этом. Пока же император просил понтифика проявить свою власть в западном мире для того, чтобы запретить всякое сотрудничество между христианами и турками, а также своим словом убеждать латинян в необходимости оказания помощи восточным христианам. Одним словом, греки давали понять, что торопиться с заключением унии не следует, пока римская церковь реальными мерами не докажет свою готовность защитить православный мир. С этим ответом Антонио да Масса в конце осени 1422 г. покинул Константинополь.

Как раз в тот момент, когда император диктовал свое последнее заявление папе, тот уже успел принять меры, соответствовавшие его последней просьбе. В послании, датированном 8 октября 1422 г., Мартин V писал Мануилу II Палеологу, что обратился недавно к магистру ордена рыцарей-иоаннитов на Родосе,

---

¹⁰⁴ Ответ императора приводится в том же документе (см. сноску 100): *App. Eccl. XXVIII, ad 1422, 15.*

а также к Венеции, Генуе и Милану с призывом поддержать греков в их борьбе с турками¹⁰⁵. Спустя еще месяц папа подписал буллу, которая сурово осуждала тех латинян, которые за деньги нанимались перевозить турок с азиатского на европейский берег. За подобные деяния, позорящие христиан, он грозил отлучением их от церкви¹⁰⁶.

Необходимо отметить, что деятельность курии в этом направлении не прекратилась и после того, как в Риме узнали более чем сдержанный ответ из Константинополя, с которым прибыл папский нунций. В марте 1422 г. тот же самый Антонио да Масса практически сразу после своего возвращения появился в Венеции, где от имени папы вел речь о возможной военной экспедиции на Восток. Сенат тогда ответил на это, что из десяти кораблей, которые могут понадобиться для подобной операции, республика готова снарядить три, если остальное возьмут на себя другие государства¹⁰⁷. Понятно, что из этого проекта ничего не вышло. Тем не менее сама позиция папы говорит о многом. Возможно, принятое вскоре после этого решение принадлежало не столько ему, сколько

---

¹⁰⁵ См.: *Martinus V. Epistola ad Manuelem II imperatorem Constantinopolitanum de auxiliis contra Turcas* (1422 oct. 8 Romae) // EP. I, № 17. P. 12–14: ...mandavimus dilectis filiis magistro et fratribus hospitalis Sancti Joannis Hierosolimitanis, ut de Rodo insula omnibus quibus possent opibus te iuvarent. ...Venetos insuper, devotos homines et potentes, qui etiam ipsa valent celeritate succurrendi, propterea, quod in Adriatici maris sinu classem hoc tempore instructam habent, ex consueta suae reipublicae disciplina rogavimus, ut tibi in hac necessitate, prout ipsis videretur expediens, subvenirent... Rogavimus etiam de re simili Ianuenses et eorum nomine dilectum filium nobilem virum Philippum Mariangelum, ducem Mediolanensem...

¹⁰⁶ Ann. Eccl. XXVIII, ad 1422, 4: Angimur siquidem et maximo dolore cofodimur, quod nonnulli perditionis et iniquitatis filii baptismatis fonte renati, Christianum nomen contemnentes eorumque salutis immemores, dudum accepto ab infidelibus stipendio Turcos ab Asia in Europam trajicientes, et infideles ipsos potentia primum disunitos unientes maritime tandem classe civitatem Constantinopolitanam una cum persidis Turcis obsederunt, et variis calamitatibus molestarunt atque perturbarunt in magnam nominis Christiani ignominiam... Prout nos... statuimus et decernimus... ut nullus in subsidium contra et adversus Christianos, et praesertim contra civitatem Constantinopolitanam personaliter accedere, aut alias auxilium vel favorem in Christianorum dispendium praestare quoquo modo praesumat. Nos vero illos, qui contra huiusmodi Constitutionem nostram ausu temerario venire praesumpserint, eo ipso excommunicationis seutentiae subiacere...

¹⁰⁷ См.: *Jorga N. Notes et extraits... I, 332; Gill J. Op. cit. P. 338.*

Сиенскому собору, который 8 ноября 1423 г. заслушал доклад францисканца о его миссии в Константинополь. Было также зачитано последнее письмо императора папе. После этого собор постановил считать вопрос о грехах бесперспективным на настоящий момент и отложить его рассмотрение до лучших времен¹⁰⁸.

Правда, определенный интерес к этому проснулся вновь, когда депутаты узнали о прибытии на Запад самого Иоанна VIII Палеолога. Как уже говорилось, в декабре 1423 г. он высадился в Венеции. На соборе раздавались предложения отправить ему приглашение посетить Сиену, но этого так и не было сделано¹⁰⁹. Характерно, впрочем, и то, что сам император не проявил желания появляться там и в течение всего путешествия не вступал в контакты с курией. Посетив североитальянские города, он проследовал в Венгрию и в конце октября 1424 г. вернулся в Константинополь. Уже в следующем году, после смерти своего отца Мануила II, он вступил на византийский престол.

Сочинение Сиропула – единственный источник, проливающий свет на следующее византийское посольство, которое было принято папой в первой половине 1426 г.¹¹⁰ Имена его участников, к сожалению, не известны из-за плохой сохранности текста. Очередная лакуна¹¹¹ заканчивается отрывочной фразой, обращенной кем-то из латинян к византийским послам. В ней говорится, что восточная церковь относится к западной так же, как дочь, оторвавшаяся от своей матери, к которой должна теперь вернуться. Далее Сиропул воспроизводит разговор этих послов с группой кардиналов, которые повели его в том же духе. Смысл беседы состоял в том, что византийцам предлагали созвать униатский собор в Италии. Те ответили, что не могут ничего сказать на это, поскольку прибыли для того, чтобы обсудить время проведения такого собора в Константинополе и теперь обязаны донести сделанное папой предложение до императора.

---

¹⁰⁸ См.: *Brandmüller W.* Op. cit. S. 146–147; *Gill J.* Op. cit. P. 38.

¹⁰⁹ См.: *Viller M.* Op. cit. P. 34 ; *Gill J.* Op. cit. P. 38–39.

¹¹⁰ Syropulos II, 13. См. также: Reg. № 3420.

¹¹¹ Текст обрывается в том месте, где Сиропул упоминает об отъезде на Запад Иоанна VIII Палеолога в 1423 г. – см.: Syropulos II, 12.

Но, как ни странно, отсутствие необходимых полномочий не помешало грекам назвать примерную смету расходов, которые должна была оплатить западная церковь в связи с приездом и размещением восточной делегации, если бы собор проходил на Западе. Была названа цифра в 75 тысяч флоринов. Хотя эта величина и смутила папу, он ответил согласием. На прощание же понтифик посоветовал грекам поторопиться с переговорами, дав им понять, что при его жизни у них есть наилучшие шансы заключить унию, на которые нельзя будет так же твердо надеяться после его смерти.

Византийцы покинули Рим в сопровождении папского посланника – уже известного нам грека-доминиканца Андрея Хрисоверга. Сопутствующим его назначению грамоты папа подписал 10/11 июня 1426 г.¹¹² Из документов не ясно, какая именно задача была на него возложена, но о его миссии пишет Сиропул¹¹³. Хрисоверг, по всей видимости, должен был на месте убедить своих бывших соотечественников в целесообразности проведения вселенского собора в Италии. По прибытии в Константинополь он немало преуспел в этом, так как ему удалось настолько заинтересовать императора, что Иоанн VIII готов был последовать за ним. Уверовав в успех, доминиканец обещал всевозможное содействие в реализации проекта. Однако затем состоялась встреча императора с патриархом, и тот каким-то образом повлиял на его мнение. После этой встречи император отказался дать Хрисовергу какой-либо окончательный ответ, сказав, что сам через собственных дипломатов поставит папу в известность. Крайне неудовлетворенный, Хрисоверг вынужден был ни с чем вернуться на Запад.

Однако прошло по крайней мере три года, прежде чем император ответил новым посольством, которое было принято папой в 1430 г. Во главе него стояли Марк Иагр¹¹⁴ и Макарий Макрин¹¹⁵. В этот раз переговоры увенчались принятием проекта соглашения¹¹⁶.

---

¹¹² EP. I, 17–19.

¹¹³ Syropulos II, 15.

¹¹⁴ PLP. № 7811.

¹¹⁵ Syropulos II, 16.

¹¹⁶ Полный текст этого соглашения см.: EP. I, 30.

Оно предусматривало, что вселенский собор должен состояться в Италии, расходы должна была взять на себя западная церковь. Предусматривалась отправка в Константинополь двух галер и трехсот лучников для обеспечения безопасности города. Грекам было гарантировано беспрепятственное возвращение на родину в том случае, если стороны не смогут ни о чем договориться.

С таким результатом послы вернулись обратно. Сиропул пишет, что после этого император в узком кругу убеждал своих приближенных ратифицировать договор с папой и в конечном итоге ему это удалось. В конце концов и патриарх, хотя и не без колебаний, вынужден был принять позицию императора¹¹⁷. В начале 1431 г. новое посольство выехало в Рим. Очевидно, стороны уже готовились обсуждать практические шаги к реализации принятого соглашения. Однако последняя миссия не состоялась. 20 февраля Мартин V скончался. Послы узнали о его смерти уже в пути и вернулись обратно. Император тут же подверг их за это критике. По его словам, после смерти одного папы латиняне сразу выбирают нового, который обычно продолжает дело своего предшественника, а поэтому не было необходимости сворачивать миссию¹¹⁸. Последовал приказ довести дело до конца. В конце 1431 г. один из вышеупомянутых послов, Димитрий Ангел Клид, вел переговоры с новым папой, Евгением IV, и имел возможность убедиться, что тот готов закончить дело Мартина V¹¹⁹. Однако лишь весной 1433 г. Евгений IV смог принять очередную делегацию с Востока. Возможно, причиной задержки стали политические смуты в Италии, о которых посол мог предупредить императора¹²⁰.

Можно сказать, что в тот момент переговоры подошли к завершающей стадии, и никто не мог предвидеть, что они растянутся еще на несколько лет, в течение которых многие вопросы, считавшиеся

---

¹¹⁷ Syropulos II, 17–19.

¹¹⁸ Ibid. II, 20.

¹¹⁹ Reg. № 3432; О встрече с византийским послом папа упоминал в письме кардиналу Чезарини от 12 ноября 1433 г. – см.: EP. I, 23.

¹²⁰ См.: *Dieten van J.-L. Silvester Syropulos...* S. 178–179. Смуты в Риме начались из-за того, что новый понтифик, венецианец по происхождению, вступил в конфликт с местными магнатами.

почти решенными, придется поднимать заново. Однако главным результатом прошедшего периода явилось то, что тема церковной унии стала теперь основным стимулом для политической коммуникации между Византией и европейским Западом.

2.2. Византия и европейская политика на Базельском соборе (1431–1438)

30-е гг. XV в. стали временем наиболее активных и исключительно насыщенных контактов между Византией и латинским Западом. Этот факт был обусловлен не только сознательной позицией византийских кругов, взявших окончательный курс на заключение церковной унии, но и сложной динамикой развития самого Запада. Она, в свою очередь, формировалась под влиянием одного из центральных событий общеевропейского масштаба, каковым следует считать Базельский церковный собор. Значение этого собора трудно переоценить, поскольку оно выходило далеко за рамки одной лишь церкви. Базель надолго стал общественно-политическим форумом, на котором помимо вопросов церковного строительства решались многие узловые пункты межгосударственных и международных отношений. Собор стал тем местом, на котором византийская проблематика являлась одним из наиболее актуальных сегментов европейской политики.

История вопроса о церковной унии на Базельском соборе обычно рассматривалась как своего рода подготовительная фаза Ферраро-Флорентийского собора¹²¹. Подобный взгляд, однако, препятствовал тому, чтобы адекватно оценить вполне самостоятельное значение этой проблемы в контексте церковной и международной политики Базеля.

2.2.1. Базельский собор, Византия и курия: первые контакты (1431–1434)

Одной из характерных особенностей церковных соборов на Западе в XV в. была их относительная дистанцированность от

---

¹²¹ О контактах Базельского собора с Византией, касающихся церковной унии, см.: *Gill J.* Op. cit. P. 46–84; *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 35–71; *Haller J.* Unionsverhandlungen und zweiter Konflikt mit der Kurie // CB. I, 127–159.

папы. К тому же в силу утверждавшихся принципов конциляризма степень прямого вмешательства понтифика в дела собора была сильно ограничена. Констанцкий собор большую часть времени вообще функционировал в условиях отсутствия главы римской церкви. Базельский собор, открывшийся в декабре 1431 г., также обходился без личного присутствия папы, который так ни разу там и не появился. Доступные ему функции управления собором осуществлялись через назначенного им президента, роль которого в Базеле исполнял кардинал Юлиан Чезарини. Таким образом, западную церковь представляли грекам одновременно папа и собор, и между ними существовали к тому же весьма непростые отношения. Эта взаимная дистанцированность в любой момент грозила перейти в отчужденность, открывая широкий простор для конкуренции за первенство и влияние в латинском мире. Переговоры о церковной унии в этой ситуации изначально были обречены на дополнительные трудности.

Воссоединение церквей еще Мартин V объявил задачей ближайшего церковного собора¹²². Несмотря на это булла его преемника Евгения IV, посвященная открытию Базельского собора, даже не упоминала об этом¹²³. В самом Базеле также склонны были считать этот вопрос делом неопределенного будущего, и целью нового собора официально были провозглашены реформа церкви и искоренение гуситской ереси¹²⁴. Однако новый папа вовсе не собирался порывать с политикой своего предшественника, и о его симпатиях к церковной унии было хорошо известно современникам. Скорее всего папа изначально не собирался отдавать этот вопрос на откуп собору. Именно на этой почве противоречия между ними, скрытые до определенного времени, впервые открыто выплеснулись наружу.

Как уже говорилось, в октябре–ноябре 1431 г. в Рим к папе прибыл византийский посол Димитрий Ангел Клид, имевший своей целью выяснить позицию нового папы и приступить к реализации

---

¹²² См.: *Leidl A. Die Einheit der Kirchen...* S. 32.

¹²³ См.: *Ibid.* S. 35.

¹²⁴ См.: *Joh. Rag. De modo...* S. 331.

договора от 1430 г., в соответствии с которым он просил его назначить один из итальянских городов для проведения униатского собора¹²⁵. В ходе обсуждения самым оптимальным местом для этого была признана Болонья, после чего посол вернулся в Константинополь. Однако неблагоприятная политическая обстановка в Риме и его окрестностях, по-видимому, заставили императора не спешить с отправкой следующего посольства. Зато папа начал действовать. Ссылаясь на переговоры с греками, он предложил собравшимся в Базеле депутатам самораспуститься и переехать в Болонью¹²⁶. Когда это предложение было отвергнуто, в декабре 1431 г. последовала официальная булла о закрытии собора. В качестве главной причины был назван византийский вопрос¹²⁷.

Однако пределы папской власти были уже не те, что прежде. В Базеле требования Евгения IV сочли незаконными, а проблему унии с греками недостаточным основанием для роспуска. Председатель собора кардинал Чезарини в январе 1432 г. писал папе, что «уния – это старая песня, которую поют уже 300 лет и каждый год»¹²⁸. Он советовал отложить решение этого вопроса хотя бы на полтора года, а пока завершить реформу церкви. Базель получил поддержку и со стороны императора Сигизмунда. Специально принятое постановление вообще запрещало распускать собор без его на то согласия¹²⁹.

Вместе с тем в Базеле ничего не имели против того, чтобы папа лично продолжал заниматься данной проблемой. Поэтому сношения между курией и Византией продолжались и даже могли иметь весьма неординарную форму. Так, например, в ноябре 1432 г. папа специально обратился ко всем владельцам и капитанам морских

---

¹²⁵ Упоминание об этом содержится в папской булле о переносе Базельского собора в Болонью от 12 ноября 1433 г. и в письме к кардиналу Чезарини от того же числа – ЕР. I, 21–24.

¹²⁶ ЕР. I, 21–22 (см. предыдущую сноску).

¹²⁷ Eugenius IV. Bulla dissolutionis Concilii Basiliensis (1431 dec. 18 Romae) // Ibid. I, 24–25.

¹²⁸ Письмо кардинала папе приводит Хуан Сеговианский – см.: МС. II, 105: .. ista cantilena de Graecis iam tricentis annis duravit et omni anno renovatur.

¹²⁹ Примирение папы с собором состоялось 15 декабря 1433 г.

судов с просьбой принимать на борт и доставлять в Италию всех греков, стремящихся попасть к папскому престолу¹³⁰. Разумеется, «какие бы то ни было греки», упоминаемые в папской грамоте, не могли быть официальными послами. Напрашивается предположение о неофициальных контактах, которые могла использовать папская курия.

С момента отъезда Димитрия Клида прошло полтора года, прежде чем в Риме смогли принять новое византийское посольство. В мае 1433 г. оно вело переговоры с Евгением IV в присутствии императора Сигизмунда¹³¹. Но в этот раз стороны не приняли никакого решения. Зато в июле того же года на Восток отправился папский легат Христофор Гаратони – человек, которому предстояло сыграть громадную роль в ходе последовавших затем событий¹³².

Понимание того, какое значение на самом деле может иметь византийский вопрос в развитии отношений между папой и собором, в Базеле обнаружили очень скоро. Если в самом начале депутаты фактически самоустраились от переговоров с греками, то в январе 1433 г. собор уже по собственной инициативе принял решение отправить от своего имени посольство в Константинополь¹³³. Тем самым был дан старт стремительной гонке, длившейся в течение пяти лет, в ходе которой папа и собор стремились привлечь византийцев каждый на свою сторону¹³⁴. В борьбу между ними оказались вовлечены и сами греки, поставленные перед необходи-

---

¹³⁰ Eugenius IV. *Epistola ad patronos et conductores navium* (1432 nov. 7 Romae) // EP. I, 27–28: ...vos patrones et alios navigatorum conductores in domino requirimus et hortamur, quatenus Graecos quoscunque, udequaque ad Romanam curiam venire cupientes super galeis, navibus, ceterisque navigiis vestris versus Italiam transfrentatibus recipere cum rebus suis et conducere velitis.

¹³¹ Reg. № 3436; Syropulos II, 19; см. также письмо папы Базельскому собору от 31 августа 1434 г. – EP. I, 32.

¹³² О назначении Гаратони папа писал в Базель 31 августа 1434 г. – см. сноску 131. О содержании его миссии см. ниже. Подробнее о личности и деятельности этого незаурядного дипломата см.: *Pesce L. Cristoforj Garatone Trevigiano nunzio di Eugenio IV // Rivista di Storia in Italia. Vol. 28. 1974. P. 23–93.*

¹³³ См.: Joh. Rag. De modo... S. 331.

¹³⁴ См.: *Leidl A. Die Einheit der Kirchen...* S. 37.

мостью иметь дело с обеими конкурирующими партиями. В составе первой дипломатической миссии из Базеля на Босфор отправились доминиканец Антоний Суданский и августинец Альберт де Крисп¹³⁵. Им было поручено в первую очередь убедить византийского императора в том, что собор, который папа имел намерение распустить, продолжает работать, пользуясь подлинным авторитетом и поддержкой всех светских правителей Европы. Далее послы должны были склонить греков начать переговоры с собором о церковной унии и для этой цели отправить своих представителей в Базель. Собор обязался принять на себя все расходы, связанные с путешествием и пребыванием там византийской делегации¹³⁶.

Послы прибыли в Константинополь 30 апреля 1433 г. и уже на следующий день были приняты императором. Миссия прошла вполне успешно. В результате состоявшихся переговоров в Базель отправилось византийское посольство, состоявшее из трех человек. Это были Димитрий Палеолог Метохит (представитель императорской фамилии)¹³⁷, аббат Исидор¹³⁸ и Иоанн Дисипат¹³⁹. 11 ноября 1433 г. они получили верительную грамоту императора¹⁴⁰ и через несколько дней вместе с базельцами отплыли на Запад. Однако в силу погодных условий путешествие пришлось прервать. 2 декабря один из базельских послов продолжил путь

---

¹³⁵ См.: Job. Rag. De modo... S. 331; *Zumkeller A.* Drei Augustinertheologen des beginnenden 15. Jahrhunderts im Dienste der Union // *Wegzeichen. Festgabe zum 60. Geburtstag Prof. Dr. Hermenegild M. Biedermann / Hrsg. von E. Suttner.* Würzburg, 1974. S. 141–144.

¹³⁶ Job. Rag. De modo... S. 332–333. Заслуживает внимания следующий факт. Когда весной 1433 г. папа припимал в Риме византийское посольство, эмиссары из Базеля уже давно были на пути в Константинополь, если уже не находились там. Однако мы не знаем, были ли византийцы, приехавшие в Рим, поставлены в известность об инициативе Базельского собора. Возможно, с этим связано то, что стороны тогда не пришли ни к какому решению.

¹³⁷ PLP. № 17981.

¹³⁸ Речь идет об Исидоре, будущем митрополите Киевском – см.: Ibid. № 8300.

¹³⁹ Syropoulos II, 26. Об Иоанне Дисипате см.: PLP. № 5537.

¹⁴⁰ *Johannes VIII Palaeologus. Mandatum legatis Demetrio Palaeologo, Isidoro hegumeno, Johanni Dissipato de concilio oecumenico cum synodalibus Basiliensibus tractando* (1433 nov. 11 Constantinopoli) // ODM, 8–9; Cecconi, XXXVII–XXXVIII.

(он прибыл в Базель 2 мая 1434 г.). Остальные пробыли в Константинополе еще до середины января, после чего отправились в Базель по суше¹⁴¹.

Какие же причины могли разделить посольство, задержать большую его часть на полтора месяца, а затем вынудили следовать более длинным и опасным сухим путем (в Венгрии, например, послы стали жертвой разбойного нападения и были дочиста ограблены)? Ответ на этот вопрос, возможно, связан с теми действиями, которые в отношении греков независимо от Базеля и вразрез с ним начал проводить папа Евгений IV. Уже говорилось о том, что в июле 1433 г. в Константинополь отправился папский легат Гаратони. О цели его миссии папа сообщил в Базель лишь в августе следующего года, когда узнал о начавшихся там официальных переговорах с греками. Гаратони предложил императору провести униатский собор в самой византийской столице, где западную церковь должен был представлять один полномочный легат с группой теологов¹⁴².

Хотя Гаратони появился в Константинополе осенью 1433 г., он не вступил в контакт с находившимися там представителями собора. Возможно, после того как он раскрыл намерения папы перед императором, последнему пришлось сначала задержать отбытие своей делегации в Базель, а затем заставить ее изменить маршрут, чтобы нанести визит к императору Сигизмунду. Судя по всему, сами послы уехали в неведении относительно планов Гаратони, о которых они узнали позднее уже в Базеле. Сам же легат, очевидно, покинул Константинополь, не получив определенного ответа на свои предложения.

Византийская делегация прибыла в Базель 12 июля 1434 г.

---

¹⁴¹ Этот факт засвидетельствован в письме императора Базельскому собору от 28 ноября 1433 г. – см.: *Secconi*, XXXIX.

¹⁴² EP. I, 32 (см. сноски 131): *Misimus itaque mense iulio anni praeteriti dilectum filium, magistrum Christoforum Garatonum... qui post multos sermones cum praefatis Johanne imperatore et Joseph patriarcha et multis aliis ex maioribus habitis, tandem comperit ipsos omnes id eligere, ut unus legatus a sede apostolicacum prelati et aliis viris doctissimis ad urbem Constantinopolitaam transmittantur, ibique per viam disputationis veritate patefacta, utraque ecclesia optatum unionis et pacis consequatur effectum.*

Через неделю состоялся официальный прием¹⁴³. С приветственной речью к послам обратился президент собора кардинал Чезарини¹⁴⁴. В ответ прозвучало выступление Исидора, который не только обличал церковный раскол, но и, что важно, с особой силой подчеркивал значение проблем внутреннего состояния западного общества. В первую очередь это касалось проблемы войны и мира. Исидор в своем обращении осудил конфликты, которые потрясали Запад, особенно продолжавшуюся Столетнюю войну между Англией и Францией. «Не так много цветущих мест, – говорил он, – довелось увидеть нам на пути, ведущем во Францию. Теперь же мы понимаем, что они гибнут в результате бесконечной британской войны, в которой два великих христианских государства движутся навстречу гибели»¹⁴⁵.

Переговоры о церковной унии начались с того, что византийцы, как и следовало ожидать, потребовали созвать для этой цели вселенский собор с участием восточных патриархов¹⁴⁶. Эта позиция принципиальных возражений не вызвала, депутаты указали лишь на организационные трудности этого мероприятия. Споры вызвал другой вопрос – о месте созыва такого собора. Византийцы вновь выдвинули старые претензии на то, чтобы провести его в своей собственной столице¹⁴⁷. Но депутаты отказались рассматривать этот вариант. Грекам пришлось согласиться с тем, чтобы собор состоялся на Западе, но в качестве ответного условия они потребовали, чтобы западная церковь взяла на себя все расходы и было выбрано место, до которого легко смогла бы добраться восточная делегация. Депутаты предложили Базель. Византийцы от этого

---

¹⁴³ См. протокол заседания Базельского собора от 12 июля 1433 г.: СВ. III, 148; см. также: МС. II, 745.

¹⁴⁴ Приветственную речь Чезарини по поводу прибытия византийской делегации см.: *Cecconi*, LXVIII–LXXIX.

¹⁴⁵ Речь Исидора перед Базельским собором см.: *Cecconi*, LXXXIV: *Vidimus non multum ante Galliam florentem; nunc vero assiduis Britannicis bellis ac discordia deflorere quasi videmus, et duos illos maximos christianorum principatus frequenti bello ac inimitia in deterius ire.*

¹⁴⁶ См.: *Joh. Rag. De modo...* S. 337

¹⁴⁷ *Ibid.* S. 338: *...de loco proposuerunt, quod imperator et patriarcha et tota ecclesia orientalis multum desiderarent, ut dictum concilium Constantinopoli celebretur... et insteterunt quantum poterunt circa hoc.*

решительно отказались и, ссылаясь на инструкции императора, представили заранее заготовленный список мест, в числе которых фигурировали Калабрия, Анкона, Болонья, Милан либо любой другой город в Италии, а за ее пределами – Буда, Вена и – в крайнем случае – Савойя¹⁴⁸. Этот список и был утвержден полностью в качестве основы, само же решение вопроса было отложено.

Итоги переговоров были закреплены в специальном декрете, известном под названием «*Sicut pia mater*», принятом на генеральной сессии собора 7 сентября 1434 г.¹⁴⁹ Один из его пунктов все-таки гласил, что Базель и впредь будет рассматриваться как наиболее предпочтительное место для проведения вселенского собора, хотя все вышеупомянутые варианты, предложенные греками, признавались возможными¹⁵⁰. Декрет обязывал латинскую церковь нести все необходимые расходы, в том числе и для обеспечения безопасности Константинополя на время отсутствия императора¹⁵¹. Наконец, византийцы настаивали, чтобы договор вступил в силу лишь после того, как будет утвержден папой. С этим поручением в Италию должен был отправиться французский каноник Симон Фрерон¹⁵². Но прежде чем тот покинул Базель, пришло письмо от самого папы, извещавшее о его собственных планах, которые Гаратони обсуждал в Константинополе¹⁵³.

---

¹⁴⁸ См.: *Instructiones imperatoris Constantinopolitani super loco ycumenici concilii* // МС. II, 749. Как известно, еще с прежним папой греки договорились о проведении собора на Западе. Не исключено, что идея проведения его на Востоке возродилась у императора после общения с Христофором Гаратони.

¹⁴⁹ Текст этого декрета см.: COD, 478–482.

¹⁵⁰ Вышеупомянутый список мест был включен в декрет – COD, 480. Неразрешенность этого вопроса в самом начале будет иметь самые негативные последствия в дальнейшем, дав повод для всевозможных спекуляций на тему о том, где проводить вселенский собор.

¹⁵¹ С этой целью предполагалось привезти в Константинополь команду из 300 лучников – см.: COD, 481. Этот пункт впервые начал фигурировать уже на переговорах с Мартином V.

¹⁵² См.: *Joh. Rag. De modo...* S. 339.

¹⁵³ EP. I, 31–32 (см. сноску 131); *Joh. Rag. De modo...* S. 340. Вероятно, следует согласиться с мнением Й. Джилла, который объясняет такую уступчивость папы его растущей политической изоляцией – см.: *Gill J. Op. cit.* P. 32.

Это известие вызвало шок и удивление как у депутатов, так и у византийских послов, от которых стали было требовать объяснений. Последние тогда писали папе, убеждая его в необходимости одобрить только что принятый декрет, а в будущем лично присутствовать на вселенском соборе¹⁵⁴. О реакции папы стало известно в ноябре 1434 г. Евгений IV не скрывал своего крайнего раздражения тем, что собор по собственному почину стал выносить решения по таким важным вопросам, напомнив еще раз, что лично ведет переговоры с греками через Гаратони. «Что же будет, – вопрошал он в письме к депутатам, – если по одному и тому же делу будут приняты два разных решения? Одна лишь путаница и, более того, из-за этого несогласия может вспыхнуть ссора, и великий позор ляжет на всех нас»¹⁵⁵. Однако декрет все же был утвержден. Это было время, когда Базельский собор находился на пике своего авторитета, тогда как папа под давлением политических смут вынужден был временно удалиться из Рима.

Политика Базеля в отношении греков встретила сочувствие со стороны императора Сигизмунда. Двое из византийских послов, находившихся на соборе, лично отправились к нему, чтобы ознакомить с результатами переговоров. Сигизмунд с удовлетворением написал по этому поводу византийскому императору Иоанну VIII¹⁵⁶, а в письмах, адресованных собору, подчеркивал, что лично ему, чьи владения граничат с восточным миром, хорошо известны как «значение унии для церкви, так и тот страх, который

---

¹⁵⁴ См.: Joh. Rag. De modo... S. 341: Multum inter alia optamus, ut... in eadem synodo sanctitas vestra interesse et praesidere personaliter dignetur... Nos, sperantes haec quae fecimus omnino placitura esse vestrae sanctitati...

¹⁵⁵ Eugenius IV. Epistola ad concilium Basiliensem (1434 nov. 15 Florentiae) // EP. I, 35–37: Quid, si uno tempore de eadem re variae et diversae fiant conclusiones? Profecto vidiculum erit, et quod magis est Forte ex hac dissentione scandalum pariturum, saltem non parvum dedecus nobis omnibus allaturum. См. также: Gill J. Op. cit. P. 57; Leidl A. Die Einheit der Kirchen... S. 40.

¹⁵⁶ См. письмо Сигизмунда Иоанну VIII Палеологу от 1 октября 1434 г. – DRTA. XI, 478–479: ...duo ex ambasciatoribus vestris ad nos redientes maiestati nostrae exposuerunt, qualiter ipsa sancta synodus cum ipsis certa conclusit capitula, quae vidimus, et de illis, quoniam de felici exitu unionis huiusmodi firmam fiduciam capimus ...iocundamur illaque firmata laudamus et extollimus.

она способна внушить варварским народам». В письме к собору он убеждал депутатов, что вопрос этот среди всех остальных должен стать не второстепенным, но самым важным¹⁵⁷.

Однако по истечении некоторого времени собору вновь пришлось отстаивать свою позицию. Пока в Базеле шли переговоры, папский легат Гаратони вновь появился в Константинополе¹⁵⁸. Теперь ему удалось убедить императора принять план папы о проведении униатского собора в византийской столице. Главную роль в этом сыграло ложное утверждение, согласно которому папа и собор были единодушны в данном вопросе. Именно так император изложил суть дела в своем письме депутатам от 12 ноября 1434 г.¹⁵⁹ Соответствующий договор был заключен в Константинополе¹⁶⁰, и с ним два новых посла – Георгий и Мануил Дисипаты¹⁶¹ – в сопровождении самого Гаратони отправились в Италию¹⁶². Во Флоренцию, где тогда находилась курия, они прибыли 22 января 1434 г. и на приеме у папы просили его приступить к реализации соглашения¹⁶³. Однако папа к тому времени уже утвердил базельский декрет. Не осмеливаясь нарушить его, он ответил грекам, что собор с их предыдущим посольством пришел к другому решению, после чего вместе со своим легатом отправил их решать этот вопрос в Базель, предварительно оповестив обо всем депутатов¹⁶⁴.

---

¹⁵⁷ См. письмо Сигизмунда Базельскому собору, датированное тем же числом: DRTA. XI, 480–481: ...nos, qui cum orientalibus confinamus, cognoscimus, quantum unitas huiusmodi ad augmentum ecclesiae dei et terrorem gentium barbarum profutura sit... Haec enim res inter ceteras peragendas non est mediocris, sed in prosecutione omnibus christianis praecipua esse debet.

¹⁵⁸ Грамота о его назначении датирована 13 июля 1434 г. – см.: EP. I, 29–30. См. также: *Hofmann G.* Op. cit. S. 58.

¹⁵⁹ *Johannes VIII Palaeologus. Epistolasynodalibus Basiliensibus* (1434 nov. 12 Constantinopolim) // ODM, 20; Cecconi, CXIII–CXIV: ...certificavit nos dictus nuncius, dictum dominum papam et vestras reverentias, tam in hac re quam singulis aliis, esse eiusdem voluntatis.

¹⁶⁰ Текст этого договора позднее был приложен к письму, которое папа отправил в Базель – см.: EP. I, 39–40.

¹⁶¹ PLP. № 5540.

¹⁶² Syropulos II, 25.

¹⁶³ MC. II, 786.

¹⁶⁴ *Eugenius IV. Epistola ad legates pontifices Concilii Basiliensis* // EP. I, 38–41.

Находившаяся там византийская делегация также была поставлена в известность императорским посланием. Ей было предписано присоединиться к посольству братьев Дисипатов и действовать далее согласно их инструкциям¹⁶⁵.

Поступившее в Базель известие о новом повороте дел, спровоцированном папой, в очередной раз вызвало среди депутатов замешательство и растерянность¹⁶⁶. Упреки посыпались и на византийцев, которых стали обвинять в неискренности. Однако те поспешили заявить: все, о чем они договариваются с собором, может быть реализовано лишь с санкции папы, равно как и то, что они решают с папой, недопустимо без согласия собора¹⁶⁷. 22 марта прибыло второе посольство вместе с Гаратони. Начался новый тур переговоров¹⁶⁸. Договор, заключенный в Константинополе, стал предметом бурного обсуждения: его принятие означало бы признание декрета «*Sicut pia mater*» недействительным. Папский легат лично убеждал депутатов, что провести униатский собор в Константинополе легче и выгоднее, так как средств на это потребуются гораздо меньше, императору и патриарху не придется совершать изнурительное путешествие и своим отсутствием подвергать столицу дополнительной опасности.

Однако никакие доводы успеха не имели, а папского легата даже призвали к ответу за свои действия. Депутаты были возмущены тем, что он внушил императору, будто папа и Базель едины во мнении созвать собор в Константинополе. Они заявили, что никогда не поручали легату вести подобные переговоры от своего имени, а император обманут ложными обещаниями, которые противоречат истинным замыслам собора¹⁶⁹. Как ни странно, Гаратони

---

¹⁶⁵ См.: Reg. № 3446; Joh. Rag. De modo... S. 343.

¹⁶⁶ См.: Joh. Rag. De modo... S. 343.

¹⁶⁷ См.: Ibid. S. 347: ... non possent aliquid facere cum concilio, nisi de consensu domini nostri papae, et cum domino nostro papae nisi de consensu sacri concilii.

¹⁶⁸ МС. II, 786–787.

¹⁶⁹ См.: Joh. Rag. De modo... S. 357: ...sacrum concilium nec unquam aliquid commisit dicto Christoforo, ut ipse nomine concilii haberet tractare aliquid cum imperatore... super hac re. Ex quibus patet, quod imperator circumventus falsa promissione ycumenici concilii et falsa assertione concurrentis voluntatis concilii acceptaverit...

ответил, что все переговоры осуществлял только от имени папы¹⁷⁰. Иоанн Рагузанский, описывающий данный эпизод, не без удивления отмечает в своей хронике, что византийские послы не изобличили легата во лжи и ничего не сказали в защиту императора¹⁷¹.

Кроме всего прочего, базельцы подвергли новый договор критике с идеологических позиций, о чем следует сказать подробнее. Внимательно ознакомившись с текстом, депутаты пришли к выводу, что планируемый папой и императором собор в Константинополе не может претендовать на статус вселенского. Дело в том, что западную церковь там должен был представлять один легат с группой теологов, наделенных обширными полномочиями для ведения переговоров. Что же касается другой стороны, то в тексте было сказано буквально следующее: «Надлежит святейшему государю нашему (византийскому императору. – *Н. П.*), поскольку собор должен быть вселенским, сделать так, чтобы от восточной церкви и от всех народов, принадлежащих к ней... явились бы все те, кому необходимо там быть»¹⁷². Депутаты усмотрели противоречие между выражениями «*synodus generalis*» и «*ex parte ecclesiae orientalis*». По их мнению, если речь шла о подлинном вселенском соборе, то последнюю формулу следовало бы заменить словами «*ex tota ecclesia*»¹⁷³. Впоследствии они писали императору, что хотя его послы и утверждали всегда, будто уния возможна исключительно на вселенском соборе, однако же в указанном тексте речь идет не о нем, а разве что о партикулярном соборе восточной церкви¹⁷⁴.

Конечно, с точки зрения греков, подобная критика была беспочвенной, поскольку предусматривалось присутствие на соборе полномочных представителей римского папы. Согласно их тра-

---

¹⁷⁰ См.: Joh. Rag. De modo... S. 355: Respondit, quod... ipse nichil fecerat aut concluserat nomine concilii... sed quicquid fecerat, nomine solius papae fecerat.

¹⁷¹ См.: Ibid. S. 355.

¹⁷² EP. I, 40 (см. сноску 164): Et placet sanctissimo domino nostro, quod fiat synodus generalis ex parte ecclesiae Orientalis ex omnibus nationibus ipsi ecclesiae subiectis seu adherentibus... qui venturi sunt, venient...

¹⁷³ См.: Joh. Rag. De modo... S. 352.

¹⁷⁴ См.: Ibid. S. 361: Quae tamen synodus non exprimitur, sed solum regionalis ex parte orientalis ecclesiae...

диционным представлениям о вселенском соборе этого было достаточно¹⁷⁵. Но в Базеле были иного мнения. По-видимому, стороны смотрели на проблему с разных идейных позиций. Базельский собор, который поставил себя над папой и по масштабам своей многогранной деятельности скорее напоминал своеобразный европейский конгресс, едва ли мог допустить, чтобы где-то на Босфоре папский легат с группой теологов выражал интересы всего западного мира. Если византийский император должен был собрать в своей столице представителей всех народов (*ex omnibus nationibus*) христианского Востока, то напрашивался вопрос: где же делегаты европейских наций? В Базеле не могли причислить к ним несколько папских посланников и потому не считали такой собор вселенским. Депутаты склонны были считать весь этот казус недоразумением. Однако на самом деле за этим скрывалась пропасть глубоких идейных противоречий, которые впоследствии во многом предопределили исход переговорного процесса. Византийцам еще предстояло сделать выбор между двумя концепциями вселенского собора, из которых одну – более близкую им по духу – представлял папа, другую – Базель. Но на этот раз компромисс был достигнут. Византийцы отказались от последних договоренностей с папой, когда увидели, что собор их категорически отвергает. Иоанн и Мануил Дисипаты откровенно признали, что в случае разногласий между папой и собором им предписано встать на сторону последнего и вернуться к первоначальному варианту, о котором договорилось первое посольство¹⁷⁶. Этот вариант был отражен в декрете «*Sicut pia mater*» и означал проведение униатского собора не в Византии, а на Западе. На его основе 27 апреля 1435 г. и было принято окончательное решение¹⁷⁷, после чего данный вопрос никогда больше не поднимался.

Так завершился первый этап переговоров. Важнейшим их результатом можно считать то, что они приняли характер целенаправленного и непрерывного движения, появилась формально

---

¹⁷⁵ Подробнее о византийской концепции вселенского собора см. в последней главе.

¹⁷⁶ См.: МС. II, 788; Joh. Rag. De modo... S. 360–361.

¹⁷⁷ См.: *Leidl A. Die Einheit der Kirchen...* S.41.

признанная всеми участниками концепция. Это был момент, когда Базельский собор, казалось, прочно перехватил инициативу папы в византийском вопросе и бесповоротно взял переговоры с греками в свои руки.

2.2.2. Миссия в Константинополь Иоанна Рагузанского (1435–1437)

История дипломатической миссии Иоанна Рагузанского, уполномоченного от имени Базельского собора вести дела в Константинополе, является необходимой составляющей данного исследования. Связанный с этим материал дает представление о том, в какой степени судьба начавшегося переговорного процесса решалась на Востоке.

После принятия в Базеле декрета «*Sicut pia mater*» дальнейшие действия собора свидетельствовали о всей серьезности его намерений в отношении греков. Начался поиск средств на организацию униатского собора, теологов, владевших греческим языком. Раздавались предложения приступить к изучению спорных вопросов между двумя церквями¹⁷⁸. Но в первую очередь речь шла об организации нового посольства в Константинополь, состав которого был оглашен на генеральной сессии 14 мая 1434 г. Делегацию возглавлял высокообразованный и авторитетный в своих кругах доктор богословия, магистр ордена доминиканцев Иоанн Рагузанский. Имевший дипломатический опыт, владевший греческим языком и в силу своего далматинского происхождения (Рагуза) близко знакомый с православным миром, этот человек как нельзя лучше подходил для выполнения возложенной на него миссии. Кроме того, у собора были все основания доверять ему и как ревностному приверженцу концилиарной доктрины¹⁷⁹. Наряду с ним в посольство были включены еще два человека – Генрих Менгер и уже упоминавшийся Симон Фрерон. Послам надлежало добиться от византийского императора ратификации декрета «*Sicut pia mater*» и на месте проследить за исполнением той его части, которая касалась греков¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ См.: *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 41–42.

¹⁷⁹ См.: *Strika Z.* Op. cit. S. 160.

¹⁸⁰ См. инструкции посольству: СВ. I, 364–373.

24 июня 1434 г. латинская делегация в сопровождении трех византийцев, которые к тому времени еще находились в Базеле¹⁸¹, отправилась в путь, избрав морской маршрут. Вскоре ей представился случай убедиться в том, что и папа по-прежнему вел свою собственную линию. В истрийском портовом городе Пула послы встретились с Христофором Гаратони, который, как выяснилось, тоже держал путь в Константинополь. Об этой встрече Иоанн Рагузанский писал депутатам, отметив, что в переговоры с папским легатом не вступал и его цели ему неизвестны¹⁸². Не высказав никаких подозрений, он лишь просил собор не выпускать из своего внимания дело, начатое с греками и являвшееся, по его словам, залогом успешного разрешения всех остальных вопросов.

После трехмесячного путешествия 24 сентября 1435 г. делегаты достигли византийской столицы. 2 октября они были приняты императором, вручили верительные грамоты и изложили цель своего прибытия¹⁸³. Император Иоанн VIII ответил, что должен теперь тщательно изучить заключенные в Базеле соглашения. На следующий день в Святой Софии состоялась встреча с патриархом. Были установлены контакты и с представителями латинских купеческих кругов, проживавших в Константинополе. На встрече с ними Иоанн Рагузанский объяснил цель своей миссии, прося их о поддержке¹⁸⁴. Спустя некоторое время в одной из церквей города стороны приступили к официальным переговорам.

С самого начала переговоры были непростыми. Обсуждение декрета началось со скандала, причиной которого стала преамбула документа. Ее составители допустили весьма неосторожную формулировку, в которой говорилось о намерении собора преодолеть «новый раскол с гуситами и старый — с греками»¹⁸⁵. Иными словами,

---

¹⁸¹ Мануил Дисипат и Исидор к тому времени разными путями покинули Базель — см.: Joh. Rag. De modo... S. 362–363.

¹⁸² См. письмо Иоанна Рагузанского и его спутников из Пулы (Далмация) Базельскому собору от 6 августа 1435 г. — *Secconi*, CXVII.

¹⁸³ Joh. Rag. Relatio, CCCCLXXXIX–CCCCLXC.

¹⁸⁴ Ibid, CCCCLXCI.

¹⁸⁵ См. преамбулу декрета «Sicut pia mater» — COD, 478: ...huius sanctae synodi ab initiae suae congregationis praecipua cura fuit, illud recens Bohemorum

византийцы, считавшие себя архиправославными, были поставлены на одну доску с обычными еретиками. Иоанн Рагузанский, который всеми силами старался доказать обратное, в конце концов не нашел ничего лучшего, как объявить весь этот казус результатом ошибки переписчика¹⁸⁶. Тем не менее византийцы настояли на внесении поправки. Сложность состояла в том, что у делегатов не было на это достаточно полномочий, поэтому поправку еще предстояло заново утвердить в Базеле, что оборачивалось дополнительной потерей времени.

Далее бурные дебаты вызвал вопрос о выборе места для будущего униатского собора. Западные послы снова предложили византийцам приехать в Базель, приводя всевозможные аргументы. По их словам, сам Базель, как и его окрестности, являли собой область, в которой царят мир, спокойствие и свобода, где есть все возможности для размещения и проживания большого множества народа, и что вообще разумно закончить все дело там, где его однажды начали¹⁸⁷. Но, несмотря на все уговоры, византийцы этот вариант отвергли. Иоанн Рагузанский писал впоследствии, что ни в каком другом вопросе не было напрасно положено столько сил с его стороны. По его же собственному признанию, он никогда не мог даже понять до конца, почему греки с такой решимостью отказывались ехать в этот город¹⁸⁸.

Остальные вопросы были урегулированы достаточно легко. Однако, к большому неудовольствию делегатов, в переговоры вмешался папский легат Гаратони, который к моменту их прибытия уже находился в Константинополе. Гаратони повел себя так, словно и не было никакого формального соглашения между папой и собором, начав убеждать византийцев в том, что собор не имеет ни средств, ни воли выполнять свои обязательства перед ними, а все

---

antiquumque Graecorum dissidium prorsus extinguere. О возможной природе этой формулировки см. выше.

¹⁸⁶ Сиропул подробно воспроизводит этот эпизод – см.: Syropulos II, 37–39.

¹⁸⁷ См. обращение базельского посольства к императору Иоанну VIII: *Cecconi*, CLII–CLIII.

¹⁸⁸ Joh. Rag. Relatio, CCCCXCIII: Quid autem eos ab hac civitate retrahat, nunquam ad liquidum scire aut percipere potui...

переговоры затеял лишь ради того, чтобы продлить свое собственное существование¹⁸⁹. В ответ базельцы впали в другую крайность, заявив, что византийцам лучше вообще не иметь дела с папой. Однако те сразу дали понять, что без участия папы никакой вселенский собор вообще невозможен. В этой крайне напряженной атмосфере весьма странно повели себя и византийские послы, которые еще недавно находились с посольской миссией на Западе. Один из них, Димитрий Палеолог Метохит, начал опровергать лживые доводы папского легата. В то же время два других, Исидор и Мануил Дисипат, как свидетельствует Иоанн Рагузанский, неожиданно поддержали Гаратони¹⁹⁰. Все это лишь в очередной раз открыло грекам глаза на то, что единства на Западе как не было, так и нет.

Император и патриарх не склонны были проявлять симпатии к какой-либо из сторон. По окончании переговоров папе и собору были адресованы их послания¹⁹¹. Авторы просили западную церковь назначить для будущего собора приморский город, желательно в Италии, куда легко смогли бы добраться и восточная делегация, и сам папа. Сделать этот выбор должны были в Базеле на основании принятого там декрета. Обращаясь к депутатам, император просил исходить из вышеупомянутого списка и не позднее мая прислать галеры в Константинополь. Кроме того, собор еще должен был ратифицировать поправки, внесенные в преамбулу декрета. С этой целью один из членов посольства, Генрих Менгер, 2 декабря 1435 г. выехал обратно в Базель¹⁹². Примерно в то же время и Христофор Гаратони покинул византийскую столицу¹⁹³.

Оставшийся в Константинополе Иоанн Рагузанский, несмотря на трудности прошедших переговоров, имел все основания считать начало своей миссии успешным. Происки папского эмиссара

---

¹⁸⁹ Joh. Rag. Relatio, CCCCXCIII.

¹⁹⁰ Ibid, CCCCXCIII. Возможно, причина «странного» поведения дипломатов была в том, что на них оказывала влияние позиция патриарха в начавшихся переговорах. В дальнейшем глава византийской церкви будет гораздо более последовательно, нежели император, поддерживать сторону папы в его конфликте с Базельским собором.

¹⁹¹ Тексты этих посланий см.: *Cecconi*, CLXIV–CLXVII.

¹⁹² Joh. Rag. Relatio, CCCCXCVII.

¹⁹³ Syropulos II, 50.

не смогли поколебать доверие византийцев к Базельскому собору. Готовность с их стороны продолжать переговоры не вызывала у посла никаких сомнений. С оптимизмом он писал в Базель в феврале 1436 г. о своих впечатлениях: «Все здесь ликуют от радости; даже те, кто пребывают в рабстве у неверных, словно их уже сделали свободными, радуются в своих надеждах на унию, будто она уже состоялась, и непрерывными похвалами они превозносят до небес Ваш святой Базельский собор, пекущийся об этом богоугодном деле»¹⁹⁴.

Дипломат пользовался расположением в высших византийских кругах. Особенно близкие и доверительные отношения сложились с патриархом, с которым, как оказалось, в силу национальной близости, он мог даже общаться на родном языке¹⁹⁵. Одним из немногих случаев взаимного непонимания стала история с отправкой посольства к восточным патриархам. Иоанн Рагузанский готов был предоставить средства для оплаты собственно посольских расходов, что и так было предусмотрено договором. Однако помимо этого византийцы попросили возместить затраты на подобающие этому случаю подарки. Не искушенный в тонкостях восточной дипломатии посол долго сопротивлялся и лишь по истечении нескольких недель вынужден был выдать требуемую сумму, когда понял, что в противном случае вопрос вообще не будет решен¹⁹⁶. Ответ от патриархов поступил в начале марта 1437 г.¹⁹⁷ Из него следовало, что те не смогут лично присутствовать на вселенском соборе и намерены поручить это своим представителям. Однако ознакомившись с полномочиями последних, Иоанн Рагузанский счел их недостаточными и настоял на повторном посольстве, хотя уже не был уверен, что на это есть время.

---

¹⁹⁴ Johannes de Ragusio, Simon Fréron. *Epistola ad concilium Basiliensem* (1436 febr. 9 Constantinopoli) // Cecconi, CCIII: ...omnes prae gaudio, etiam qui in servitute sunt infidelium, quasi iam liberti facti, iubilant, et in spe unionis, quasi iam facta sit, exultant, vestrumque sanctam Basiliensem synodum, huiusmodi divini operis procuratricem, usque in celum immensis efferunt laudibus et extollerunt.

¹⁹⁵ Joh. Rag. *Relatio*, CCVII: Bulgarius est natione et de lingua mea, multumque michi afficitur...

¹⁹⁶ Ibid, CCCCXCVIII- CCCCXCIX.

¹⁹⁷ Ibid, DIII.

По-видимому, нельзя не сказать и о том, что миссия Иоанна Рагузанского имела еще один немаловажный аспект. В этот период времени посещение византийской столицы человеком подобного ранга и значения было событием незаурядным. В течение почти двух лет в Константинополе находился не рядовой дипломат, а представитель церковной, интеллектуальной и политической элиты латинского Запада, который имел возможность с близкого расстояния наблюдать политическую, военную и духовную ситуацию на Востоке. Эти наблюдения стали для него источником ярких впечатлений, отразившихся в его переписке. В первую очередь посол мог воочию увидеть и ощутить масштабы турецкой экспансии, которая давно уже сомкнула железное кольцо вокруг Константинополя и теперь явно была нацелена на Венгрию. Именно последний факт беспокоил Иоанна больше всего. В письмах, посылаемых в Базель, он неоднократно упоминает о военной активности турок и просит донести известные ему факты до императора Сигизмунда.

На этом фоне истинное предназначение церковной унии не вызывало у него никаких сомнений, — он откровенно признавал, что на это нет других причин, кроме как освобождение христиан от турецкого владычества¹⁹⁸. Атмосфера духовной жизни византийской столицы оказала на Иоанна Рагузанского не менее сильное воздействие. Увиденная однажды картина многолюдной религиозной процессии и богослужения в Святой Софии, устроенного во имя избавления города от эпидемии и прочих бедствий, стала для него настоящим эмоциональным шоком. Передавая свои впечатления, он писал кардиналу Чезарини: «Я, несчастный, наяву видел в Греции то, чего в нашей церкви не увидел бы и во сне»¹⁹⁹.

Стремление греков к успешному завершению переговоров вызывали у Иоанна одни лишь хвалебные отзывы, однако у него

---

¹⁹⁸ *Cecconi*, CCIV (см. сноски 194): *Certe si nulla alia causa esset querende unionis nisi sola haec pietatis, videlicet liberatio christianorum a tam nephandissima et crudelissima servitute...*

¹⁹⁹ *Johannes de Ragusio. Epistola ad cardinalem Cesarini* (1436 febr. 9 Constanti-nopoli) // *Cecconi*, CCIX: *Ecce ego miser vidi in Graecia vigilando in ecclesia nostra nec per somnium aliquando percepi.*

было все меньше оснований считать, что на Западе дела обстоят таким же образом. Тянулись месяцы ожидания, но с самого момента прибытия он не получил ни одного ответа или инструкции из Базеля. В письме Чезарини от 10 марта 1436 г. он впервые посетовал на то, что о них забыли, словно о мертвых. «Если собор не доведет дело до конца, – внушал он кардиналу, – то скоро и Константинополь окажется во власти турок, и Венгрия будет разорена ими»²⁰⁰.

Летом в городе распространилась чума. Жертвой эпидемии стал его последний помощник Симон Фрерон. Сам Иоанн по настоянию императора перебрался на один из близлежащих островов. В начале сентября 1436 г. он вернулся в столицу, а спустя четыре дня получил первое за все это время известие о том, что собор ратифицировал новую редакцию декрета²⁰¹. Следовательно, оставалось только дожидаться флот, который не позднее мая должен был прийти и забрать восточную делегацию. При получении этих известий в Константинополе звонили в колокола, а император и патриарх, по свидетельству дипломата, плакали от счастья²⁰². Через несколько дней император заявил послу о своем намерении отправить на Запад двух своих представителей – одного к папе, другого в Базель. Иоанн Рагузанский объяснял эту инициативу стремлением ускорить ход событий, а при необходимости стать посредником между курией и собором. До Константинополя доходили слухи о сохранявшемся разладе между ними, вследствие чего затягивалось решение вопроса о выборе места для униатского собора²⁰³. Дипломат не возражал, напомнив только, что послы должны действовать в рамках уже достигнутых договоренностей. В результате

---

²⁰⁰ Johannes de Ragusio. Epistola ad cardinalem Cesarini (1436 martii 10 Constantinopoli) // Cecconi, CCXVII: ...nisi sacrum concilium maneat, et prosequatur quod inserit cum istis graecis laboretque pro pace christianorum, in brevi haec civitas erit turcorum, et regnum Ungariae erit desolatum.

²⁰¹ Joh. Rag. Relatio, CCCXCIX–D; *Strika* Z. Op. cit. S. 171.

²⁰² Ibid. D.

²⁰³ Ibid. D: ...duabus ex causis: primo, pro sollicitando executionem negotiorum; deinde, pro promovendo concordiam inter concilium et papam in facto loci, de quibus fama erat publica quod adhuc erant in discordia, nec ad alicuius loci processum ad huc fuerat electionem.

в Базель был делегирован уже бывавший там Иоанн Дисипат. В Болонью к папе должен был ехать Мануил Тарханиот. Иоанн Рагузанский отказался от предложения императора самому отправиться в Базель вместе с Дисипатом, сославшись на обязанность оставаться в Константинополе до прихода галер. Повторился и уже известный инцидент. Император попросил доминиканца оплатить посольские расходы. Тот категорически воспротивился, заявив, что отпущенные ему деньги для этого не предусмотрены и необходимы для того, чтобы обеспечить прибытие в столицу делегатов восточной церкви²⁰⁴. Спор длился не одну неделю. Однако 12 ноября 1436 г. в Константинополь снова прибыл папский легат Гаратони²⁰⁵. Это был уже третий его визит на Восток. Опасаясь очередных интриг, Иоанн Рагузанский считал благоразумным немедленно выдать грекам нужную сумму.

Императорский мандат предписывал новому посольству, отправлявшемуся на Запад, установить, в какой мере в Базеле выполняются обязательства по декрету «*Sicut pia mater*», посодействовать тому, чтобы к выгоде византийцев решили вопрос о месте созыва вселенского собора. В случае, если бы обнаружилось обратное, послы должны были решать все вопросы с папой²⁰⁶. Трудно сказать, знал ли Иоанн Рагузанский именно о такой постановке вопроса. Из его переписки и отчета явствует, что скорее всего – нет.

В январе 1437 г. доминиканец получил новые письма и инструкции из Базеля. Византийцам предлагали провести совместный собор либо в Базеле, либо во французском Авиньоне. О состоявшейся в связи с этим беседе с императором Иоанн подробно пишет в своем отчете²⁰⁷. Из него мы узнаем, что византийцы отвергли оба предложения. Что касается Авиньона, император сказал, что этот город вообще не фигурирует в списке декрета. На замечание базельского дипломата о том, что декрет среди всего прочего предполагает неопределенный город на побережье (*alia terra maritima*),

---

²⁰⁴ Joh. Rag. Relatio, D.

²⁰⁵ См.: *Strika Z.* Op. cit. S. 172.

²⁰⁶ *Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Concilium Basiliensem et ad papam Eugenium IV (1436 nov. 20 Constantinopoli) // Cecconi, CCLIX.*

²⁰⁷ Joh. Rag. Relatio, DIII.

последовал ответ, что имеется в виду не любой город вообще, а прибрежный город в Италии. По итогам переговоров Иоанн своим письмом от 13 февраля сообщал депутатам, что на приеме у императора он в очередной раз пытался убедить его ехать в Базель, но получил отказ²⁰⁸. Об отношении греков к Авиньону он, как ни странно, не упомянул вовсе. Реакция самого императора была изложена в его письме от 11 февраля²⁰⁹. Византийский правитель писал, что никогда не согласится с назначением Базеля, но готов принять любой город, который значится в списке декрета. Об Авиньоне и в этом письме нет ни слова. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, что данный вариант действительно обсуждался тогда в Константинополе.

Между тем в конце мая 1437 г. истек условленный срок, к которому должен был прийти флот. Но не было ни обещанных галер, ни каких-либо известий, кроме различных слухов. Доверие к Иоанну начало стремительно падать. По его признанию, он становился объектом насмешек со стороны и греков, и латинян²¹⁰. В отчаянии 24 июля он пишет в Базель, что уже собравшиеся в Константинополе участники восточной делегации лишь благодаря увещеваниям императора согласны ждать до наступления осени, после чего, если не будет ясных перспектив, просто разъедутся²¹¹. Но уже через несколько дней отчаяние сменилось радужной надеждой. Были получены письма от Иоанна Дисипата, находившегося в тот момент у папы в Болонье. Византийский посол сообщал, что по единодушному решению Базеля и папы местом созыва вселенского собора объявлена Флоренция²¹². Эта новость была встречена с огромной радостью. Никто не предполагал, что информация о якобы едином

---

²⁰⁸ *Johannes de Ragusio*. Epistola ad concilium Basiliensem (1437 febr. 13 Constantinopoli) // CB. I, 377–378.

²⁰⁹ *Johannes VIII Palaeologus*. Epistola ad concilium Basiliensem (1437 febr. 11 Constantinopoli) // ODM, 26–27; CB. V, 182–184;

²¹⁰ Joh. Rag. Relatio, DV.

²¹¹ *Johannes de Ragusio*. Epistola ad concilium Basiliensem (1437 iul. 24 Constantinopoli) // CB. I, 381–382.

²¹² Joh. Rag. Relatio, DVI: .. civitas Florentia erat, de unanimi consensu sacri Concilii et Papae, pro ycumenico concilio celebrando electa.

мнении относительно выбора Флоренции не соответствовала действительности, если не была прямым обманом. В полном неведении об истинном положении дел в Константинополе шли последние приготовления к отъезду.

Независимо от дальнейшего развития ситуации следует признать, что, несмотря на все трудности, с которыми была сопряжена миссия Иоанна Рагузанского, дипломату удавалось достаточно успешно решить возложенную на него задачу. Его заслугой было и то, что переговоры с греками, вопреки активному противодействию курии, так и не вышли за рамки первоначального соглашения их с Базельским собором. В его присутствии византийская сторона в целом выполнила свои обязательства по договору, не дав повода для каких-либо претензий к себе. Немало усилий было положено доминиканцем и на то, чтобы настроить общественное мнение на Западе в пользу скорейшего и положительного решения византийского вопроса путем заключения церковной унии. Непосредственное знакомство с общественно-политическим и духовным климатом на Востоке, которое дипломат постарался отразить в своих многочисленных письмах, в какой-то степени способствовало формированию в латинских кругах более объективного и непредвзятого отношения к Византии. Обнаружившийся впоследствии провал миссии был обусловлен исключительно ходом событий, развернувшихся на Западе уже в отсутствие Иоанна Рагузанского.

2.2.3. Византия и новый церковный раскол на Западе

Исход переговоров в конечном итоге зависел от позиции латинской стороны, внутри которой изначально не было единства. В течение двух лет после отъезда византийской делегации из Базеля соперничество между папой и собором продолжало развиваться по различным вопросам, пока целиком не сфокусировалось на проблеме церковной унии с Византией.

Генрих Менгер, один из трех главных участников посольства, возглавляемого Иоанном Рагузанским, выехавший из Константинополя с новой редакцией декрета в начале декабря 1435 г., достиг Базеля через два с половиной месяца. Акт ратификации состоялся

в апреле 1436 г.²¹³ После этого собор наконец вплотную подошел к решению проблемы организации вселенского христианского конгресса. Собственно, из всех вопросов лишь один по-прежнему оставался без ответа, а именно вопрос о выборе места для проведения эпохального мероприятия. Но как раз на этой почве и было разрушено хрупкое равновесие сил и интересов в церковной и политической сферах.

Мнение греков на этот счет было хорошо известно. С самого начала они наотрез отказались заключать церковную унию в Базеле и предоставили список мест, которые согласны были принять. Впрочем, при каждом удобном случае они напоминали, что из всех вариантов наиболее предпочтительным для них была бы Италия. В этом отношении их мнение вполне совпадало с интересами папы, но далеко не большей части Базельского собора. Когда в мае 1436 г. в Базеле приступили к непосредственному обсуждению данного вопроса, то, кроме всего прочего, выяснилось, что он тесно связан с вопросом финансирования будущего собора. Речь шла о 70 000 дукатов. Кроме того, уже срочно требовалась начальная сумма, чтобы снарядить и отправить в Константинополь четыре галеры и 300 лучников для охраны города, как это было предусмотрено договором. Поскольку сама возможность стать местом проведения вселенского православно-католического конгресса для многих городов Европы представлялась весьма заманчивой, то по предложению кардинала Чезарини решено было некоторым из них дать такой шанс в обмен на предоставление соответствующего финансового займа. Подобного рода предложения получили папская курия, располагавшаяся в тот момент в Болонье, а также Флоренция, Венеция, Сиена, Милан, Савойя, Вена и венгерская столица императора Сигизмунда Буда²¹⁴.

Все эти города формально соответствовали волеизъявлению греков, отраженному в декрете. Однако уже тогда начал фигурировать еще один город – Авиньон, который выдвинул архиепископ

---

²¹³ *Haller J.* Op. cit. S. 130.

²¹⁴ См.: МС. II, 905; *Haller J.* Op. cit. S. 144. Для погашения займа предполагалось выпустить специальные индульгенции. Это решение, кстати, стало еще одним камнем преткновения в отношениях между папой и собором.

Лиона и затем активно начала продвигать самая влиятельная на соборе французская партия. Немедленно посыпались возражения некоторых депутатов, ведь Авиньон не упоминается в декрете и потому обсуждению не подлежит. Их противники, в свою очередь, парировали тем, что город расположен на пути в Савойю и что уж если греки согласны ехать туда, то ничто не мешает им остановиться в Авиньоне.

С августа 1436 г. один за другим начали поступать официальные ответы. Как и следовало ожидать, первыми на сделанное предложение откликнулись богатые итальянские города. Венеция, Милан и Флоренция обещали выполнить все условия и, в частности, предоставить требуемый денежный заем (флорентийцы, например, готовы были одолжить даже больше, чем запрашивалось). В то же время Сиена ответила, что не сможет отыскать более 30 тысяч дукатов. Узнав об этом, Эней Сильвий Пикколомини, являвшийся делегатом собора, поспешил отправить своим согражданам длинное послание, в котором призывал их не скупиться и проявить щедрость в деле, сулящем городу немалые выгоды²¹⁵. Тонко намекая на подводные камни разворачивающейся борьбы, он писал: «Имеют место споры между венецианцами и флорентийцами, с одной стороны, и герцогом Миланским – с другой; и так как нельзя выбрать Венецию либо Флоренцию, не задев тем самым герцога, ни сделать наоборот, так чтобы не досадить первым двум, то легко будет склонить собор к третьему варианту, каковым в Италии остается лишь Сиена»²¹⁶.

Благожелательно откликнулся австрийский герцог Альбрехт относительно Вены, обещая предоставить в распоряжение собора все, кроме требуемой суммы денег. Что же касается мнения императора Сигизмунда, то он настоятельно просил депутатов вообще никуда собор не переносить, а оставаться в Базеле, считая возможным убедить в этом папу. Смутно намекая на какие-то собственные

---

²¹⁵ См.: *Enea Silvio Piccolomini. Brief an die Regierung von Siena (1437 oct. 25 Basel)* – лат. // Widmer B. *Enea Silvio Piccolomini. Papst Pius II. Ausgewählte Texte aus seinen Schriften*. Basel, 1960. S. 148–159.

²¹⁶ *Ibid.* S. 158: *Nam cum magnae sint inter ducem, Venetos et Florentinos discordiae, neque Veneti sine iniuria ducis aut Florentini eligi poterat ideoque libenter ad tertium locum communemque concilium declinasset, quails nullus est in Italia praeter Senas.*

контакты, он убеждал их, что через посредничество одного из братьев византийского императора или великого князя литовского якобы сможет уговорить греков приехать туда²¹⁷. К этому совету прислушались, и письмо с соответствующей просьбой от имени собора и самого Сигизмунда было отправлено в Константинополь. Но, как известно, приглашение в Базель в Византии в очередной раз отвергли²¹⁸.

26 октября была принята делегация из Авиньона. Ответ был вполне положительным: авиньонцы согласны были удовлетворить все условия для созыва вселенского собора в их городе, в том числе и те, что касались денежного займа²¹⁹. Вновь раздавшиеся было редкие возражения о том, что этот город вообще не может быть поставлен на голосование, услышаны не были. Однако на следующий день едва не спутало все карты неожиданное вмешательство самого французского короля Карла VII. Его посольство прибыло в Базель, и депутаты узнали, что желание монарха состоит в том, чтобы место для будущего вселенского собора было выбрано с учетом интересов папы – «такое, куда понтифик согласился бы приехать и где можно было бы не только заключить унию с греками, но и уладить разногласия внутри латинской церкви»²²⁰. На выбор было предложено несколько итальянских городов – Рим,

---

²¹⁷ МС. II, 906: *...rursum mutationem fieri propter causam unionis Graecorum quod non esset necesse, quia credebat se facturum cum papa, ut pro concilio celebrando cum eis Basileam veniret, et per medium Dispothi, germani Constantinopolitani imperatoris, aut Witrigaldi magni Lithuaniae ducis, quod imperator ipse et Constantinopolitanus etiam venirent Basileam.*

Здесь же Сигизмунд пытался внушить мысль о том, что для организации собора нет необходимости занимать столь значительные средства, так как большая их часть будет собрана за счет индульгенций в самой Германии. Очевидно, император заранее видел опасность в том, что сторонники перемещения собора в Италию или во Францию получают неограниченную возможность спекулировать при этом на финансовых проблемах.

²¹⁸ См. сноску 209.

²¹⁹ МС. II, 908.

²²⁰ Ibid. II, 908–909: *...rex Francie cupiebat ut concilium celebraretur in loco accomodo ad reductionem Graecorum et huiusmodi differentias removendum... quod facerent instantiam ut locus per concilium eligeretur accomodus ad praedicta duo, unionem fieri Graecorum et tolli ab ecclesia dissensionem.*

Пиза, Флоренция и Сиена. Особое внушение на этот счет получила французская партия. Покидая собрание, королевский посол упрекнул депутатов в том, что, стремясь к союзу с греками, они начали сеять раскол между самими католиками.

Хотя явного раскола еще не было, многим уже было ясно, что дело идет к этому. Именно византийский вопрос сыграл здесь роль детонирующего фактора. Как бы ни хотелось большинству депутатов оставаться в Базеле, чтобы именно здесь принять восточную делегацию, позиция греков совершенно исключала такую возможность, делая неизбежным перемещение собора в другое место, причем с обязательного согласия папы. Об устранении последнего от переговоров византийцы не хотели и слышать. Однако на протяжении всех предшествующих лет Базель осуществлял программу внутрицерковных преобразований, на почве которых его отношения с папой постоянно ухудшались. В этих условиях для радикального большинства в соборе уния с греками становилась делом чести и престижа. Проведение униатского собора в Италии, как здесь считалось, могло принести такую же выгоду прежде всего папе в ущерб реформаторству. Об этом говорилось открыто. Когда император Сигизмунд рекомендовал никуда из Базеля не переезжать, то мотивировал это тем, что в противном случае под угрозой окажется реформа церкви²²¹. Очевидец тех событий Артур Штекль оставил следующую запись в своем дневнике: «Греки не соглашаются ехать в то место, которое не будет одобрено папой, и поэтому есть основания подозревать, что делают они это с его благословения, поскольку тот всеми способами, какими только может, старается переместить собор в Италию. И если такое случится, то следует опасаться, что будут аннулированы все декреты Базельского собора»²²².

---

²²¹ МС. II, 906: *...quia nondum facta fuisset reformatio*. О том, что вопросы церковной реформы и унии с греками могли казаться взаимосвязанными, см. материал заключительной главы.

²²² См. запись в дневниках Артура Штекля – СВ. I, 105: *...ipsi Graeci nequaquam velint consentire in aliquem locum, nisi in quem papa consenserit. Unde suspicatur, quod Graeci hoc faciunt in favorem sanctissimi domini nostri papae, quia ipse dominus noster papa laborat omnibus modis, quibus potest, ut trahat concilium ad Italiam. Et si hoc fieret timendum esset, quod decreta sancti Basiliensis concilii omnino suppedirentur et annullarentur...*

В этой сложной ситуации постепенно вырисовывались две альтернативы. Симпатии одной части собора тяготели к Италии, тогда как притяжением для другой все очевиднее становился Авиньон. Неожиданный жест французского короля, казалось, должен был повысить шансы папалистов, ратующих за Италию. На их сторону склонялся и президент собора кардинал Чезарини. Однако в ходе непрерывных дебатов поздней осени 1436 г. становилось ясно, что они в меньшинстве, тем более что на позицию французов мнение монарха никак не повлияло. 5 декабря 1436 г. состоялась процедура поименного голосования, которая подтвердила этот факт и продемонстрировала убедительный перевес конциляристов: более чем две трети депутатов выбрали Авиньон местом созыва православно-католического собора²²³. Проиgnорировав последние просьбы короля, французская нация сплоченно проголосовала за Авиньон, включая даже таких видных иерархов, как архиепископы Буржа и Лиона или епископ Орлеана²²⁴. Впрочем, скоро и сам Карл VII пересмотрел свое мнение. 11 февраля 1437 г. было зачитано его послание, в котором он отрекался от своего недавнего решения и одобрял результат голосования²²⁵.

Мотивы, которыми руководствовались французские депутаты и французский король, вызывали подозрения уже со стороны современников описываемых событий, а впоследствии стали предметом внимания исследователей. Речь идет о якобы имевшей место со стороны французов попытке «второго авиньонского пленения», которое угрожало папе, если бы собор действительно переехал в Авиньон. На самом деле, есть факты, которые могут служить видимым основанием для подобных выводов. Еще в январе 1436 г. папский посланник в Базеле Амбросио Траверсари писал императору Сигизмунду о неблагоприятных замыслах французов вернуть курию на постоянное пребывание в Авиньон, где она находилась еще не так давно²²⁶. Другой неизвестный эмиссар папы незадолго

---

²²³ См.: *Haller J.* Op. cit. S. 147; *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 43. См. также протоколы голосования: СВ. III, 248–258.

²²⁴ См. сноску 239.

²²⁵ МС. II, 934. См. также: *Haller J.* Op. cit. S. 155.

²²⁶ См.: *Haller J.* Op. cit. S. 149.

до памятного голосования 5 декабря отправил понтифику обстоятельный отчет о состоянии дел, в котором, в частности, писал, что нельзя доверять французскому монарху, несмотря на заявленную с его стороны поддержку святому престолу. Королевские послы в Базеле, доносил автор доклада, творят совсем не то, что обещал их король²²⁷. Во избежание новой схизмы он советовал папе ни в коем случае не перемещать собор во Францию. Кардинал Чезарини однажды публично обвинил французскую депутацию в том, что, голосуя за Авиньон, она стремится не столько к унии с греками, сколько к тому, чтобы перетащить туда из Италии римскую курию²²⁸. Прямые или косвенные упреки в адрес французов звучали и позже, и об этих разговорах знали в Византии. Осенью 1437 г. патриарх Иосиф II поделился такими же подозрениями в приватной беседе с Иоанном Рагузанским²²⁹.

Эти свидетельства не могут быть оставлены без внимания, тем более что сравнительно недавно исследователям открылись обстоятельства, в которых они находят им косвенное подтверждение. Незадолго до декабрьского голосования в недрах собора возникла неожиданная идея пересмотреть правила, регламентирующие процедуру избрания римского папы. В ноябре 1436 г. соответствующие соображения были представлены кардиналу Чезарини. На основании сохранившегося ответа, данного кардиналом, можно судить об их содержании²³⁰.

Речь шла о возможности издания нового декрета, касающегося порядка выборов понтифика. С момента открытия Базельского собора решения по этому вопросу принимались уже дважды. Первый декрет был издан еще в июне 1432 г., после того как папа сделал

²²⁷ CB. I, 435: ...in hac materia non confidat de rege Francia; experta est enim sua sanctitas, quod oratores regis semper contrarium eius fecerunt, quod rex promisit...

²²⁸ MC. II, 946: ...quod Gallici prosequerentur electionem Avinionensem non tam faciende unionis Graecorum respectu, quam Romanam curiam ab Ytalia in Avinionem trahendi.

²²⁹ См. с. 148.

²³⁰ См.: Meuthen E. Eine bisher unerkannte Stellungnahme Cesarinis (Anfang November 1436) zur Papstgewalt // OFIAB. 1982. Bd. 62. S. 143–179. В статье опубликованы текст упомянутого ответа, данного кардиналом (S. 167–177), а также подробные комментарии к нему.

попытку распустить собрание. Документ предусматривал, что в том случае, если папский престол окажется вакантным, новые выборы главы римской церкви должны состояться не иначе, как на соборе. Однако позднее отношения Базеля с папой были восстановлены, и 26 марта 1436 г. (XXIII сессия) был принят новый декрет, согласно которому конклав для избрания нового папы следовало созывать в течение десяти дней после освобождения престола. Место выборов уже специально не оговаривалось, но очевидно, что десятидневный срок не позволял переносить их обязательно в Базель. Именно эту недомолвку теперь предполагалось устранить, чтобы не допустить в будущем избрания папы вне рамок собора. Едва ли можно сомневаться и в том, что проблема приобрела актуальность именно ввиду предстоящего голосования по поводу размещения греко-католического униатского конгресса. Декрет в предполагаемой новой редакции теоретически давал возможность избрать нового папу лишь там, где он будет созван. А в ноябре 1435 г. уже с большой долей уверенности таким местом можно было назвать Авиньон, что и подтвердилось через несколько недель. Благодаря этому действительно открывалась перспектива для перемещения туда курии.

Реакция президента собора на эту инициативу была отрицательной. Он категорически не согласился с идеей вносить какие-либо поправки в существующие правила избрания понтифика. Кардинал ссылаясь на то, что после прибытия византийской делегации, согласно договору с греками, Базельский собор надлежало официально распустить²³¹. Он писал, что новый собор будет состоять из обеих церквей, поэтому базельские декреты все равно не будут иметь для него юридической силы²³², а считать его прямым продолжением Базельского будет также нельзя²³³.

²³¹ По соглашению от 1434 г. на эту процедуру отводился ровно месяц, начиная с того момента, как византийская делегация высадится в одном из латинских портов.

²³² См.: *Meuthen E.* Eine unerkannte Stellungnahme. S. 169: *Item non debet hoc statui et declarari, quia cautum est inter nos et Graecos in decreto renovato, quod futura sinodus erit universalis et ycumenica utriusque ecclesiae, Latinae videlicet et Graecae... Cum igitur ad illos sicut ad nos ratione compactatorum pertinebit futurum concilium et que in illo agentur, non debemus nunc aliquid statuere de identitate.*

²³³ Ibid: *Preterea hoc est periculosum declarare, quod sit idem, quia ex hoc Graeci possent vehementer scandalizari, imo dicerent se deceptos, quia ex verbis decreti et*

Аргументы Чезарини, как нетрудно заметить, косвенно защищали достоинство византийцев, хотя можно усомниться в искренности кардинала. Базельский конциляризм, как и западная церковь в целом, были весьма далеки от того, чтобы вести переговоры с греками абсолютно на равных. Очевидно, президент Базельского собора уже стал ясно осознавать, что в той нездоровой атмосфере, которая складывалась вокруг подготовки предстоящего униатского съезда, спекулятивные попытки пересмотреть порядок избрания римского понтифика грозят закончиться для римской церкви повторением схизмы. Продолжая отвечать инициаторам этой идеи, Чезарини неожиданно принялся защищать авторитет папской власти в ее традиционном смысле, выражая несвойственную ему ранее позицию в этом вопросе. Резкая перемена, наступившая в настроях кардинала, отразившаяся в его последующих выступлениях, не осталась незамеченной современниками.

Судя по всему, весь этот эпизод, связанный с процедурой избрания главы католической церкви, носил тайный, закулисный характер. В официальной «истории» Базельского собора у Хуана Сеговианского об этом не упоминается. Позиция Чезарини способствовала тому, чтобы от дальнейшего продвижения идеи отказались. Безусловно, в противном случае подозрения в отношении французов, о которых говорилось выше, должны были только усилиться и назначение Авиньона местом проведения униатского собора оказалось бы под вопросом. Как бы то ни было, приведенные факты свидетельствуют, что на фоне подготовки к вселенскому собору начали пробуждаться серьезные политические амбиции. В связи с этим необходимо обратиться к историографии.

И. Галлер, историк конца XIX – начала XX в. и один из авторов многотомного издания «*Concilium Basiliense*», утверждал, что французское представительство в Базеле и сам французский король, прикрываясь унией с греками, прямо намеревались вместе с собором переместить в Авиньон римскую курию²³⁴, т. е. повторить эксперимент с авиньонским пленением. Такого же мнения был и

litteris et aliis satis patet, quod debeat esse aliud concilium, quia sepe fit mentiode futuro concilio.

²³⁴ См.: *Haller J. Op. cit. S. 148–149.*

его современник Г. Бекман, которому принадлежит одна из работ об императоре Сигизмунде. Бекман шел еще дальше, заявляя, что вслед за курией французы собирались отнять у германской нации права на императорскую корону²³⁵. Речь не идет о том, что эти точки зрения абсолютно несостоятельны, так как даже для последнего утверждения, кажущегося слишком крайним, находятся косвенные обоснования. В дальнейшем еще будет возможность показать это. Тем не менее подобный взгляд на проблему представляется весьма прямолинейным. В новейшей историографии он был существенно скорректирован. Это нашло свое отражение в фундаментальном исследовании Г. Мюллера «Франция, французы и Базельский собор» (1990)²³⁶. Проанализировав факты, автор призвал более взвешенно оценивать намерения французов в связи с подготовкой греко-латинского собора и прежде всего проводить грань между позицией какой-то фракции Базельского собора и политикой французского короля. Действия последнего могут показаться непоследовательными. Сначала Карл VII порекомендовал созвать вселенский собор в Италии, а затем признал итоги голосования в пользу Авиньона.

Эта непоследовательность была вызвана политическими интересами французской короны. Первоначальный жест короля, демонстративно сделанный в сторону папы, имел свои причины. Как раз в тот момент в Европе решался вопрос о замещении неаполитанского престола. После смерти королевы Джованны II в 1435 г. на освободившийся трон в Неаполе выдвинули свои притязания два возможных кандидата – арагонский король Альфонс V и Рене Анжуйский (герцог Прованса). В продвижении последнего был особенно заинтересован французский двор. Между тем в качестве ленного арбитра выступал папа, которому принадлежало право инвеституры. Ситуация осложнялась тем, что Рене Анжуйский в это время находился в бургундском плену. Велись переговоры о его освобождении, которое состоялось в феврале 1437 г. Таким образом, французский король был заинтересован в установлении дружественных отношений с папой к выгоде своего протеже. Этим

---

²³⁵ См.: *Bekmann G.* Op. cit. S. 103–104.

²³⁶ См.: *Müller H.* Die Franzosen, Frankreich und das Basler Konzil (1431–1449). Paderborn, 1990. Bd. 1–2.

и объясняется его шаг в ноябре 1436 г., когда он заявил о необходимости созвать вселенский собор исключительно в Италии. Папа тогда с благодарностью откликнулся на позицию монарха и в ответном послании одной из главных причин, вынуждающих его не покидать Италию, назвал проблему Неаполя как одинаково близкую им обоим²³⁷. Это был очевидный призыв к сотрудничеству ради обоюдной выгоды.

Встает вопрос о том, что заставило короля спустя всего два месяца изменить свое мнение на противоположное и признать решение Базельского собора по Авиньону. Г. Мюллер категорически не согласен с мнением историков начала XX века о том, что Карл VII якобы вел двойную игру и, заигрывая с папой, лишь маскировал свои настоящие намерения²³⁸. Как уже было сказано, этот автор подчеркивает неправомочность смещения политики официального французского двора и депутатов от французской нации на Базельском соборе. В числе последних действительно могли находиться радикально настроенные деятели, которые готовы были, пользуясь случаем, вернуть в Авиньон римскую курию. Сам король едва ли мог преследовать столь авантюрный план, не суливший ничего, кроме новой схизмы. Но при этом он вовсе не возражал против идеи созыва вселенского собора во Франции, имея в виду огромный политический престиж, который могло бы принести ему это историческое и эпохальное мероприятие. Протекция интересов родственной Анжуйской династии в какой-то момент все-таки оказывается важнее, что вынуждало монарха встать на сторону папы в начинающемся споре по вопросу о греко-латинском соборе (византийцы такой жест могли бы несомненно приветствовать). Однако король явно не предвидел итоги голосования 5 декабря 1436 г. Они были таковы, что их нельзя было проигнорировать, и под впечатлением свершившегося факта Карл VII одобряет решение, за которое проголосовала вся без исключения французская партия²³⁹.

---

²³⁷ EP. I, 54: Neque enim ullo modo ultra montes possumus proficisci propter... multas evidentissimas causas... inter quas est potentissima factum regni Siciliae, quod procul dubio aliter disponetur, quam tu et ego vellemus, si relinqueremus Italiam.

²³⁸ См.: *Haller J.* Op. cit. S. 148–149.

²³⁹ См.: *Müller H.* Op. cit. S. 502–503.

Ко всему сказанному можно добавить, что даже если французский король ничего не замыслил против курии (тому нет никаких прямых доказательств), то вместе с тем он и не сделал ничего, чтобы пресечь подобные намерения у французской секции в Базеле, которые стали причиной многочисленных обвинений. Напротив, проект по переносу собора в Авиньон, к которому его сторонники теперь должны были привлечь греков, с этого времени начал стремительно проталкиваться при полной поддержке короля Франции. Для него это был вопрос чести и политической выгоды. Остается лишь сказать, что большинство депутатов собора, голосуя за Авиньон, имели в виду отнюдь не политические интересы французов (тем более это относится к иным национальным фракциям), а интересы концилиарного движения и реформы церкви.

Возвращаясь к вопросу о неаполитанском наследстве, можно отметить, что позднее он все же был решен папой в пользу анжуйской династии²⁴⁰. В этом смысле изменившаяся позиция французского монарха не оказала никакого влияния. Этого и следовало ожидать, ибо папский престол стремился не допустить опасного для себя усиления Арагонского королевства за счет южной Италии. Зато Рене Анжуйский, поскольку от папы зависели его интересы, отныне твердо встал на его сторону. Исполняя свой вассальный долг, он требовал, чтобы собор с греками состоялся в Италии, и был противником его перемещения во Францию. Таким образом, позиции двух правителей – короля Франции и нового короля Неаполя – резко разошлись по данному вопросу, и византийцы были невольными виновниками этого. В то же время решение папы шло вразрез с интересами Арагона. Для византийцев подобные политические комбинации не обещали ничего хорошего. Альфонс V Арагонский впоследствии окажется среди противников папы Евгения IV, отказавшихся признать Ферраро-Флорентийский собор.

Между тем голосование в Базеле 5 декабря с его результатами стало началом нового этапа дипломатической борьбы. Вскоре после оглашения его итогов стало известно об очередной инициативе императора Сигизмунда, непрерывно следившего за всем про-

---

²⁴⁰ Решение папы в этом вопросе было вполне предсказуемым, поскольку он не мог отдать юг Италии такому сильному государству, как Арагон.

исходящим. На этот раз он предлагал созвать греко-католический собор в своей венгерской столице – Буде, а в качестве главного аргумента высказывались соображения, которые напрямую связывали это историческое мероприятие с перспективой крестового похода²⁴¹.

Нельзя сказать, что предложение Сигизмунда никого не тронуло. Хуан Сеговианский даже записал в своем трактате, что если бы о нем узнали до голосования, то, возможно, многие предпочли бы проголосовать за Буду, а не за Авиньон²⁴². Не исключено, что император предлагал свой вариант в противовес авиньонскому. Тем же самым в тот момент был озабочен папа и, наконец, сами греки. 5 февраля 1437 г. в Базель прибыл византийский посол Иоанн Дисипат. Ему предстояло на месте установить, в какой степени здесь готовы следовать заключенным ранее соглашениям²⁴³. Войдя в курс дел, посол сразу же убедился, что дела идут не так, как задумано. 15 февраля на генеральной сессии Дисипат выступил с нотой официального протеста против назначения Авиньона местом будущего униатского собора. Дипломат указал на то, что Авиньон не упоминается в декрете от 1434 г. и, кроме того, ни папа, ни его заместители никогда не явятся туда²⁴⁴. К его словам, впрочем, отнеслись предельно холодно и с крайним подозрением. Даже правомочность посла выступать с протестом подвергли сомнению. В результате он был обвинен в том, что действует не по инструкции своего императора, а по сговору с агентами папы²⁴⁵.

Заявление Дисипата, конечно, не было результатом сиюминутного сговора с защитниками папских интересов. Однако тесное

---

²⁴¹ DRTA. XII, 35.

²⁴² MC. II, 929: *Eiusmodi oblationes imperiales si ante electionem factam innotuissent concilio, quomodo sentire potui, quamplurimos patros deduxissent ad consensum Budae, qui in Avinionem vota dedere...*

²⁴³ См. дневниковые записи участника собора Агрыпа Штекля: CB. I, 104–105.

²⁴⁴ *Johannes Dishypat. Oratio in concilio Basiliensi contra nominationem civitatis Avinionensis ad locem celebrationis ycumenici concilii* // Cecconi, CCLXXXIII.

²⁴⁵ MC. II, 935: *Lugdunensis quoque archiepiscopus alloquebatur ipsum oratorem Graecorum, quod protestationem per eum factam non est ex Graecia, sed habuisset ex Basilea, maiusque habere peccatum qui ad huiusmodi facienda tradidcrat eum.*

общение с ними не подлежит сомнению. Выражая твердую уверенность в позиции папы, посол наверняка заранее был хорошо ознакомлен с его мнением. Курия и в самом деле предпринимала все меры к тому, чтобы не допустить перемещения собора во Францию. Ее адепты опубликовали в Базеле меморандум, содержащий почти два десятка причин, не позволявших проводить это мероприятие за пределами Италии²⁴⁶. В числе главных авторы документа называли политические смуты среди итальянских магнатов и неразрешенность вышеупомянутого неаполитанского вопроса — причины, которые должны были неминуемо обостриться в отсутствие папы. Не лишенным оснований был и следующий довод: «Поскольку собор необходимо организовать в таком месте, в котором смогли бы собраться большие и малые чины всех народов, государств и стран, то нельзя считать Авиньон таким местом — ведь если в Базеле англичане жаловались на засилье французов, то что же тогда будет в Авиньоне? Мнения небольшой горстки людей, — говорилось далее, — ни в коем случае не должны иметь места наряду с мнением Его Святейшества, членов коллегии (кардиналов. — Н. П.) и других иерархов, так как из-за этого серьезно пострадает весь строй и авторитет церкви»²⁴⁷.

В этих словах — озабоченность авторов по крайней мере двумя моментами. Во-первых, речь шла о том, что вопрос о греках и униатский собор могут стать средством борьбы, использующимся в целях усиления одних и ослабления других национально-политических сил. В этом смысле более всего потеряло бы папство как политический субъект, а наибольшую выгоду могла извлечь французская монархия. Не зря в документе было высказано убеждение в том, что разговоры и мнения о греко-латинской унии относятся к исключительной компетенции церкви и никакие другие суждения на будущем соборе не должны иметь места.

---

²⁴⁶ Текст этого меморандума см.: СВ. I, 431–434.

²⁴⁷ Ibid: ...quia concilium debet in loco celebrari, in quo omnium nationum, regnorum, et provinciarum maiores et minores convenire possint et in quo nulli fiat impressio, qualis non est Avinio, quia si de impressione propter potentiam Gallicorum publice conquesti sunt Anglici in Basileam, quid erit in Avinione? Praeter alios reges et regna, quorum metus propter inimicitias quamplures et iustus et ratuonabilis foret.

Старания курии получить поддержку императора Сигизмунда успеха не имели. В марте 1437 г. папа писал императору, что хотя и считает необходимым свое присутствие на будущем соборе, не может в настоящее время покинуть Италию²⁴⁸. Жалуясь на происходящее в Базеле, он просил отозвать оттуда императорского посла, епископа Любека. Впрочем, эту просьбу Сигизмунд не выполнил, а к идее созыва униатского собора в Италии отнесся отрицательно. Что же касается его планов провести этот собор в Буде, то папа уклончиво заявил, ссылаясь на мнение византийского посла (очевидно, это был Мануил Тарханиот), что считает этот вариант невозможным. В Базеле тем временем активно предпринимались меры к практическому исполнению итогов голосования от 5 декабря 1436 г. От Авиньона ожидали предоставления условленной суммы займа в 70 тысяч дукатов. Авиньонцы, в свою очередь, требовали твердых гарантий его возврата. 28 января 1437 г. они огласили свои условия. Для полного возвращения займа в пользу города должна была перейти десятая часть церковных доходов во французском королевстве (а при необходимости и в других областях); в случае отказа греков ехать в Авиньон городу полагалось вернуть 60 тысяч дукатов, предназначенных на расходы восточной делегации и охрану Константинополя. Наконец, назначение Авиньона местом проведения вселенского собора следовало оформить в виде официального декрета. Ко всему этому французам была нужна санкция своего короля²⁴⁹. Но как раз с нею вопрос решился незамедлительно. Как уже говорилось, 11 февраля поступила официальная нота от Карла VII, который полностью одобрял назначение Авиньона и обещал полную поддержку этому проекту.

---

²⁴⁸ EP. I, 62–63.

²⁴⁹ MC. II, 930–931: ...prius, scilicet ante expeditionem reliquarum pecuniarum mutuandarum, imponatur et decretetur per sacrum concilium decima vel semidecima universalis, quae unacum indulgenciis assignetur civitati praedictae usque ad summam, quam mutuaverint... Item quod si decima regni Franciae non sufficeret... quod de decima et subsidiis aliorum regnorum et terrarum fiat assignatio... Item quod casu quo Graeci nollent venire, quod quindecim milia ducatorum, que debent tradi imperatori Graecorum pro expensis ipsorum et decem milia, que debent tradi pro custodia civitatis Constantinopolitanae... plene et libere restituatur civitati... Item quod per sacrum concilium decretetur nominatio civitatis Avinionensis pro ycumenico concilio.

Дополнительно король обещал написать византийскому императору и папе, чтобы убедить обоих приехать в Авиньон. Была также обещана охранно-пропускная грамота как грекам, так и всем другим, желающим присутствовать на будущем соборе²⁵⁰.

Все выставленные Авиньоном условия были приняты. Но умеренные и папалистские круги настаивали на том, что нужно получить от Авиньона все деньги и лишь затем издавать соответствующий декрет. Город настаивал на обратном. В результате решение, к которому пришли, состояло в следующем. Собор снаряжал посольство, которое должно было проследовать в Авиньон, добиться реальной выплаты одалживаемой суммы, с ее помощью получить в свое распоряжение флот, чтобы затем отправиться в Константинополь и доставить на Запад византийскую делегацию. Компромисс между разными партиями заключался в условии, по которому Авиньону отводилось 42 дня на выполнение всех финансовых обязательств. По истечении этого срока собор должен был начать процедуру повторного голосования и вместо Авиньона выбрать другой город²⁵¹. В состав посольства были назначены четыре человека, каждый из которых имел сан епископа (в их числе был и епископ Любека – тот самый, об отзыве которого папа просил императора Сигизмунда)²⁵². С 25 февраля они приступили к исполнению своей миссии²⁵³.

9 апреля установленный 42-дневный срок истек, но денег от Авиньона по-прежнему не было. Папалисты тотчас почувствовали себя увереннее, требуя аннулировать итоги прежнего голосования и назначить новое. Пока шли дебаты, 14 апреля пришло известие, что деньги наконец получены. Однако новость уже не спасла положение. Одни считали, что этот факт теперь не имеет значения и договор с Авиньоном утратил силу, другие доказывали, что надо оставить все, как есть, и таких было явное большинство. Обе партии готовились к тому, чтобы декретировать свои решения. Все предвещало новый раскол. Стремясь предотвратить надвигающуюся

²⁵⁰ СВ. I, 441–442; МС. II, 934.

²⁵¹ См.: *Haller J.* Op. cit. S. 155.

²⁵² МС. II, 934.

²⁵³ Истории этой миссии посвящена следующая глава.

смуту, в дело попытались вмешаться городской совет и епископ Базеля. Перед воротами кафедрального собора, в котором проходили заседания, собирались толпы жителей, просивших депутатов не осквернять их город схизмой и под прикрытием унии с православными греками не сеять раздор среди самих католиков. Но ничего не помогло. На генеральной сессии 7 мая 1437 г. компромисс так и не получился. Представители обеих партий, заглушая один другого, одновременно зачитали два разных декрета²⁵⁴. Первый из них, принадлежавший большинству, узаконивал итоги голосования в пользу Авиньона и провозглашал этот город местом проведения вселенского униатского собора. Декрет меньшинства провозглашал таким местом Италию (в нем были указаны два вероятных города – Флоренция и Удина)²⁵⁵. Раскол, который назревал в течение нескольких месяцев, отныне становился фактом.

Президент собора Чезарини, симпатизировавший меньшинству, отказался скреплять печатью оба декрета, и между партиями разгорелась борьба за право обладать ею. После ожесточенных споров решено было создать арбитражную комиссию из трех человек, которая в итоге вынесла решение в пользу большинства. Соответствующий декрет был немедленно скреплен печатью и срочно отправлен в Авиньон, где его с нетерпением ждали. Казалось, это была победа конциляристов. Однако борьба уже не знала никаких правовых рамок. Печать собора, хранившаяся в доме Чезарини, ночью была похищена. В результате и второй декрет принял законный вид. Отныне существовало два взаимоисключающих декрета, и теперь многое зависело от того, который из них будет первым доставлен в Константинополь.

Заканчивая обзор событий, необходимо еще раз указать на ту дестабилизирующую роль, которую сыграл византийский вопрос на Западе, став инструментом борьбы соперничавших латинских партий в Базеле. Решающее значение при этом имели не какие-то религиозные мотивы, поскольку основной спектр противоречий, как это хорошо видно, сфокусировался на проблеме размещения

---

²⁵⁴ МС. II, 966–967.

²⁵⁵ Тексты обоих декретов см.: COD, 510–512

униатского собора. От способа ее разрешения зависело, под чьим влиянием он окажется – папы или его идеологических противников от конциляризма. Но, как выясняется, указанное расхождение дополнилось противоречиями по международной линии. Этому способствовала уже сама структурная организация собора, разделенного на национальные фракции. Сплоченная позиция французской нации в вопросе о размещении униатского собора в Авиньоне была очень сильно обусловлена национальными амбициями, находящими явную симпатию у французского короля. Приверженность этой партии конциляризму имела, таким образом, в значительной степени политическую подоплеку. Как результат, на противоположном полюсе произошла консолидация итальянцев, не только опиравшихся на сочувствие папы, но и имевших выгодную возможность спекулировать мнением греков. Остается сказать, что сами византийцы своим поведением менее всего способствовали развитию кризиса, который имел исключительно западные корни.

2.2.4. Латинские посольства и борьба в Константинополе (1437–1438)

Раскол на Западе, повлекший за собой открытое противостояние между папой и Базельским собором, от которого отделилась и встала на сторону первого так называемая «*pars sanior*», стал началом нового этапа борьбы, получившей свое продолжение в самой византийской столице. Обе стороны, действуя независимо друг от друга, отправили свои посольства в Константинополь. История этих миссий и связанных с ними событий позволяет выявить ряд немаловажных аспектов нашего исследования, тем более что недостатка в источниках, посвященных этой проблеме, нет. Особенно это касается базельского посольства (несколько слов о нем уже было сказано в предыдущей главе). Обширный пласт документов, весьма подробно отражающих его историю, был опубликован в т. 5 «*Concilium Basiliense*» под редакцией Г. Бекмана²⁵⁶. Богатая дипломатическая переписка, дополненная обстоятельным

---

²⁵⁶ См. сноску 22 на с. 12. Этой теме посвящено несколько работ, но ни одну из них нельзя назвать исчерпывающей – см.: *Mugnier M.* L'expédition du concile de Bâle a Constantinople pour l'union de l'église Grecque a l'église Latine (1437–1438) //

отчетом самих участников, дает возможность проследить ее развитие от начала до конца. Имеется достаточная документальная база, посвященная и папскому посольству²⁵⁷. На основе имеющихся материалов можно восстановить относительно полную и содержательную картину событий.

Вопрос об очередной экспедиции в Византию, которая доставила бы на Запад православную делегацию, был поставлен на Базельском соборе задолго до описанных выше событий 7 мая 1437 г., положивших начало расколу. Еще в ноябре 1436 г. послы герцога Амадея Савойского сообщили депутатам о его готовности предоставить в их распоряжение морскую флотилию (четыре галеры), а во главе нее поставить знатного кондотьера по имени Никод де Ментон²⁵⁸. Последний спустя три дня лично предстал перед собором и предложил ему свои услуги. 18 ноября с ним был заключен официальный договор, в ознаменование которого Никод получил церковный штандарт и жезл адмирала. Отныне на него возлагалась обязанность снарядить флот, нанять экипаж, нанебовать 300 лучников – одним словом, обеспечить техническую сторону дела. На все это ему обещали 30 тысяч 800 дукатов. Из этой суммы реально были доступны пока лишь 6 тысяч, которые согласился авансировать Авиньон.

Таким образом, первые шаги были сделаны еще до голосования 5 декабря, после которого у города появилась реальная перспектива стать местом созыва униатского собора. На удивление быстро состоявшееся избрание Никода капитаном и первый денежный

ВНPh. 1892. Bd. 32. P. 335–350; *Zlocisti J.* Die Gesandtschaft des Basler Konzils nach Avignon und Konstantinopel (1437–1438). Halle, 1908 (в этой работе крайне недостаточно освещены события, связанные с пребыванием Базельского посольства в Константинополе); *Cohn W.* Die Basler Konzilsflotte des Jahres 1437 // *Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde*. 1913. Bd. 12. S. 16–52 (в работе рассматриваются преимущественно технические аспекты посольства, связанные с вопросами навигации).

²⁵⁷ См. доклад французского епископа о посольстве в Константинополь, представленный им после возвращения к папе 1 марта 1438 г. в Ферраре: *Relatio Petri episcopi Dignensis, redeuntis de Constantinopoli (1438 mart. 1 Ferrariae)* // *Cecconi, DLXVI–DLXXXVIII* (далее – *Rel. ep. Dign.*).

²⁵⁸ См.: *Cohn W.* *Op. cit.* S. 22–23. О биографии Никода де Ментона см. S. 24–27.

взнос, возможно, должны были подготовить почву к тому, чтобы авиньонский проект состоялся. Как уже говорилось, после 5 декабря между Авиньоном и Базелем возникли взаимные обязательства. Авиньон должен был предоставить 70 тысяч дукатов на организацию вселенского собора, а в качестве источников погашения займа ему были обещаны доходы от продажи специальных индульгенций и десятая часть доходов церкви во Франции и в соседних областях²⁵⁹. Когда эти меры были санкционированы французским королем, от Авиньона начали требовать реальной выплаты денег. От того, насколько быстро удалось бы решить этот вопрос, напрямую зависели сроки отправки посольства в Константинополь.

Состав миссии был утвержден в середине февраля 1437 г. В нее вошли епископы Любека (Германия), Пармы (Италия), Лозанны (Франция) и Визеу (Португалия)²⁶⁰. Обращает на себя внимание уже тот факт, что все четыре участника имели высокий духовный чин. Не был случайным и их подбор по национальному признаку – по одному депутату от каждой нации, представленной на Базельском соборе (германской, итальянской, французской и испанской). Наиболее влиятельным и фактически руководящим лицом делегации был епископ Любека, активно выступавший за перенос собора в Авиньон. Однако ему, а также епископу Пармскому позднее пришлось прервать путешествие.

Посольству отнюдь не сразу предстояла прямая дорога в Константинополь. Прежде надлежало отправиться в Авиньон и оставаться там до тех пор, пока город, претендующий на то, чтобы стать местом проведения вселенского собора, не выплатит всю сумму, установленную для этого мероприятия. Посольский мандат²⁶¹ предусматривал попутное решение и других задач. Послы должны были,

---

²⁵⁹ По проблеме авиньонского займа и связанных с этим финансовых отношений между Авиньоном и Базельским собором имеется специальное исследование – см.: *Labande L.-H. Projet de translation du concile de Bâle en Avignon pour la réunion des églises grecque et latine // Annales de Société d'études provençales. 1904. T. 1. P. 10–24, 39–54, 189–200.*

²⁶⁰ МС. II, 935. Краткую информацию о личности каждого из делегатов см.: *Cohn W. Op. cit. S. 20–22.*

²⁶¹ Текст этого мандата со всеми инструкциями посольству см.: СВ. V, 185–205.

например, нанести визиты герцогу Савойи, королям Франции и Арагона, обмениваться посланиями с целым рядом городов, чтобы всячески пропагандировать цель своей миссии и в целом политику, проводимую Базельским собором в вопросе о грехах. Коронованных особ неизменно просили о двух вещах: во-первых, оказать давление на папу, добиться его согласия приехать в Авиньон; во-вторых, личным обращением убедить в том же византийского императора. Для этой цели в запасе был набор соответствующих аргументов. В случае правильного решения византийцам обещали самое благожелательное отношение и покровительство со стороны светских правителей Европы от имени трех наций – французской, германской и испанской (*nationes Gallicana, Germanica et Ispanica*). Таким образом, последняя нация, представленная в Базеле, итальянская, была им жестко противопоставлена. Инициаторы посольства в своих прокламациях убеждали греков, что Италия в настоящий момент подвержена войнам и раздорам и что даже в самой вотчине св. Петра нет спокойствия и потому желанной помощи и сочувствия греки там не получают. Напротив, «заальпийские» страны преподносились как очаг мира и стабильности²⁶². В Базеле и Авиньоне, по заверениям собора, греки находились бы под покровительством королей Франции, Кастилии, Сицилии и Арагона, от которых в результате могли бы получить помощь и деньгами, и войском²⁶³.

Внушаемая мысль о якобы прочном альянсе трех наций (французской, германской и испанской), конечно, не вполне соответствовала действительности. Единство заключалось в нежелании их представителей переносить собор в Италию. Но авиньонский вариант устраивал тоже не всех. С ним, как уже известно, не соглашался

---

²⁶² CB. V, 190 (см. сноску 261): *Item quia aliunde succursum, iuvamen et auxilium ipsi Graeci hodiernis temporis... non poterunt habere, quam a nationibus Gallicana, Germanica et Yspanica...*; Ibid. S. 197: *...hodie natio Italica est guerris et tribulationibus submissa... hodie autem nec in Gallis nisi modicum, in Germaniis et Ispaniis nichil est quoad guerras et tribulationes...*

²⁶³ Ibid, 187 (см. сноску 261): *...omnia commoda et utilitates ipsarum civitatum enarando ad longum notificando vicinitatem principum regis Francie, Cicilie, Ispanie et Aragonum... a quibus omnibus succursum et iuvamen in eventum? quo ipsi Graeci indigerent possent et in pecuniis et gentibus habere.*

император Сигизмунд. Однако в Базеле не видели в этом непреодолимого препятствия. Собор специально просил французского короля написать как самому императору, так и германским князьям и австрийскому герцогу Альбрехту Габсбургу, чтобы убедить их всех принять данный проект²⁶⁴. Ко всему сказанному остается добавить, что базельское посольство увозило с собой как минимум четырнадцать охранно-пропускных грамот (*salvi conducti*) от имени наиболее значимых европейских монархов и городов. По распоряжению собора они поступали в его распоряжение еще в течение предыдущего года. Одним словом, посольство, аккредитованное собором, скорее выполняло функцию общеевропейского представительства или вполне могло претендовать на это. По крайней мере, у той делегации, которую позже отправит папа, прав на эту роль было несоизмеримо меньше.

Начиная с 25 февраля 1437 г. послы один за другим стали выезжать из Базеля в Авиньон²⁶⁵. Никто не предполагал, сколь долгим окажется их пребывание в этом городе, от которого с нетерпением ждали выполнения взятых на себя финансовых обязательств. Сделав сначала запланированную остановку у герцога Савойского²⁶⁶, а затем в Лионе²⁶⁷, 16 марта посольство вступило в Авиньон²⁶⁸. Однако здесь выяснилось, что в городе отсутствует человек, без которого нельзя вести дела, — папский легат в Авиньоне, кардинал де Фуа. Последний активно содействовал реализации авиньонского проекта в связи с униатским собором, но в тот момент как раз находился у короля, и его возвращения ожидали со дня на день. Послы не стали терять время и сами отправились ко двору, находившемуся в Монпелье. По пути они встретили возвращавшегося кардинала, но решили не прерывать путешествие и 21 марта были приняты французским монархом. Карл VII удовлетворил все их просьбы: пообещал написать папе и византийскому императору, подтвердил свое согласие на продажу индульгенций, как и на сбор

---

²⁶⁴ МС. II, 940.

²⁶⁵ CB. V, 189 (см. сноску 261); *Zlocisti J.* Op. cit. S. 7.

²⁶⁶ Rel. amb., 277.

²⁶⁷ Ibid. 278.

²⁶⁸ Ibid. 282.

десятины с клира в королевстве для обеспечения Авиньону финансовых гарантий²⁶⁹. С этим ответом послы через несколько дней вернулись в Авиньон.

27 марта в главной церкви города состоялось собрание его граждан²⁷⁰. Епископы Любека и Пармы на латыни, а затем епископ Лозанны на французском изложили суть своей миссии, конечной целью которой был Константинополь, и призвали горожан выполнить свои обещания перед Базельским собором относительно денег. В помощь послам прибыли также два эмиссара от короля. Авиньонцам показали постановления собора, гарантировавшие им на уже известных условиях полный возврат займа, и попросили дать ответ не позднее следующего дня. Но за это время в настроениях горожан были посеяны сомнения. В Авиньон явились два папских посланника. Первый из них сразу же проследовал к королю, а второй завязал переговоры с членами городского совета. Целью обоих было не допустить успешного развития отношений между Базелем и Авиньоном, граждан которого надо было убедить в безосновательности их надежд принять у себя вселенский собор. Через своих агентов папа предостерегал авиньонцев от напрасной траты денег. Ссылаясь на византийских послов (Иоанна и Мануила Дисипатов. – *Н. П.*), понтифик уверял, что греки не поедут в их город²⁷¹. Его предупреждения вынудили городские власти лишь ужесточить свою позицию по вопросу о гарантиях под предоставляемый кредит. Так, они попросили, чтобы в случае карающих санкций со стороны папы они могли твердо надеяться на покровительство Базельского собора. Послы охотно им это обещали и заверили, что в подобной ситуации городу гарантирована и поддержка светских государей²⁷².

Но решение вопроса вновь откладывалось. Распространился слух (возможно, не без помощи папских эмиссаров), будто городская казна вообще не располагает нужной суммой. Чтобы доказать обратное, власти распорядились выставить в здании городского со-

²⁶⁹ См.: Rel. amb., 282–284; *Zlocisti J.* Op. cit. S. 9.

²⁷⁰ Ibid. 285.

²⁷¹ Ibid. 286.

²⁷² Ibid. 289.

вета большое количество различных материальных ценностей и продемонстрировать их послам. Те, убедившись в платежеспособности города, в крайнем раздражении заявили, что им нужны не визуальные, а реальные деньги²⁷³. Авиньонцы, в свою очередь, ответили новыми условиями. Теперь они требовали заранее назначить порт, в который надлежало доставить восточную делегацию. Затем они изъявили желание доверить деньги двум коммерческим агентам, которые отправились бы вместе с посольством в Константинополь и совершили бы выплату только в том случае, если бы греки согласились поехать в Авиньон. Базельцы сочли эти требования излишними. Никто не мог поручиться, что купцы, пользуясь данной им властью, не найдут других поводов, чтобы не выдавать деньги. Что же касается порта, то его уполномочен был назначить собор после исполнения Авиньоном своих обязательств²⁷⁴.

Послы предупреждали власти, что дальше медлить нельзя: если до 11 апреля в Базеле не получат подтверждения тому, что город начал выплачивать деньги, то там вправе будут назначить для вселенского собора другое место. 5 апреля 1437 г. городской совет наконец распорядился выдать 24 тыс. 800 дукатов и выписать официальное поручительство еще на 39 тыс. 200, т. е. на всю оставшуюся по договору сумму²⁷⁵. Цель, таким образом, была достигнута. Однако слишком поздно. Известие об этом поступило в Базель только 14 апреля, спустя пять дней после условленного срока. Это дало повод папалистам объявить сделку с Авиньоном недействительной и потребовать назначения новых выборов. Их противники доказывали, что нет смысла останавливать уже запущенный процесс. Ожесточенные баталии завершились известным расколом на злополучной сессии 7 мая 1437 г.

В том, что Авиньон, несмотря на трудные переговоры и происки папской дипломатии, в конце концов все-таки начал выплачивать деньги, была несомненная заслуга французского короля. Еще 5 апреля монарх писал авиньонцам, призывая их как можно скорее

---

²⁷³ Rel. amb., 292.

²⁷⁴ Ibid. 287–288.

²⁷⁵ Ibid. 294

выплатить всю причитающуюся собору сумму: «Знайте же, что ваша медлительность способна нанести такой вред великому и славному делу, что по вашей вине, возможно, будет принижено и оскорблено достоинство французской церкви»²⁷⁶. То, что авиньонцы, собирая средства на вселенский собор, содействовали этим репутации не католической церкви вообще, а именно французской церкви, весьма показательно. Когда письмо было отправлено, дело уже сдвинулось с мертвой точки, и 6 апреля послы обратились к монарху с благодарственным посланием, в котором писали: «За наилучшее содействие в деле переговоров между собором и гражданами Авиньона, оказанного как благодаря письмам, так и посланникам вашим, и силою которого эти переговоры, как мы полагаем, подошли к успешному концу, хотя и не по достоинству, но по мере сил наших, выражаем признательность Вашему Величеству»²⁷⁷.

Правда, визит ко двору пришлось повторить еще раз. Карл VII, санкционируя наложение специальной десятины на клир, сделал исключение для некоторых прелатов и наиболее бедных церквей, пострадавших от войны (Столетняя война, как известно, еще продолжалась)²⁷⁸. Авиньонцы посчитали это нарушением своих условий и потребовали, чтобы послы убедили короля отменить данное распоряжение. Епископы Любека и Визеу отправились в Монпелье и 17 апреля снова были приняты монархом. Здесь им пришлось опровергать многочисленные слухи о том, будто собор уже отзывал свое посольство, что из-за недостатка верных ему прелатов авторитет его сильно упал и что в Базеле намерены назначить

---

²⁷⁶ *Karolus VII. Epistola ad civitatem Avinionem* (1437, apr. 5 Montpellier) // CB. V, 215: Scitis namque, quod dilatio vestra causa posset omnimodam huiusmodi tam magni et inacstimabilis boni rupturam, quod cederet in vestrum onus maximum ac depressionem et detrimentum honoris ecclesiae Gallicanae.

²⁷⁷ Brief der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils an König Karl von Frankreich // CB. V, 216: Pro illa optima vestrae regalis serenitatis promotione negotiorum sacri concilii apud cives Avinionenses tam per litteras quam per nuntios vestros laudabiliter facta, cuius vigore haec negotia arbitramur promota efficaciter extitisse, referimus eidem serenitati vestrae si non condignas, tamen possibiles gratiarum actiones.

²⁷⁸ См. письмо архиепископа Крита из Монпелье епископу Тарента в Базель от 31 мая 1437 г.: CB. I, 456.

вместо Авиньона другой город. На встрече с членами королевского совета послы категорически все это опровергли. Не согласились они и с тем, что якобы в установленный срок ничего не сообщили собору о получении денег от Авиньона²⁷⁹, хотя должны были понимать, что их письмо от 5 апреля с соответствующим уведомлением не могло прийти вовремя. Что же касается недостаточного количества прелатов, то здесь, возможно, действительно назревала проблема: послы настоятельно просили короля подыскать образованных теологов для участия в униатском соборе²⁸⁰.

Таким образом, налицо были результаты деятельности сторонников курии, пытавшихся убедить французский двор в несостоятельности авиньонского проекта по вопросу о вселенском соборе. Как раз в эти дни в Монпелье с этой целью находился один из них – архиепископ Крита. Но ему не удалось разубедить короля. По приказу последнего 21 апреля в городе отслужили торжественную мессу во имя возвращения греков в лоно католической церкви и в торжественной обстановке огласили указ о выпуске индульгенций²⁸¹. 24 апреля за подписью короля вышло несколько писем, адресованных Базельскому собору, королевским послам, находившимся там, и гражданам Авиньона. В первом послании Карл VII подтверждал, что Авиньон как нельзя лучше подходит для проведения греко-латинского собора, обещал всячески содействовать этому и просил депутатов как можно скорее издать соответствующий декрет²⁸². Своих представителей в Базеле король призывал позаботиться о том, чтобы вместо Авиньона ни в коем случае не был выбран другой город²⁸³. Наконец, самим авиньонцам король

---

²⁷⁹ Rel. amb., 290.

²⁸⁰ Ibid. 291. Возможно, собор уже предвидел дефицит профессиональных теологов в случае разрыва с папой.

²⁸¹ Ibid. 293.

²⁸² *Karolus VII. Epistola ad concilium Basiliensem* (1437 apr. 24 Montpellier) // CB. V, 223–224: Est enim locum ille Avinionensis ad hoc aptus et habilis... interponemus favores et auxilia oportuna dabimus eandemque conditionem sacrosanctam fovere, protegere et conservare... Rogamus igitur... super electione praedicta decretum vestrum irrevocabile conficere et publicare incunctanter velitis.

²⁸³ CB. V, 233, anm. 1.

также обещал пойти навстречу и скорректировать свои распоряжения о десятине в желательной для них форме²⁸⁴.

Успешно завершив дела, 26 апреля оба епископа вернулись в Авиньон²⁸⁵. Оставалось лишь дожидаться, пока в Базеле примут декрет, официально провозглашающий этот город местом проведения вселенского собора, чтобы после этого потребовать от него остальной денежной суммы. Делать это раньше городские власти отказывались. 8 мая 1437 г. ожидаемый декрет, принятый накануне от имени большинства, был отправлен из Базеля в Авиньон. К нему было приложено обращение французской нации, в котором авиньонцев призывали всеми силами ускорить отправку кораблей в Константинополь и обещали громкую славу, которая ожидает их город, если это дело будет доведено до счастливого конца²⁸⁶. 15 мая декрет поступил в Авиньон. Но здесь его отказались признать, так как на нем отсутствовала печать (как известно, вопрос о том, какая из партий должна обладать печатью, решался в Базеле еще целую неделю после сессии)²⁸⁷. К тому же практически сразу стало известно и то, что другой частью собора принят свой декрет. И напрасно епископы убеждали, что последний, принятый меньшинством, законной силы не имеет. Авиньонцы остались непреклонны.

28 мая из Базеля явились два эмиссара, которые доставили декрет, на этот раз с печатью. Они же предупредили, что если в течение 12 дней с момента их прибытия оставшиеся деньги не будут выплачены, то все переговоры будут свернуты. Впрочем, авиньонцев с самого начала подобные предостережения не слишком тревожили. Между тем 30 мая из Италии прибыл человек, которого город, как оказалось, посылал туда, чтобы еще раз проверить мнение папы. Однако понтифик, как и прежде, отговаривал авиньонцев от

---

²⁸⁴ Karolus VII. Epistola ad civitatem Avinionem (1437 apr. Montpellier) // CB. V, 225: Laquelle lettre du diziersme avons voluntiers et de bon cuer fait reformer en bonne et souffisante forme.

²⁸⁵ Rel. amb., 291.

²⁸⁶ Epistola nationis Gallicanae ad civitatem Avinionem (1437 maii 8 Basileae) // CB. V, 234–236.

²⁸⁷ Rel. amb., 294: ...non erat eis satisfactum, cum non esset sub plumbo.

их намерений, грозя штрафными санкциями²⁸⁸. Несмотря на это, состоявшееся 31 мая общее собрание граждан, на котором присутствовало до 700 глав семейств, высказалось за положительное решение по вопросу займа²⁸⁹. Возобладало мнение, что лучше потеть деньгами, чем отказаться от начатого²⁹⁰. Но и после этого власти не торопились. 6 июня они высказали новые сомнения. Так, например, они заявили послам, что новая редакция королевского указа о наложении десятины на клир до сих пор ими не получена и, кроме того, что германская нация на Базельском соборе предложила прибегнуть к этому побору только в том случае, если доходы от индульгенций окажутся недостаточными²⁹¹. Но послы уже не могли удовлетворять все новые претензии, и 7 июня городской совет наконец подтвердил решение о выдаче денег. Вслед за этим едва не спутал все карты посол от короля Рене Анжуйского. Поскольку в это время он уже занимал неаполитанский престол, то открыто заявил, что является вассалом папы и намерен защищать его интересы. Так как авиньонцы собирались выделить деньги на проведение греко-латинского собора в своем городе, то поступали не только против папы, но и против нового короля Неаполя²⁹². С его стороны теперь сыпались угрозы. Однако Рене Анжуйский оказался не той политической фигурой, которая могла заставить их изменить свои планы. Хотя угрозы не ограничились только словами. Когда через пару дней на галерах прибыл капитан Никод, толпа каких-то провансальцев, скорее всего подданных анжуйского дома, попыталась преградить ему доступ к причалу. Город

---

²⁸⁸ CB. I, 457 (см. сноски 278): Cum enim pridie reversus fuerit quidem magister in theologia ordinis praedicatorum, quem cives ad dominum noster transmiserant ad excusandum... relatione sua hic facta realiter dixit, dominum nostrum dixisse... ut desisterent ab huiusmodi prosecutione, alias taliter sua sanctitas provideret, quod esset memoria usque ad tertiam eorum generationem.

²⁸⁹ См.: Rel. amb., 297; Labande L.-H. Op. cit. P. 40.

²⁹⁰ CB. I, 457 (см. сноски 278): ...dicunt potius vellent pecuniam istam perdere, quam desistere ab inceptis...

²⁹¹ Rel. amb., 299.

²⁹² CB. I, 457 (см. сноски 278); Rel. amb., 301: ...qua a domino nostro papae tenebatur in feudum regimen suum Ceciliae, ipse dominus praefato domino nostro papae obligatus erat eumque sustinere et defendere debebat...

находился на грани беспорядков²⁹³. Вместо того чтобы выдать посольству последнюю сумму – как раз истекал последний срок, – властям пришлось наводить порядок. И только 12 июня 1437 г. деньги наконец были выплачены²⁹⁴.

Таким образом, хотя и с опозданием, Авиньон все же выполнил свои обязательства, что формально давало ему право принять в своих стенах вселенский собор. Этот проект стоил городу немалого напряжения сил. Чтобы изыскать деньги, пришлось прибегнуть к экстраординарным мерам. На всех граждан и домовладельцев был наложен специальный налог, который собирали в церковных приходах. Часть необходимой суммы была предоставлена внешними кредиторами²⁹⁵. Практически сразу после получения денег началась процедура погашения займа. С санкции Базельского собора специально назначенные сборщики производили взимание десятины с духовного сословия и продавали индульгенции, доходы от которых поступали в городскую казну. После событий 7 мая 1437 г., расколовших католическую церковь, многие клирики отказывались платить, в связи с чем в Базеле издали буллу, которая еще раз подтверждала законность десятины. В конце концов, по данным французского историка Лабанда, город все же сумел вернуть всю одолженную сумму²⁹⁶.

Базельское посольство выполнило первую часть своей миссии, затратив на это почти четыре месяца. Возможно, по этой причине пришлось отменить ранее назначенный визит к арагонскому королю Альфонсу V. Собор ограничился письменным посланием к монарху, которое было отправлено примерно в середине июля. Поведав королю о всей проделанной работе, касавшейся унии с греками, его просили обеспечить безопасное плавание посольству, а впоследствии и самим грекам, которые, как предполагалось, тем

---

²⁹³ Rel. amb. 301.

²⁹⁴ Ibid. 303.

²⁹⁵ См.: *Labandé L.*-H. Op. cit. P. 42–43.

²⁹⁶ См.: Ibid. S. 48–50. По мнению Лабанда, основным мотивом, побуждавшим авиньонцев изо всех сил стремиться разместить у себя униатский собор, было именно желание вернуть своему городу былой статус, утраченный после того, как он перестал быть резиденцией папы.

же путем должны были проследовать на Запад²⁹⁷. Предупреждая о возможных кознях соперников, депутаты писали: «Если будет Тебе известно о недоброжелателях, препятствующих нашему святому делу, которые намереваются сорвать прибытие греков либо каким-то образом расстроить их договор с собором насчет места, которое должно быть им для этого назначено, то пусть благоразумие Твое послужит на благо церкви, чтобы попытки такого рода не увенчались успехом (ибо уже немало разоблачено лиц, которые настолько враждебно относятся ко всему этому, что дошли до фальсификации писем и постановлений собора»²⁹⁸. Как видно, правителя Арагона в Базеле рассматривали как союзника и надеялись, что его представители, находящиеся там, впоследствии явятся к месту проведения униатского собора.

Сами послы еще несколько недель оставались в Авиньоне, поставив в известность о благополучном завершении дел Базельский собор и специально герцога Савойского²⁹⁹. Письмом от 27 июня они сообщали о своей миссии византийскому императору. Поведая о преодоленных ими трудностях, послы писали, что теперь с галерами и всем необходимым, как это предусмотрено договором, они постараются как можно скорее прибыть в Константинополь. «Именем Господа, – говорилось в этом послании, – дело которого движется нашими усилиями, просим Ваше Величество оказать снисхождение нашей медлительности и терпеливо дожидаться нас, сохранив при этом верность договору, предусматривающему,

---

²⁹⁷ Brief des Basler Konzils an den König von Aragon Alfons V // CB. V, 244–245: *Potest autem serenitas tua, rex inclite, felici prosecutioni rerum istarum maximam praestare opem cum te terra et mare potentem effecerit divina miseratio et praesertim in eis regionibus, per quas nostri ad Graeciam incedunt oratores et per quas imperator Romeorum cum suis transiturus est.*

²⁹⁸ Ibid: *Et, si quos huius sanctissimi negotii impeditores conoveris, qui Graecorum ipsorum adventum retardare aut perturbare quaerent vel conventionem eorum cum hac sancta sinodo in altero locorum, ut praemittitur, electorum habendam quomodolibet impedire – multos enim tales deprehendimus, qui huic rei tanto adversati sunt, ut usque ad falsandas litteras et bullas sacri concilii sunt aducti, – det operam tua providentia in subsidium sanctae matris ecclesiae, ut talium conatus minime praevaleant...*

²⁹⁹ Brief der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils an Herzog Amadeus von Savogen (1437 iun. 19 Avignon) // CB. V, 239.

что решение о выборе места под вселенский собор принимается в Базеле; согласно же этому решению собор для успешного заключения унии между нашими церквями должен состояться по ту сторону альпийской гряды – там, куда легко смогут добраться римский император (Сигизмунд. – *Н. П.*) и остальные короли и князья наций, находящихся за Альпами, с той целью, чтобы после заключения унии в помощь Вам и Вашим подданным был созван крестовый поход против нечестивых завоевателей Греции, который без участия вышеупомянутых наций не будет эффективным. Мы не сомневаемся, что если между Вами и этими нациями, по милости Всевышнего, состоится этот священный союз, то непременно вам будет оказана спасительная поддержка, чтобы общими силами мы могли сразиться во славу Христа и ради освобождения его народа»³⁰⁰.

Как видно уже из приведенного фрагмента, послание было весьма своеобразным. Хотя и не было ничего сказано о событиях, которые за это время успели посеять очередную смуту на Западе, из контекста можно было получить представление о том, что ситуация там далека от идеальной. Вновь проскальзывает мысль о противопоставлении Италии, с которой так тесно был связан сам папа, остальным нациям Европы. За приглашением приехать за Альпы скрывались политические игры, о которых авторы письма предпочли умолчать. Непосредственно перед отплытием епископы

---

³⁰⁰ Brief der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils an den byzantinischen Kaiser (1437, 27 iun. Avignon) // CB. V, 240: ...exhortamur in Christo, cuius res agitur, eandem vestram serenitatem, ut moram nostram dignemini benigniter tollerare et nos patienter expectare et in proposito sanctissimo compactatorum huiusmodi firmiter permanere et amplecti conclusionem electionis loci etc. per ipsum sacrum concilium factam, ita quod pro orientalis et occidentalis ecclesiarum unione felici perficienda ycumenicum concilium citra montes celebretur, ubi longe facilius quam alibi gloriosissimus dominus Romanorum imperator ceterique domini reges et principes nationum citramontanarum convenire valeant ad instituendum et ordinandum huiusmodi unione completa salutari contra infideles Graeciae invasores ad vestram et omnium subditorum vestrorum consolationem passagium generale, quod praeter earundem nationum potentatum et succursum fieri posse non ambigitur. Et nec dubitamus, quod, si beata illa unio per gratiam altissimi, veluti speramus, hiis diebus citra montes valeat consumari inter eandem vestram serenitatem et nationes antedictas, mutuo auxilia oportuna ferentur et efficacia invicem iuvamina iugiter militabunt iunctione gratissimorum federum caritatis et amoris ad honorem et gloriam nominis Christi ac eius populi plurimam consolationem.

отправили это письмо с неким геральдом, посланником герцога Савойского³⁰¹. Как выяснится позднее, гонец не доплывет до места назначения, а будет перехвачен венецианцами.

29 июня 1437 г. посольство наконец выехало из Авиньона вместе с капитаном Никодом. Благодаря ему были подготовлены флот и корабельная команда. Через день пути делегация достигла Арля, где их ожидала одна из галер, а 7 июня прибыла в Ниццу³⁰². Путешествие начиналось непросто. Из состава экспедиции успел выйти ее фактический руководитель, епископ Любека. Задержанный сначала императором Сигизмундом, который продолжал настаивать, чтобы местом созыва вселенского собора был Базель или Буда, посол затем вообще отказался от поездки под предлогом болезни³⁰³. Между тем остановка в Ницце, к огромному недовольству послов, растянулась на целый месяц. Понадобилось еще одно судно, чтобы свободно разместить команду наемников³⁰⁴. Задержка явилась поводом для конфликта между епископом Пармским и капитаном, которого он обвинил в недобросовестном исполнении своих обязанностей. Лишь 6 августа флот вышел из Ниццы и через два дня бросил якорь в генуэзском порту. Послы, возможно, надеялись на более теплый прием. Инструкции Базельского собора предписывали им вступить в контакт с властями города, чтобы те написали своим согражданам в Галату и просили бы их при необходимости оказать помощь Константинополю³⁰⁵. Однако генуэзцы допустили в город лишь несколько членов команды и самого капитана, тогда как с послами не пожелали говорить вовсе. Здесь от продолжения поездки отказался еще один член делегации,

---

³⁰¹ CB. V, 241 (см. предыдущую сноску).

³⁰² См.: *Cohn W. Op. cit.* S. 27–28.

³⁰³ См. по этому поводу комментарии Г. Бекмана: CB. V, XXII–XXIII.

³⁰⁴ См.: *Cohn W. Op. cit.* S. 28–29. Не совсем понятно, какова была численность этой команды, если она вообще была. Во всяком случае, в Константинополь базельское посольство приехало без трехсот лучников, которые были предусмотрены договором.

³⁰⁵ Из инструкций Базельского собора своим послам в Константинополь – CB. V, 196: *Item in Ianua visitabitis ducem et communitatem et tradetis litteras nostras causam vestri recessus notificando ac exhortando eosdem, ut velint scribere dare succursum, concilium, auxilium et favorem possibiles civitati Constantinopolitanae...*

епископ Пармский. Поводом стал новый конфликт с капитаном, который не разрешил ему производить досмотр судов³⁰⁶. Таким образом, в посольстве от его первоначального состава осталось два человека – епископы Лозанны и Визеу, которым предстояло выполнить миссию до конца

19 августа флот возобновил плавание, делая частые остановки в попутных гаванях. На этой почве, кстати, не раз возникали разногласия между послами и капитаном, от которого требовали ускорить движение. В первой декаде сентября корабли прошли Мессинский пролив, 28-го причалили к острову Хиос, еще через неделю миновали Тенедос и в первых числах октября вошли в Босфор. Только здесь и обнаружилось, какими неприятными последствиями для дипломатической миссии Базельского собора обернулась потеря времени. К моменту ее прибытия посольство папы уже находилось в Константинополе, опередив своих конкурентов на целый месяц.

То, что партия, которая отстаивала интересы папы, попытается переключить на него переговоры с Востоком, стало очевидно сразу после событий 7 мая 1437 г. Уже спустя две недели представители этой стороны покинули Базель и выехали в Болонью, где располагалась курия. Это были Николай Кузанский, а также епископы Диня (Франция) и Опорто (Португалия)³⁰⁷. Совместно с папой они должны были решить вопрос об экспедиции в Константинополь, изыскать для этого деньги, сформировать флот, нанять 300 лучников, заготовить охранно-пропускные грамоты³⁰⁸ – все в соответствии с договором 1434 г. Но о том, насколько драматично складывалась ситуация, говорит последний пункт посольских инструкций: «Необходимо, чтобы наши представители поторопились с выездом и достигли Константинополя раньше, чем это сделают галеры из Авиньона...»³⁰⁹ Иными словами, гонка между

---

³⁰⁶ Cohn W. Op cit. 32.

³⁰⁷ См.: Leidl A. Die Einheit der Kirchen... S. 48.

³⁰⁸ См. инструкции этому посольству, сформулированные в Базеле руководителями партии меньшинства: СВ. I, 461–463.

³⁰⁹ См.: Ibid: Necessarium est, quod isti oratores nostri sine mora expediantur, ad hoc applicent cicius Constantinopolim, quam galeae de Avinione...

двумя конкурирующими партиями теперь приобретала вполне буквальное значение.

В это же самое время и два византийских посла, Иоанн Дисипат и Мануил Тарханиот, которые до последнего часа наблюдали все происходящее в Базеле, направились к папе. 24 мая на заседании курии Дисипат выступил с речью. Общий смысл ее сводился к тому, что отныне право законного представительства на Базельском соборе осталось за той его частью, которая выступает за проведение вселенского собора в Италии, так как другая его часть без всяких оснований назначила для этой цели Авиньон и уже провалила все сроки, нарушив тем самым условия договора³¹⁰. 29 мая папа ратифицировал декрет меньшинства³¹¹. Началось формирование посольства. Надо заметить, что громадное содействие в этом оказала Венеция, откуда родом был и сам понтифик. В его распоряжение республика предоставила галеры, а капитаном флота был назначен племянник папы, венецианец Антоний Кондульмер³¹². Другой его родственник, Марк Кондульмер, был включен в состав дипломатической миссии. Обращает на себя внимание и следующий факт. Перед тем как вышеупомянутые представители из Базеля отправились к папе, у них уже имелась при себе охранно-пропускная грамота для греков, выданная Венецией. Причем ее надлежало использовать как шаблон для составления других подобных грамот, которые следовало получить от Флоренции, Равенны, Генуи, Римини и самого папы. Речь шла, таким образом, исключительно об итальянских городах, в которых могла остановиться или через которые могла проследовать византийская делегация³¹³. Правда, в июне 1437 г. папа обратился к императору Сигизмунду, королям

---

³¹⁰ *Cecconi*, CCCXXXIII–CCCXXXVII.

³¹¹ См. текст буллы: EP. I, 67–68.

³¹² См. папскую грамоту о его назначении: *Ibid.* 76–77.

³¹³ CB. I, 462 (см. сноску 308): *Portabitis vobiscum saluumconductum Venetorum. Item cum eritis Bononiae... quod habebitis saluumconductum Florentinorum in simili forma, sicut est ille Venetorum... Item quia transituri sunt per aliquas terras ecclesiae, portabitis saluumconductum domini nostri papae in ea forma, sicut est salvusconductus Venetorum. Item saluumconductum domini civitatis Ravennatis et civitatis Ariminensis... Facite ergo, quod... procurarent etiam saluumconductum Januensium...*

Франции, Англии, Португалии с просьбой о выдаче с их стороны таких грамот, но безуспешно³¹⁴.

В составе посольства три человека выступали от имени Базельского собора (как уже говорилось, это были Николай Кузанский с двумя епископами) и еще два участника представляли самого папу – Марк Кондульмер и уже хорошо известный Христофор Гаратони, который к тому времени являлся епископом Корона (опять же венецианской колонии на Пелопоннесе). В этом составе папа и презентовал посольство в письме византийскому императору Иоанну VIII от 15 мая 1437 г.³¹⁵ При этом в число первых трех лиц, представлявших собор, папа включил и Иоанна Рагузанского, заочно отнеся его к своим сторонникам, хотя едва ли мог сомневаться в обратном. Но Иоанн Рагузанский, как известно, находился в полном неведении относительно последних событий на Западе.

26 июля 1437 г. папская делегация на венецианских галерах вышла в море. 15 августа она достигла Крита. Здесь флот разделся. Одна из галер с большей частью посольства через четыре дня продолжила путь. Марк Кондульмер и Николай Кузанский задержались на несколько недель, чтобы собрать команду из трехсот лучников³¹⁶. Первая же группа 3 сентября достигла Константинополя. То, что дальше происходило в византийской столице, сами современники расценивали не иначе, как откровенный позор, которым покрыла себя латинская церковь перед лицом восточных христиан.

Два вышеупомянутых епископа из Базеля, Христофор Гаратони с сопровождавшими их лицами и византийский посол Иоанн Дисипат сошли на берег. Весть об их прибытии мгновенно разлетелась по городу. Иоанн Рагузанский одним из первых поспешил на встречу. Делегаты представились как от лица папы, так и от собора. Доминиканцу было конечно же приятно услышать, что между ними достигнуто согласие. Однако он обратил внимание на то, что верительные грамоты выписаны только от имени пон-

---

³¹⁴ EP. I, 69–71.

³¹⁵ Ibid. 81–82.

³¹⁶ Relatio ep. Dign., DLXVIII–DLXIX.

тифика³¹⁷. На это ему ответили, что из-за спешки не все сделано по форме, поэтому письмо императору и патриарху тоже подписано одним лишь папой. Такого рода объяснения немало удивили посла, искушенного в формальных тонкостях дипломатии. Он начал было расспрашивать о галерах, которые, по слухам, должны были прийти из Авиньона. Делегаты ответили, что Авиньон не выполнил своих обязательств в отведенный для этого срок, не предоставил вовремя ни денег, ни кораблей и что вообще этот вариант в самом начале был опротестован византийским послом, поэтому теперь вселенский собор должен состояться в Италии. Иоанн Рагузанский поинтересовался, исходит ли новое назначение от всего собора, и если нет, то от большей или меньшей его части. Уклоняясь от прямого ответа, ему объяснили, что в этом деле имеет значение не численность, а правомочность той партии, которую представляет прибывшее посольство. Что же касается кораблей из Авиньона, то Иоанна заверили – ждать их бессмысленно. Доминиканцу ничего не оставалось, как поверить в искренность всего сказанного. Примерно так же обстояло дело на официальной аудиенции у императора. Послы старательно обошли вопрос о новом расколе в западной церкви.

Так продолжалось до тех пор, пока 4 октября не появилась авиньонская эскадра, над которой развевался флаг Базельского собора. Завидев ее, капитан папской флотилии Антоний Кондульмер призвал свою корабельную команду к оружию, чтобы не допустить конкурентов в гавань. То же самое он предложил сделать экипажу стоявшей на рейде флорентийской галеры. Когда ее владельцу сказали, что перед ними их общий враг, тот ответил, что их общим с Венецией врагом является миланский герцог, но никак не церковь. Кондульмер начал было убеждать его, что корабли и принадлежат Милану, однако флорентиец показал на штандарт церковного собора, после чего поспешил увести свое судно в Галату³¹⁸. Тем временем авиньонские галеры, предупрежденные об агрессивных намерениях соперников, остановились в шести милях от берега.

---

³¹⁷ Joh. Rag. Relatio, DVII.

³¹⁸ Ibid. DXII.

Несколько греков, поднявшись на борт, попросили их не двигаться дальше. Капитан Никод ответил, что им некого бояться, что в случае нападения они способны защитить себя. Его уверенность подкреплялась тем, что из Галаты прибыли гонцы, предложившие от имени генуэзской колонии в качестве помощи один корабль и пятьсот лучников. Одним словом, конфликт грозил обернуться настоящим побоищем. Византийцы могли наблюдать поистине беспрецедентную картину: два посольства, которые должны были доставить их на вселенский собор, готовы были в буквальном смысле драться за это право прямо в константинопольской гавани. Чтобы не допустить столкновения, понадобилось вмешательство императора, который отправил приказ Антонию Кондульмеру немедленно разоружиться и пропустить новое посольство. Командир эскадры сослался на распоряжение папы уничтожить авиньонскую флотилию, где бы ее ни встретил³¹⁹. О существовании такого приказа пишут и участники базельской делегации, но исходил он, по их убеждению, не от папы, а от правительства Венеции³²⁰. Так скорее всего и было. В инструкциях понтифика нет и намека на возможность подобных действий. А на дерзкую реплику Кондульмера греки ответили, что в любом другом месте он может выполнять такие приказы, но на своей территории император никому не позволит устраивать войны³²¹. Компромисс наконец был достигнут. Базельское посольство, встретив особые почести со стороны населения Галаты, вошло в гавань и сошло на берег³²².

Нетрудно заметить, что в основе всех этих событий лежит политическое соперничество. Эскадра, посланная папой, находилась под явным патронажем венецианцев. Их традиционные соперники, генуэзцы из Галаты, по-видимому, хорошо понимали это, когда предлагали капитану Никоду свою помощь против них. Когда же предводитель папской флотилии Антоний Кондульмер

---

³¹⁹ Syropulos III, 12.

³²⁰ Rel. amb., 311: Interim autem a fide dignis perceperant capitaneum ipsarum galearum venetorum publice dixisse habere in mandatis a Communitate sua, ubicumque galeas sacri Concilii inveniret, illas, si posset invadere.

³²¹ Syropulos III, 14.

³²² Rel. amb., 312.

в разговоре с флорентийским капитаном заметил, что прибывшие галеры принадлежат их общему врагу, герцогу Миланскому, то и в этом была доля истины. Последний был против проведения униатского собора во Флоренции и, следовательно, имел прямое отношение к базельскому посольству. Флорентиец же, скорее всего из частных интересов, не стал вмешиваться в конфликт, предпочтя найти убежище от венецианского кондотьера в той же Галате. Ее жители приветствовали базельскую эскадру, словно речь шла об их союзниках. Эти события в очередной раз продемонстрировали полное отсутствие собственно византийского контроля над морем.

Прибытие базельского посольства резко изменило ситуацию. Конкуренты встретились лицом к лицу прямо в Константинополе. Все то, что до сих пор делегаты с Запада скрывали от греков, теперь моментально предстало перед ними в самом неприглядном свете. Отныне бессмысленно было скрывать или преуменьшать тот факт, что папе и его сторонникам противостоит основная часть Базельского собора и что эти две партии так и не сумели прийти к общему решению. Византийцы были обескуражены всем произошедшим. То же самое испытал Иоанн Рагузанский, для которого раскрывшийся обман стал не менее сильным потрясением. Но если он немедленно отождествил себя с базельским посольством, то для византийцев выбор происходил не так легко. Ранее они требовали, чтобы на Западе, прежде чем созывать вселенский собор, собственными силами были решены внутренние разногласия. Теперь же им предстояло иметь дело с двумя разными делегациями, из которых одна исключала законность второй. Ситуация дошла до абсурда: стоял вопрос о том, на чьи галеры вообще следует садиться. Источники позволяют воссоздать атмосферу тяжелых, мучительных раздумий, в которой принималось решение. Но и после этого сомнения не покидали греков на всем пути их следования на Запад.

5 октября, на следующий день после приезда, базельское посольство получило аудиенцию у императора в присутствии его брата Константина и группы сановников³²³. Епископы Лозанны и Визеу передали письма от Базельского собора. Капитан Никод

---

³²³ Rel. amb., 312–313.

одновременно выполнял функции посланника герцога Савойского, а его коллега Пьер де Фуа представлял французского короля. Оба передали послания от своих монархов³²⁴. Императору дали понять, что прибывшие прежде епископы вместе с Николаем Кузанским не являются законными послами Базельского собора, за которых себя выдают, а их верительные грамоты фальшивые. Надо сказать, что в сравнении с ними базельское посольство действительно выглядело гораздо более достойно. Оно предъявило императору его собственный хрисовул от 1434 г. и целый пакет документов, имевших отношение к переговорам всех предшествующих лет. Из них самым важным являлся декрет от 7 мая 1437 г., который предлагал грекам приехать в Базель, Авиньон или Савойю. В пику своим соперникам базельцы уверяли византийского монарха в том, что бессмысленно ехать во Флоренцию. Следуя инструкциям, дипломаты доказывали, что делегации трех главных наций Базельского собора проигнорируют конгресс в Италии³²⁵.

С особым усердием приводился довод о том, что за Базельским собором стоят самые влиятельные политические фигуры Запада³²⁶. По свидетельству папского посла, базельцы предупреждали императора, что все светские князья, от которых были доставлены письма и грамоты, будут против него, если он не поедет в одно из предложенных ему мест. В этом случае они грозили лишить его самой возможности устроить вселенский собор. Зато в случае согласия помощь в борьбе с турками была обещана³²⁷. Зная о том, какое значение имела для греков позиция папы, базельцы показали императору папскую буллу от 1434 г., в которой понтифик ратифицировал декрет «*Sicut pia mater*». Она была представлена как доказательство того, что все постановления собора в отношении греков папа не имеет права отменять.

---

³²⁴ См. перечень документов, находившихся в распоряжении базельского посольства: CB, V, 357–362.

³²⁵ Rel. amb., 314: ...*quoniam illuc ire non esset aliud nisi vacuus et sine fructu redire, quoniam illuc nunquam accederent nationes Germanica, Hispanica, Gallicana nec etiam tota Italia...*

³²⁶ Ibid, 315: ...*quamplurimi reges et principes hanc rem effectui mancipari cuperent.*

³²⁷ Rel. ep. Dign., DLXXVII.

Однако бессмысленно было ссылаться на факты трехлетней давности, когда византийцы видели, что в настоящий момент мнения папы и собора разошлись окончательно. Поэтому послы предъявили императору документы, свидетельствующие о начале в Базеле процессе против понтифика. К этому они добавили, что если греки поедут на папских галерах, то папа, возможно, будет смещен еще до их прибытия либо будет лишен права созывать вселенский собор в Италии³²⁸. О том, что имели место заявления подобного рода, сообщают папские дипломаты. По свидетельству одного из участников папской делегации, португальского клирика Родриго де Диего, базельцы якобы сказали грекам, что папой уже стал герцог Амадей Савойский, в родстве и дружбе с которым находились короли Франции и Кипра, герцоги Бургундский³²⁹ и Миланский. И все они якобы были готовы оказывать помощь в борьбе против турок³³⁰. Как известно, Базельский собор провозгласил герцога Савойского папой спустя несколько месяцев после того, как письмо вышеупомянутого автора было отправлено из Константинополя. Это может свидетельствовать о высокой степени его осведомленности. Не исключено, что в Базеле уже считали возможным такой вариант развития событий на тот случай, если бы греки

---

³²⁸ Rel. ep. Dign., DLXXVII: *Preterea ostenderunt sibi litteram monitorii facti contra dominum nostrum, subiungentes quod, si in galeis papae venirent, frustraretur intento suo, quoniam Papa vel esset depositus antequam veniret, vel non haberet potestatem dandi sibi ycumenicum Concilium in Italia.*

³²⁹ Герцог Бургундии Филипп Красивый в это время еще колебался между Базельским собором и курией. Его позиция определилась к концу осени 1438 г.: герцог стал союзником папы и отправил посольство в Феррару – см.: *Hehmrath J.* Die lateinischen Teilnehmer des Konzils von Ferrara/Florenz // АНС. 1990. Bd. 22. S. 177; *Meuthen E.* Eugen IV., Ferrara-Florenz und der lateinische Westen // Ibid. S. 227; см. также: *Toussaint J.* Les Relations diplomatiques de Philippe le Bon avec le concile de Bâle (1431–1449). Louvain, 1942.

³³⁰ Из письма одного из участников папского посольства на Запад – см.: *Hofmann G.* Rodrigo de Diego, Dekan von Braga // ОЧНП. 1943. Vol. 9. P. 183: *Item, quod dux Sabaudiae erat Papa; qui quidem dux habebat magnam consaguinitatem cum rege Franciae et duce Burgundiae et duce Mediolani et rege Ciprii et omnes istii erunt cum eo. Et quod habebat unam filiam et dederat eis in mandatis eam tradere fratri imperatoris in uxorem, qui etiam est viduus. Quiquidem domini supradictierant potentissimi et eum contra Turcos...*

согласились приехать в Авиньон, а папа Евгений IV отказался бы следовать за ними. То, что он отступил от договора с собором (булла от 1434 г.), могло быть использовано как повод для его смещения.

7 октября базельцы встретились с патриархом в храме Святой Софии. При этом присутствовали до 80 представителей от восточной церкви. На следующий день состоялась новая встреча с императором. Беседа на этот раз была закрытой и происходила за пределами города. Наряду с императором присутствовали деспот Константин и четыре советника. Некий генуэзец из Галаты, пришедший вместе с послами, по требованию греков должен был удалиться³³¹. Император начал разговор с замечания о том, что уже истекли сроки, в которые с Запада, согласно договору, должны были приехать галеры³³². Но основная его мысль состояла в том, что противоборствующие стороны должны сначала договориться между собой и выработать формулу компромисса³³³. Послы, в свою очередь, вообще отрицали наличие каких-либо разногласий, предложив императору все противоречия, если таковые обнаружатся, уладить на месте. Заканчивая разговор, император попросил собеседников подумать о способах компромисса с другой партией, пообещав со своей стороны также приложить к этому все усилия. Однако на следующий день базельцы потребовали однозначного ответа, отвергнув саму возможность какого-либо примирения. 15 октября византийцы сообщили им свой вариант решения, согласно кото-

---

³³¹ Rel. amb., 318.

³³² Кроме того, базельцы скорее всего не выполнили еще одно условие: в Константинополь не были доставлены триста лучников. Известно, что упрек в связи с этим высказал патриарх в разговоре с Иоанном Рагузанским. Тот, в свою очередь, руководствуясь какими-то собственным сведениями, обещал прибытие в ближайшем будущем еще одного судна с двумя сотнями стрелков – см.: *Joh. Rag. Relatio*, DXIX. Однако нет никаких оснований верить этому. Капитан Никод нанял какое-то количество лучников уже вскоре после своего назначения. Но весной 1437 г., когда эскадра находилась в Ницце в изнурительном ожидании конца переговоров между Базельским собором и Авиньоном, почти все наемники успели разбежаться – см.: *Mugnier M.* Op. cit. P. 340. Когда же Авиньон выполнил свои денежные обязательства, то времени на вербовку новой команды, по всей видимости, уже просто не было.

³³³ Rel. amb., 319: *Cupiebat enim, ut aiebat, hanc rem cum pace et sine scandalo fieri et, quia hoc erat communae et non particularae negotium, oportebat considerare modum, per quem pacificarentur.*

рому император должен был выехать на собственной галере в сопровождении обеих латинских делегаций, высадиться в Италии, южнее Венеции, чтобы по прибытии на Запад продолжить попытки к примирению сторон³³⁴. Если бы базельский флот пришел первым, убеждали греки, то император поехал бы с ним, но так как прибыли два посольства одновременно, император хочет, чтобы они сопровождали его вместе. Однако заявленный пункт назначения все-таки был выгоден папскому, а не базельскому посольству. Какой бы корректной ни была формулировка, базельцы восприняли этот ответ как собственное поражение. Византийцы напрасно подчеркивали нейтральный характер своего решения и пытались доказать, что император одинаково лояльно относится к каждой из сторон³³⁵. Базельскому посольству предложено было даже совершить обратный путь вместе с императором на его собственной галере, а на базельских судах разместить часть восточной делегации, включая членов императорской фамилии³³⁶. Предложение было отвергнуто. Предчувствуя провал своей миссии, базельцы настояли на новой встрече с государем. Просьбу удовлетворили.

Последняя беседа состоялась 17 октября³³⁷. Император Иоанн VIII еще раз подчеркнул, что если бы базельское посольство прибыло первым, то он с ним бы и отправился на Запад, но теперь хочет добиваться примирения между партиями и, если нужно, готов быть посредником. На это ему ответили, что договор греки подписывали только с собором, тогда как папа лишь утвердил его своей буллой. Капитан Никод попытался выяснить что-либо о судьбе пропавшего геральда, которого, по его мнению, венецианцы держали в порту Константинополя³³⁸. Император признал, что и сам он,

---

³³⁴ Rel. amb., 329.

³³⁵ Ibid. 328: ...Dominus imperator unam partem talem et tandem reputabat sicut aliam...

³³⁶ Ibid. 329: ...dixerunt deputati, quod dominus imperator tractavit cum concilio et papa et per hoc obligatur exire... quod nos in ipsa sua galea ad praedictum locum navigaremus et ipse... poneret etiam multos orientales ex sua et patriarchae familia et comitiva super galeas nostras...

³³⁷ Ibid. 331.

³³⁸ См. сноску 301.

когда узнал о гонце, был немало озабочен его поисками, однако его заверили, что задержанного геральда отправили в Венецию.

Ничего не дали и старания Иоанна Рагузанского, который все это время трудился в том же направлении, что и посольство из Базеля. Пытаясь убедить императора в том, что греки должны ехать в Базель, ибо только так якобы можно прекратить смуту в самой латинской церкви, доминиканец услышал предельно лаконичный ответ: *quod scripsi, scripsi*³³⁹. Вероятно, имелись в виду последние договоренности, которые императорские послы заключили с папой и которые исключали возможность обратного решения. Последней надеждой дипломата была беседа с патриархом. Но глава византийской церкви оказался более откровенным и в разговоре высказал внушенные ему подозрения относительно намерений Базельского собора использовать греков для того, чтобы разделаться с папой³⁴⁰. Это был главный аргумент против дальнейших переговоров.

С момента приезда базельского посольства прошло более двух недель. Хотя греки заявили, что поплывут в Италию, папские посланники, судя по всему, крайне нетерпимо стали относиться к самому факту присутствия конкурентов. В один из дней кто-то из греков предупредил базельцев об угрожающей им опасности и посоветовал покинуть город. И те под покровом ночи поспешили перебраться в Галату. То же сделал и Иоанн Рагузанский. Предосторожность оказалась не лишней. Ночью отряд лучников ворвался в жилище доминиканца, убив при этом слугу. На следующий день Марк Кондульмер потребовал от генуэзских властей Галаты выдать ему беглеца, но получил отказ, предлогом была его дипломатическая неприкосновенность. После этого инцидента базельцы уже не выходили из Галаты. Через посредников они потребовали от императора отдать им 8 тысяч дукатов на том основании, что он отказался ехать с ними и поэтому должен возместить все финансовые потери. Но император ответил, что именно их сторона

---

³³⁹ Joh. Rag. Relatio, DXIII.

³⁴⁰ Это заявление патриарха Иоанн Рагузанский воспроизводит в своем отчете – см.: Ibid. DXVI.

нарушила договор — не уложились в сроки, неправильно назначила место для вселенского собора и не смогла найти общий язык с папой. На этой недружелюбной ноте переговоры были прекращены. 2 ноября 1437 г. базельский флот взял обратный курс. Вместе с ним покидал Константинополь и Иоанн Рагузанский. Два года пребывания здесь окончились для него самым большим разочарованием: плодами его трудов теперь пользовались соперники.

На руках у посольства было письмо императора Базельскому собору³⁴¹. Автор сообщал о своем решении в ближайшем будущем отправиться на Запад (не называя при этом конкретного места) и в осторожной форме упрекнул депутатов в том, что они не во всех пунктах выполнили имевшийся между ними договор. Тон письма явно подчеркивал, что император по-прежнему считался с возможностью в ближайшем будущем продолжить переговоры. 25 ноября 1437 г. византийская делегация выехала на Запад.

В истории с латинскими посольствами политическая борьба вокруг унии с греками достигла своего пика. Благодаря деятельности обеих миссий эхо этой борьбы отозвалось в различных политических центрах Европы, пока ее нити не пересеклись в самом Константинополе, поставив греков перед трудноразрешимой проблемой выбора, к которому они оказались явно не готовы. Позиция византийского императора в сложившейся ситуации была последовательно ориентирована на поиск компромиссного варианта, который, однако, натолкнулся на глухую стену противоречий между противоборствующими латинскими партиями. Принятое византийцами решение отправиться в Италию стало важнейшим фактором успеха папы и стоявших за ним политических сил.

2.2.5. Политическая конфронтация на Западе в преддверии униатского собора

В течение всего времени, пока на Западе готовились принять восточную делегацию, ситуация здесь продолжала развиваться в сторону усиления смуты. В памяти современников еще живы были воспоминания о недавней схизме, которую с таким трудом пре-

---

³⁴¹ *Johannes VIII Palaeologus. Epistola synodalibus Basiliensibus* (25 oct. 1437 Constantinopoli) // Cecconi, CCCCXLV–CCCCXVI.

одолеет Констанцкий собор, а Европа уже оказалась на грани нового раскола. Парадокс был в том, что поводом к нему стал вопрос о церковной унии с Востоком. Как уже отмечалось, 29 мая 1437 г. папа Евгений IV ратифицировал декрет меньшинства, провозглашавший проведение униатского собора в Италии. В Базеле этот шаг был признан незаконным. 31 июля собор, несмотря на предостережения кардинала Чезарини, фактически начал процесс против понтифика, предписав ему в течение ближайших 60 дней явиться лично и дать отчет в своих действиях³⁴². Папа, разумеется, и не думал этого делать, уверенно продолжая собственную политику. Даже не дождавшись информации из Константинополя о решении греков, 18 сентября он издал буллу о переносе Базельского собора в итальянский город Феррару³⁴³.

В разгорающемся противостоянии курия попыталась найти поддержку у императора Сигизмунда. Еще в июне папа сообщил ему о своем посольстве в Византию и о последних переговорах с греческими послами. Однако германский император по-прежнему ничего не хотел слышать о перемещении собора в Италию. Но авиньонский вариант вызывал у него не меньший протест, и он продолжал настаивать на том, чтобы вселенский конгресс состоялся в его венгерской столице.

5 июля, отправляя своего представителя в Базель, император вновь напоминал депутатам, что всегда хотел собрать униатский собор не в Италии, а «в таком месте, где смогли бы встретиться правители Европы и тщательно обсудить вопрос об освобождении греков от иноземного ига»³⁴⁴. На эту роль предлагалась Буда. Сигизмунд все еще надеялся, что будут назначены новые выборы, поскольку Авиньон вовремя не выполнил своих обязательств. Поэтому до прибытия своего посольства он просил не начинать

---

³⁴² См.: *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 46; *Gill J.* Op. cit. P. 199.

³⁴³ См. текст буллы: EP. I, 91–99.

³⁴⁴ См. инструкции Сигизмунда своему послу на Базельский собор – DRTA. XII, 230–231: *Nam adhuc dicimus, quod voluntas nostra et electorum est in illo, ut futurum concilium non celebretur Italiae, sed in locis, ubi principes orbis convenire rebus Graecorum, in quibus eis tota virtus consistit, eorum liberationi a gentili servitute possint operose consulere.*

процедуру повторного голосования³⁴⁵. Что же касается «раскольничьего» декрета от 7 мая, копию которого император получил от папы, то тут его мнение было однозначно: документ принят вопреки мнению большинства собора и представителей почти всех светских правителей, которые там присутствуют, поэтому ничего кроме неприятностей и смуты он принести не может³⁴⁶. В отношении лиц, которые незаконно снабдили декрет печатью, Сигизмунд требовал назначить наказание³⁴⁷.

По мере поступления новой информации императору пришлось корректировать свои действия. Очевидно, к середине июля стало известно, что авиньонские галеры все-таки уже вышли в Константинополь, а папские в любой момент готовы отплыть в том же направлении. Это означало, что возможность нового голосования в Базеле становилась минимальной, зато опасность возникновения схизмы все более ощутимой. В связи с этим 15 июля Сигизмунд в своем письме призвал депутатов не доводить дело до прямого конфликта с папой из-за вопроса о том, где проводить вселенский собор³⁴⁸. Он указал, что и к папе обратился с такой же просьбой. Его предложение относительно Буды по-прежнему оставалось в силе, поскольку этот вариант, по его словам, решил бы все разногласия, причем с огромной пользой для греков³⁴⁹.

Германский император, как видно, еще надеялся не допустить

---

³⁴⁵ См. письмо Сигизмунда Базельскому собору от 5 июля 1437 г.: DRTA. XII, 232.

³⁴⁶ См.: Ibid.: ...huiusmodi nominatio facta sit in dissensione et cum non modica reclamazione maioris partis concilii et ambassiatorum fere omnium regum et principum ibidem existentium... quodque cum bullatione cuiusdam bullae, ut informamur, clam procurate non mediocre scandalum in verecundia sacrae vestrae synodae et totius ecclesiae ac bonarum rerum impedimentum pulavit.

³⁴⁷ Обращение Сигизмунда к Базельскому собору от того же числа см.: DRTA. XII, 233.

³⁴⁸ *Sigismund von Luxemburg*. Brief an das Basler Konzil (1437 iul. 15 Eger) // DRTA. XII, 234.

³⁴⁹ Ibid.: Scripsimus etiam sanctissimo domino papae Eugenio sanctitatem suam rogantes, ut etiam taliter... curet, ne ecclesia... novam patiatur scissuram. ...offerimus vestris paternitatibus civitatem Budensem... sumus profecto indubii, quod per hoc omnis discordia tollerentur cum magno contentamento Graccorum.

раскола. Кто, как не он, положивший в свое время столько сил ради умиротворения католической церкви, был и теперь в этом заинтересован. Однако события стремительно развивались в прямо противоположном направлении. По прошествии нескольких дней Сигизмунд узнает, что в Базеле затевается процесс против папы, от которого требуют лично предстать перед собором. Крайне встревоженный, 26 июля император отправил своему послу в Базель письмо следующего содержания: «Не сомневаемся, что тебе известно, какая ссора разгорелась в Базеле между отцами по вопросу о предстоящем вселенском соборе, который должен состояться для объединения греков со святой римской церковью. Боюсь, что это грозит ей большими бедами, поэтому мы отправили посольство, чтобы призвать депутатов к любви и согласию, насколько это было в наших силах. Однако безуспешно. Только что до нас дошли ошеломляющие известия о том, что этот конфликт продолжает разрастаться и что некоторые французы выступают за Авиньон (в качестве места для будущего собора. – Н. П.), поскольку теперь его граждане выплатили причитающиеся деньги, предоставили галеры для перевозки греков и прислали своих прелатов. Но против всего этого стоит папа с верной ему партией, стремящийся перенести собор в Италию, что крайне неприятно французам и их приверженцам. И вот в этой смуте ими подготовлен процесс в отношении понтифика. Требуют, чтобы он до середины сентября ответил по тем пунктам, которые они против него выдвигают; и если папа не сделает этого, то они намерены вести процесс против него еще дальше. По этому поводу мы и члены рейхстага (*electores imperii*) и прочие князья и городские общины сильно обеспокоены. Поэтому мы, а вместе с нами и всякий благонамеренный человек, считаем, что таким путем и на таком соборе состоится не уния с греками, а явная схизма и раскол внутри святой нашей церкви. Тем более что греки на Базельском соборе ясно выразили протест в отношении Авиньона и не хотят утверждать этот город, потому что он не числится в декрете («*Sicut pia mater*» от 7.09.1434. – Н. П.) и, следовательно, они не обязаны туда ехать. Между тем некоторые открыто заявляли на соборе, что хотели бы знать, по какому праву итальянцы имеют в своем распоряжении церковь, а немцы – им-

перию (*Romanum imperium*). Надо подумать, какие опасные интриги творят эти люди, прикрываясь добрыми намерениями, касающимися унии с греками; из-за этого всему христианству может быть нанесен большой вред, а также священной империи и всей германской нации, если не противопоставить им что-то. Поэтому мы отправляем на собор своего поверенного, достопочтенного Петра, епископа Аугсбургского, которому поручаем разобраться в существе дела, насколько это будет возможно, чтобы не дать довести до конца процесс против папы и чтобы собор не переезжал в Авиньон, а проходил бы в таком месте, куда греки охотно согласились бы приехать и которое заранее было предусмотрено декретом. С этой целью мы отправили посольство также к императору и константинопольскому патриарху и с божьей помощью надеемся, что они пойдут по пути, который мы им предлагаем»³⁵⁰.

³⁵⁰ *Sigismund von Luxemburg*. Brief an einen unbekannten Erzbischof [und entsprechend an andere deutsche Fürsten und Städten] (1437 iul. 26 Eger) // DRTA. XII, 235–236: Non dubitamus, quin tuae dilectioni innotuit illa discordia, quae in sacrosancto concilio Basiliensi surrexit fuit et adhucet inter patres ex papae futuri concilii ycomenici, quod pro reductione Graecorum cum sancta Romana ecclesia celebrabitur, ex qua discordia nos timemus magna pericula in sacra ecclesia exoritura. Quare alias destinaveramus honorabilem nostram ambassiatam ad ammonendum patres ad unitatem et dilectionem, in quantum nobis possibile fuit, quod tamen profectum non generavit. Sed hodie scripta notabilia recepimus, quomodo talis discordia in dies augetur et quod aliqui sicuti Francigene et eorum adherentes versus Avinionem tendunt, ex quo Avinionenses nunc pecunias numeratas exbursarunt, galeas disposuerunt, prelatos ad hoc ordinatos miserunt.

Contra quod tamen sanctissimus pater noster cum parte sua in concilio praedicto resistit idem concilium ad Italiam promovendo, quod Francigenis et eorum adherentibus, qui Avinionem volunt, valde contrarium est, ac in quibus discordiis quoddam monitorium et citatorium paratum est, ut sanctissimus pater noster papa ad medium septembris talibus articulis et obiectibus, quos ipsi contra eum obiciunt, respondeat; et si ipse hoc non faceret, tunc velint ipsi contra eum ulterius procedere.

De quo nos et electores imperii et alii principes et communitates, qui nunc nobiscum sunt, satis territi sumus, quoniam nos et communiter omnis homo bene consideramus, quod cum talibus viis et futuro concilio non unio Graecorum, sed apertum scisma et divisio sanctae ecclesiae queritur, quod ita comprobatur, quia Graeci in concilio Basiliensi aperte civitati Avinionensi contradixerunt et illam recipere nolunt, ex quo in decreto non est nominata neque illac venire tenentur.

Etiam aliqui aperte in concilio dixerunt se velle videre, quo iure Italici ecclesiam et Alamani Romanum imperium possident et obtinent. Per quod considerandum est, quam

Из приведенного фрагмента видно, что именно так беспокоило Сигизмунда. Он уже не протестовал против перемещения собора в Италию, зато его перенос в Авиньон и инициированный процесс против папы, грозивший закончиться смещением последнего, воспринимались им как сплошная цепь французских махинаций. Урон, который мог быть нанесен церкви, Сигизмунд напрямую связывал с поражением интересов империи, т. е. фактически германских интересов. Удивительным образом предстает из его слов столкновение национальных партий: французы были недовольны тем, что итальянцы контролируют святой престол, а немцы держат корону Священной Римской империи, и под благовидным предлогом унии с греками действовали к собственной выгоде. О том, насколько сильно император был встревожен, говорит тот факт, что в случае крайней необходимости он готов был оставить все дела и лично приехать в Базель.

В известность о происходящем были поставлены и многие немецкие курфюрсты³⁵¹. Одним словом, дело действительно касалось германских интересов. Уполномоченный Сигизмундом епископ Аугсбурга выступил 9 августа перед Базельским собором. Он дал понять, что позиция императора не означает, что он на стороне папы, а выражает его желание выступить посредником между ним и депутатами³⁵². Сам Сигизмунд повторно писал в Базель 10 сен-

---

periculose tales homines sub colore bone intentionis et unionis Graecorum malas machinationes quaerunt, propter quod toti Christianitati magnum dispendium et sacro imperio ac omnibus Alamanis irrecurable dampnum et scandalum oriri possent, si huiusmodi non resisterentur. Idcirco nos mittimus nunc in dictum sacrosanctum concilium venerabilem Petrum episcopum Augustensem principem consiliarium et dilectum fidelem nostrum, cui commisimus causam huiusmodi intercipiendam, quantum sibi possibile sit, ut talis processus contra sanctissimum patrem nostrum papam ad plenum non conducatur et quod concilium non Avinionem trahatur, sed in talem locum ponatur, ubi Graeci libenter venire velint et qui etiam in decreto sit nominatus, propter quod venerabilem ambassiatam nostram ad imperatorem et patriarcham Constantinopolitanum transmissimus et speramus eos in viam nostram deo volente conducere.

³⁵¹ См. список адресатов, которым одновременно был разослан приведенный выше документ: DRTA. XII, 235.

³⁵² MC. II, 1018 (=DRTA. XII, 237): *Nec per huiusmodi requisitionem intendebat se pro papa constituere partem, sed tamquam mediatorem inter concilium et eum.*

тября, пообещав поддержку собору, если только депутаты воздержатся от спешных и необдуманных решений³⁵³.

Благодаря настойчивому вмешательству Сигизмунда в Базеле постановили не прекращать, но временно приостановить процесс против понтифика. По-видимому, здесь пока еще уважали посреднические усилия германского императора и не бросали открытый вызов папе лишь потому, что никто не мог твердо сказать, за кем последуют греки. Сигизмунд смотрел на все это с оптимизмом. В письме от 6 ноября он писал собору, что, по некоторым сведениям, греки якобы уже отправились из Константинополя в направлении Венеции, и тут же сообщал, что снарядил к ним византийского посла Мануила Дисипата с предложением приехать в Буду. При получении известий об их прибытии он обещал немедленно отправить к ним новое посольство и убедить принять свой план³⁵⁴. Но Сигизмунду не суждено было дожить до этого дня: 9 декабря 1437 г. император скончался.

Не только Сигизмунд выступал против агрессивных планов собора в отношении папы, но и делегаты от Кастилии³⁵⁵. Озабоченность проявил и английский король Генрих VI. В ноябре 1437 г. он писал герцогу Саксонии (и как явствует из этого же письма, также императору Сигизмунду, папе и собору), что необходимо предотвратить схизму, а базельским отцам следует переехать в Феррару либо в другое место, которое будет удобно и грекам, и папе, и депутатам, и всем светским князьям³⁵⁶. Это было еще одно комп-

---

³⁵³ Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 sept. 10 Prag) // DRTA. XII, 239–241.

³⁵⁴ Sigismund von Luxemburg. Brief an seine unbekannten Gesandten am Basler Konzil (1437 nov. 6 Prag) // Ibid. 257. Мануил Дисипат прибыл в Константинополь в октябре 1437 г.

³⁵⁵ DRTA. XII, 256, Anm. 3 (прим. изд.).

³⁵⁶ Heinrich V von England. Brief an den Herzog Friedrich von Sachsen (1437 nov. 14 London) // DRTA. XII, 316–318: ...scripsimus praefato beatissimo patri suae sanctitati... scribimus serenissimo ac potentissimo principi Sigismundo Romano imperatori... scribimus demum per extensum valde praefatis reverendis patribus et aliis hucusque in Basilea existentibus obsecrantes eosdem, quod pro tam publico bono velint sic ad locum Ferrariae vel alium quaecumque, in quem praefati Graeci velut eis accomodum consentiendum duxerint et ad quem praefatus beatissimus pater in persona venire ceterique patres et principes tute ac commode accedere seu transmittere queant...

ромиссное предложение, которое учитывало и интересы византийской стороны. В Базеле этот же принцип отстаивал кардинал Чезарини, призывая депутатов вопрос о том, где проводить вселенский собор, предоставить для решения грекам. Но после смерти императора Сигизмунда не осталось авторитетной силы, способной не допустить развития конфликта. Тем более что в начале декабря через Венецию уже поступали сведения о том, что греки плывут в Италию на папских галерах ³⁵⁷.

20 декабря Чезарини сделал последнюю попытку призвать собор к компромиссу с понтификом. «В момент, когда греки уже почти у порога, – взывал кардинал, – не подвергайте риску святое дело; скоро в порт поедут наши депутаты (от Базельского собора. – Н. П.), которые изо всех сил будут стараться убедить их ехать в Авиньон или в Савойю; если получится, то и все мы отправимся туда, а если нет, обсудим с ними другое место, удобное и приемлемое нам, грекам и папе; ведь без греков не может быть унии с ними, а они же ставят условием непременно присутствие папы» ³⁵⁸. Но голос кардинала не был услышан. 9 января 1438 г. он с группой прелатов покинул Базель, чтобы отправиться в Италию. Спустя десять дней после этого вернулось базельское посольство из Константинополя, и 29 января собор уже слушал доклад Иоанна Рагузанского о его неудавшейся миссии ³⁵⁹.

Тем временем папа Евгений IV уверенно продолжал готовиться к приему византийцев в Италии. Подготовка к открытию собора шла и по дипломатической линии. Известны послания понтифика

---

³⁵⁷ См. письмо венецианского сената архиепископу Флоренции от 3 декабря 1437 г. – АСА, 9.

³⁵⁸ См. речь Чезарини перед Базельским собором – *Cecconi, CCCCLIX: Et quia Graeci iam sint in foribus, ne tam divinum periclitetur opus, mox pergant ad portum aliqui praestantiores ex nobis, qui ipsis Graecis omni conatu suadeant ut hoc, vel Avinionem aut Sabaudiam proficiscantur... Si obtineri potest, in nomine Domini contentemur omnes, et illuc accedamus; si vero adhibita omni cura, fieri nequeat, cum eis de aliquo loco disponatur, nobis bene tuto, et accommodo Graecis ac Summo Pontifici. Sine Graecis enim ipsorum unio fieri non potest; ipsi autem praesentiam Papae in concilio exposcunt.*

³⁵⁹ См. протокол Базельского собора от этого числа: СВ. IV, 142; см. также: *Leidl A. Op. cit. S. 147–148.*

к германским князьям, герцогам Саксонии и Баварии, с просьбой прислать на конгресс своих делегатов³⁶⁰. Предметом особой заботы со стороны курии стала позиция австрийского герцога Альбрехта. Последний в значительной степени унаследовал после Сигизмунда гуситскую (богемскую) проблему, которая в многолетней деятельности Базельского собора была и, впрочем, продолжала оставаться одной из самых главных. Уже в силу этого факта герцог едва ли мог резко обрушить отношения с собором, от которого по-прежнему многое зависело в этом вопросе. Папа, очевидно, учитывал это, когда убеждал в том, что переговоры с гуситами, как и переговоры с греками, можно перенести из Базеля в Феррару. В декабре 1437 г. папский посол должен был передать Альбрехту следующее: «По мнению папы, следует подумать о том, что в интересах самого герцога и к пользе для его государства вопрос о гуситах надо передать на Феррарский собор, где, по твердому убеждению понтифика, его можно будет успешно решить; в этом случае богемы, ободренные такой надеждой, станут более кроткими в отношениях с герцогом, который должен понять, что с базельскими отцами богемы уже едва ли смогут договориться, а скорее всего не смогут никогда, потому что этот собор (Базельский. – Н. П.) переносится в Феррару не для того, чтобы сорвать обсуждение богемского вопроса, а чтобы, наоборот, легче было решить его, так как в связи с вопросом о греках он должен решаться сходным образом ввиду взаимной близости этих двух проблем»³⁶¹.

Здесь уместно вспомнить о том, что всего за три года до этого

---

³⁶⁰ ЕР. I, 102–103, 109–110.

³⁶¹ См. инструкции папы своему легату, отправляющемуся к герцогу австрийскому – Ibid. 115: *...videretur sanctissimo domino nostro consultum esse et pro ipso duce et pro bono illius regni, quod illa materia referetur ad concilium Ferrariense, ubi sperat dominus noster indubie, quod aliquid boni sequi poterit; et ista spe confortati Boemi mitiores erunt erga ipsum ducem, qui credere debet, quod iam cum dominis de Basilea Boemi concordare vix possent, immo neque ullo modo possent, cum concilium illud ex causis et necessitatibus in bulla superinde confecta allegatis translatum sit Ferrariam non ad impediendum persecutionem Bohemorum, sed ad terminandum rem illam facilius deo auxiliante et auspiciis sanctissimi domini nostri, maxime cum propter Graecos consimili material in dicto icumenico concilio tractari debeat circa communionem utriusque speciei.*

византийцы посчитали страшным оскорблением случай, когда авторы декрета «*Sicut pia mater*» опрометчивой словесной формулировкой уравнивали их с гуситами. Папа Евгений IV безусловно знал об этом, но в данном случае проводил эту параллель совершенно открыто, пытаясь отыграть гуситскую карту у Базельского собора и разрушить возможный альянс между ним и герцогом. Впрочем, эти старания успеха не принесли. Альбрехт и князья оставались на позиции, близкой к той, которую прежде занимал Сигизмунд. В результате из всех политических сил самой надежной опорой папы оставалась Венеция. Венецианский дож Франческо Фоскари в письме от 24 октября 1437 г. приветствовал решение о переносе Базельского собора в Феррару³⁶². Власти республики тщательно отслеживали все известия с Востока о передвижении византийской делегации и готовились принять ее в своем порту. Ожидание этого события, как видно из всего сказанного выше, лишь усугубило ситуацию в латинской церкви и обострило напряженность внутри западного политического сообщества.

2.2.6. Византийская делегация на Западе и проблема политического выбора в условиях раскола

Путешествие греков от Константинополя до Венеции длилось два с половиной месяца. Трудности пути тяжелым бременем легли на плечи пожилых участников делегации, в том числе самого императора и патриарха. Но кроме физических тягот не менее мучительным было ощущение неуверенности в том, что ждет впереди. Это чувство, с которым византийцы покинули свою столицу, в дороге только усилилось. На Пелопоннесе их настигло известие о смерти императора Сигизмунда. Эта новость стала настолько тяжелым ударом, что император Иоанн VIII подумывал о том, имеет ли смысл вообще ехать дальше³⁶³. Однако путешествие продолжалось. 8 февраля 1438 г. галеры бросили якорь в венецианском порту. В обстановке полной торжественности высокие гости сошли на берег.

Очутившись на Западе, греки лишний раз убедились, что здесь

---

³⁶² Francesco Foscari, dux Venetiarum. Epistola ad papam Eugenium IV // ACA, 7.

³⁶³ Syropulos IV, 15.

царит раскол. Не могло быть и речи о том, что большинство правителей Европы станут участниками вселенского собора. Вставал вопрос, куда двигаться дальше. По поведению византийцев в первые дни после прибытия никак нельзя было сказать, что они намеревались отправиться прямо к папе, который ожидал их в Ферраре. Сиропул, у которого мы находим сведения об этом, пишет, что делегаты начали бурно обсуждать дилемму, ехать ли к папе или на Базельский собор³⁶⁴. В связи с этим венецианский дож сообщил императору, что греки могут оставаться в Венеции сколь угодно долго, чтобы взвесить свои планы и решить, в каком направлении продолжить путь. Известно, однако, что изначально власти республики, опасаясь раздражения турецкого султана, не желали, чтобы византийцы задерживались в их городе. Но венецианцы были союзниками папы. В таком случае заявление дожа одновременно могло выражать и его неуверенность в том, что греки непременно поедут в Феррару, и надежду на то, что во время их пребывания в Венеции их можно будет убедить в этом.

Император, как пишет далее Сиропул, решил посоветоваться с патриархом. Но тот сослался на болезнь и попросил, чтобы сначала государь обсудил все в своем кругу и сообщил ему свое мнение. Императора не удовлетворил такой уклончивый ответ, и он послал сказать патриарху, что должен знать позицию всех членов совета, поскольку одни призывают ехать к папе, а другие считают это нецелесообразным в настоящий момент. Очевидно, патриарх ответил, что знает, кем высказываются подобные суждения, но когда он явится на совет, то опровергнет их³⁶⁵. О позиции и раздумьях патриарха свидетельствует также послание венецианского сената папе от 17 февраля, в котором говорилось следующее: «...патриарх Константинопольский один пожелал переговорить с нами за закрытыми дверями и получить от нас совет. Он сказал, что император и он сам прибыли сюда, чтобы заключить церковную унию, к которой очень стремятся, но и до, и после своего прибытия слышали о разногласиях между папой и Базельским собором, а также между

---

³⁶⁴ Syropulos IV, 24.

³⁶⁵ Ibid.

папой и некоторыми христианскими князьями, и потому он просил у нас совета, что ему делать дальше, и попросил, чтобы этот разговор остался в тайне... Мы же ответили ему, что Базельский собор больше не может называться собором, так как основные и почтенные прелаты покинули его и лишь некоторые остались там, не имеющие высокого сана, которые не хотят ни унии, ни мира, не имеют никаких других благих намерений, кроме как посеять схизму и раскол, потому что таким способом рассчитывали повысить свой статус... Затем мы сказали, что между папой и христианскими князьями нет никаких конфликтов и, более того, все самые влиятельные государи находятся в согласии с волей Его Святейшества, благоволят ему, за исключением разве что арагонского короля, который стремится заполучить королевство Сицилийское (Неаполитанское. – Н. П.), а так как папа не расположен к нему, но поддерживает короля Рене Анжуйского, то правитель Арагона настроен против папы. То же самое можно сказать и о герцоге Миланском, который давно пытался и пытается теперь отнять часть земель церкви и всеми способами старается нанести ущерб личности и положению папы. Но из других государств не знаем никого, кто был бы против него. После этого мы дали совет патриарху, чтобы император и он сам объединились с понтификом, и чем скорее это случится, тем лучше. Патриарх охотно выслушал нас, после чего сказал, что хочет все обдумать»³⁶⁶.

---

³⁶⁶ Epistola senatus Venetiarum ad papam Eugenium IV // ACA, 26–27: ...reverendissimus dominus patriarcha Constantinopolitanus solus voluit in secreto nos alloqui et habere consilium nostrum, qui in substantia nobis dixit, quod dominus imperator et ipse huc venerunt pro unione ecclesiae Dei, quam valde desiderant, sed quod iam ante et etiam post adventum suum audiverat differentiam esse inter papam et concilium Basiliense ac inter papam et quosdam principes christianos, quodque petebat et volebat consilium a nobis, quid esset acturus, que verba sub maximo secreto nobis dixit ac instantissime petiit, ut secretissima haberentur.

...Nos autem sibi respondimus, quod concilium Basiliense non poterat nec debebat amplius concilium reputari, quoniam principales et digniores prelati discesserant nec remanserant nisi aliqui satis pauci, qui non zelo unionis et pacis nec aliqua bona intentione remanserant, sed solum ad fidem scismatis et discordiae, propter quam sperabant eorum statum augere et quod invidia potius et odio movebantur, de quibus facienda non est aliqua reputatio.

Скорее всего, ответ венецианцев лишь утвердил патриарха в его собственном мнении. Уже 17 февраля (этим же днем датировано письмо сената, но разговор мог иметь место немного раньше) он писал представителям кастильского короля на Базельском соборе, что в ближайшее время греческая делегация отправится к папе в Феррару. Правда, тут же он давал понять, что не считает закрытым вопрос о том, где будет проходить униатский собор. Патриарх писал, что еще предстоит обсудить это с папой и выбрать подходящее место³⁶⁷. Что же касается решения императора, то оно стало окончательным не ранее 18 февраля, когда состоялось очередное заседание совета³⁶⁸.

Свою роль в этом могло сыграть общение со знатными представителями от курии, явившимися 12 и 13 февраля. Один из них был не кто иной, как Николай Альбергати, назначенный президентом униатского собора. На совете прозвучало предложение дожждаться кардинала Чезарини, который прибыл 20-го, но император пожелал, чтобы к его приезду решение было принято. 25 февраля Иоанн VIII Палеолог обратился с письмом к Базельскому собору. Письмо не содержало никаких претензий к оставшимся там депутатам. Император лишь сообщал, что после долгого и изнурительного

Item, quod inter beatitudinem suam et principes christianos non erat aliqua differentia vel discordia, immo quod sciebamur omnes principales principes christianitatis esse unitos et bene conformes cum voluntate clementiae suae et ad eius dignitatem et statum bene dispositos, nisi forte essent rex Aragonum, qui aspiravit et aspirat ad regnum Siciliae et quoniam eius sanctitas non favet sibi, sed potius regi Renato, idem rex Aragonum adversatur beatitudini suae. Praeterea dux Mediolani, qui dudum quesivit et querit surripere de terris ecclesiae ac multis modis conatus est facere contra personam et statum beatitudinis suae. Sed de aliis principibus et dominis christianis neminem scimus, qui non sit propitius clementiae suae.

Demumque ad partem consilii diximus, quod salubrius consilium, quod in hac materia videamus ad perficiendum tam sanctum opus, est quod serenissimus dominus imperator et ipse reverendissimus dominus patriarcha et sui cum ipso summo pontifice uniantur, et quanto celerius istud fiet, tanto laudabilibus et utilius iudicamus. Visus est libenter audire consilium nostrum, postremoque dixit, quod cogitare volebat.

³⁶⁷ Текст письма опубликован – см.: *Laurent V. Les ambassadeurs du roi de Castille au concile de Bale et le Patriarche Joseph II (Fevrier 1438)* // REB. 1960. Bd. 18. P. 143–144.

³⁶⁸ Ibid. P. 142.

пути ему и другим делегатам, ввиду их старости и плохого здоровья, невозможно совершить еще один переход на лошадях, поэтому он просил всех участников собора приехать в Феррару³⁶⁹. Это был еще один призыв византийского правителя к всеобщему компромиссу. 28 февраля византийцы покинули Венецию.

Поведение греков после прибытия на Запад ясно показывает, что атмосфера раскола и конфронтация, обнаруженная ими на Западе, воспринимались крайне негативно, и вопрос о дальнейших шагах не считался предрешенным. Император, по-видимому, еще не исключал возможность стать посредником между папой и Базельским собором, однако реальными инструментами влияния на ситуацию он не обладал. В то же время патриарх занял гораздо более твердую позицию в пользу папы, которая лишь укрепилась после закулисных переговоров его с венецианским сенатом. Следует признать, что сделанный греками выбор был наиболее реальным в сложившейся ситуации.

До недавнего времени считалось, что упомянутое выше письмо императора от 28 февраля было его последним посланием, которое он отправил в Базель. Однако недавно появились данные о том, что его неофициальные контакты с Базелем продолжались. Среди материалов архивных коллекций было, в частности, обнаружено письмо императору из Базеля от некоего грека по имени Димитрий³⁷⁰. Из письма следует, что оно само явилось ответом на императорское послание, отправленное из Феррары 10 июля 1438 г. Прямой и достоверной информации об авторе нет. Однако в протоколах Базельского собора начиная с мая 1437 г. несколько раз упоминается грек с именем Димитрий, являвшийся грамматиком и учителем греческого языка при Базельском университете. По имеющимся данным, к указанному времени он уже несколько лет проживал в Базеле, но при этом посылал деньги своей семье, которую оставил в Византии. По всей видимости, авторство письма принадлежит этому человеку³⁷¹.

³⁶⁹ Reg. № 3478; текст письма см.: *Cecconi*, DLXI–DLXII.

³⁷⁰ См. об этом: *Haidú K.* Eine Rede an die Basler Konzilsväter und ihr bekannter Autor, Demetrios von Konstantinopel // *BZ*. 2000. Bd. 93. S. 125–132.

³⁷¹ Указанному лицу скорее всего следует приписать создание еще одного

Вопреки официальной позиции греков Димитрий не только остался на стороне Базельского собора, но и продолжал убеждать византийского императора в правильности своей позиции. Как следует из письма³⁷², автор уже не один раз в ответ на просьбы императора в таком именно духе отправлял ему свои доклады из Базеля, причем в последнем письме из Феррары Иоанн VIII Палеолог поставил якобы под сомнение справедливость его посланий³⁷³. Примечательно, что на это Димитрий ответил яростной критикой в адрес Дисипата и некоторых других лиц, которые, по его мнению, вводят императора в заблуждение и уже заставили его разорвать отношения с Базельским собором. О каком Дисипате в данном случае идет речь, непонятно. Скорее всего об Иоанне, который, будучи последним византийским послом в Базеле, прервал переговоры с собором и обратился на сторону папы. Димитрий в своем письме уверял императора, что собор в Ферраре, в отличие от Базельского, не пользуется признанием у христиан Запада, поэтому грекам нечего ждать помощи от папы. По его словам, последней надеждой империи является Базель – только он способен организовать поход против турок. Автор упрекнул византийского правителя в том, что своим решением поддержать папу он взял на себя вину за разжигание новой схизмы. Заканчивая письмо, Димитрий призвал Иоанна VIII пересмотреть свое мнение, приехать

документа, который тоже сравнительно недавно оказался в руках исследователя. Это текст речи анонимного греческого автора, обращенный к депутатам Базельского собора и относящийся ко второй половине 1436 или к началу 1437 г. Текст написан по-гречески, но снабжен посгочным латинским переводом, который, вероятно, и был зачитан. Речь призывает депутатов непременно решить проблему церковной унии и оказать Византии помощь в борьбе против турок. О себе автор сообщает крайне скудные сведения, которые тем не менее вполне позволяют идентифицировать его с вышеупомянутым Димитрием – см.: *Haidú K. Op. cit. S. 125–129*. Возможно, имели место контакты между ним и византийскими послами, посещавшими Базель. Из текста речи следует, что автор лично способствовал делу объединения греков и латинян.

³⁷² О содержании письма см.: *Haidú K. Op. cit. S. 130–131*.

³⁷³ Сведения об этих контактах императора не были известны Ф. Дэльгеру, когда им был опубликован пятый том регест, поэтому там в качестве последнего послания византийского правителя в Базель фигурирует его письмо от 28 февраля из Венеции – см. сноску 369.

в Базель и тогда, считал он, папе не останется ничего другого, как примириться с собором³⁷⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о глубоких сомнениях, которые византийский император продолжал испытывать и после приезда в Феррару и открытия униатского собора. Его по-прежнему интересовала обстановка в Базеле, и он получал информацию о ней, пользуясь услугами вышеупомянутого Димитрия, который находился там в качестве частного лица. С другой стороны, император испытывал сильное давление со стороны той части своего окружения, которая выступала за союз с папой. Во главе этой партии вероятнее всего стоял сам патриарх. Однако в то же самое время и в Базеле по-прежнему не оставляли надежды переманить греков на свою сторону. Письмо Димитрия императору, видимо, было составлено под непосредственным влиянием базельских руководителей, что давало автору право делать свои заявления от имени собора.

Как бы то ни было, греческая делегация осталась в Ферраре, откуда в феврале 1439 г. собор переехал во Флоренцию. Находясь в зависимости — в том числе материальной — от папы и его политических союзников, византийцы в любом случае были сильно ограничены в своих политических возможностях. Наиболее же серьезным выводом для греков было то, что Ферраро-Флорентийский собор на самом деле не пользовался настоящим признанием за пределами Италии.

---

³⁷⁴ К сожалению, мы не знаем, ответил ли император на это письмо.

3. ВИЗАНТИЯ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДА И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ИМПЕРИИ

3.1. Запад и целевые установки внешней политики Византийского государства

Воссоздавая картину политических взаимоотношений Византии и Запада, необходимо остановиться на вопросе о том, каким видели представители той и другой стороны возможный результат этого процесса, до какой степени совпадали или не совпадали их ожидания в этой области. Аксиоматичным является тезис, что Византия добивалась от Запада помощи против турок, и в этом состояла ее главная, если даже не единственная, цель. Но как представляли себе византийцы конкретные формы этой помощи, как связать это с принципами их дипломатической практики и, наконец, как ту же самую проблему склонны были решать на Западе?

Ответ на последнюю часть вопроса лежит на поверхности. Как известно, на Западе наиболее верным способом отражения османской угрозы считался крестовый поход. Идея крестового похода сохраняла свою значимость и в XV в., об этом еще будет сказано ниже. Однако едва ли есть основания применить аналогичный вывод к Византии. Формируя свои отношения с Западом, греки, как бы часто они ни слышали рассуждения на эту тему от латинян, будь то папа или германский император, сами никогда не высказывали подобных идей¹. Опыт прошлого ни в коей мере не распо-

---

¹ Пожалуй, довольно типичный пример отношения византийцев к увлечению латинян идеей крестовых походов демонстрирует игумен Исидор (участник

лагал к этому. При всем том, что крестовый поход мог увенчаться успехом, у византийцев не было никаких гарантий того, что за ним не последует новая волна ожесточения в отношениях между православными и католиками². Известно, например, что в 1422 г. Константинополь посетил посол французского и английского королей – Карла VI и Генриха V – бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа. Перед этим он побывал в Польше, а в византийской столице должен был еще застать посольство папы, возглавляемое Антонием Масанским. Его цель состояла в том, чтобы оценить шансы на очередной крестовый поход. Но на Запад он вернулся с убеждением в слабости возможности подобного мероприятия и, судя по всему, не нашел понимания в Константинополе³.

Возможно, поэтому уровень реальных запросов, с которыми византийские дипломаты отправлялись на Запад, может показаться более чем скромным. Если речь шла об оказании конкретной помощи, то под этим подразумевались, как правило, либо финансовые пожертвования, что хорошо видно на примере отношений с Арагоном, либо очень ограниченное военное содействие, что демонстрируют отношения с Венецией, которой неоднократно предлагалось участие в совместных операциях, имевших весьма узкое и конкретное назначение. Это был едва ли не предел того, что византийский император рассчитывал реально получить от Запада, хотя настоящие потребности Византийского государства были несоизмеримо шире.

Однако лишь этим подход Византии в отношениях с Западом не исчерпывается. Если проследить серию многочисленных дип-

---

византийского посольства на Базельский собор в 1434 г.). В своем папегирике Иоанну VIII Палеологу, написанном около 1429 г., он заводит речь о последнем разгроме крестоносцев под Никополем (1396). Бросается в глаза некоторое удовлетворение, скорее даже насмешка автора по поводу этого поражения латинян, нанесенного им турками - см.: *Schmitt O. J. Eine Keiserrede der spätbyzantinischen Zeit // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Bd. 38. S. 153.*

² Самые дальновидные политики на Западе понимали это. Не зря император Сигизмунд, ведя речь о планах крестового похода, считал необходимым подчеркнуть, что все земли, отвоеванные у турок и некогда принадлежавшие византийцам, к ним же обязательно и вернуться.

³ См.: *Halecki O. La Pologne...* P. 56–57.

ломатических контактов, то можно выявить общую закономерность, которая пронизывает содержание поздневизантийской внешней политики. Она состоит в том, что Византия пыталась в этот период играть роль посреднической, объединяющей, консолидирующей силы в европейской политике. Это видно на множестве примеров. В 1402 г. Мануил II Палолог предлагает Венеции урегулировать отношения с Генуей. Затем на протяжении многих лет император упорно пытался погасить венгерско-венецианский конфликт. Хотя эти попытки так и не увенчались успехом, нигде посредническая политика Византии не проявилась так наглядно. На то были веские причины. Оба этих государства – Венгрию и Венецию – связывала с Византией общая проблема: турки и необходимость вести борьбу с ними. Затяжной и трудноразрешимый конфликт развел по разные стороны наиболее вероятных и естественных союзников. Если Венгрия, которую Сигизмунд объединял личной унией с Германской империей, с тех пор концентрировала в себе мощь континентальной Европы, то Венеция обладала огромным потенциалом на море. Однако альянс этих двух сил, которые византийские дипломаты настойчиво пытались примирить, так и не стал реальностью. Если вспомнить, что их противостояние прямо или косвенно затрагивало весь спектр европейских государств, то надо признать, что этот конфликт в глазах византийского императора был наиболее трагическим фактом.

Ту же самую закономерность можно констатировать, если обратиться к истории переговоров по поводу церковной унии. С самого начала они протекали на фоне кризисов, имевших место в латинском мире. И здесь установка греков на достижение всеобщего компромисса оставалась неизменной. Контакты на церковной почве начались, когда западная схизма еще продолжалась. Византийцы относились к ней негативно и, в сущности, не скрывали этого. Византийское посольство на Констанцском соборе не начинало переговоры до того момента, пока не был избран всеми признанный папа, и со своей стороны даже внесло посильный вклад в это дело. Перспектива унии и позиция греков ускорили разрешение кризиса в западной церкви. Когда в 1416 г. арагонский король наконец отрекся от антипапы Бенедикта XIII, то в качестве одного из мотивов

этого решения назвал открывающуюся возможность скорого объединения с восточными христианами⁴.

Во время переговоров, которые впоследствии велись на Базельском соборе, византийцы исходили из тех же принципов. Грек Исидор в своей приветственной речи главный упор сделал на необходимости внутреннего умиротворения латинского Запада. С самого начала византийцы твердо дали понять, что обязательной предпосылкой унии должна стать взаимная договоренность между папой и депутатами собора, т. е. в первую очередь между самими латинянами. Громадные силы были положены императором на то, чтобы примирить два конкурирующих посольства, которые прибыли в Константинополь осенью 1437 г. Внутреннюю конфронтацию в западной церкви греки не пытались обратить себе на пользу, а отчаянно пытались погасить ее.

В современных исследованиях, посвященных истории церковной унии, как правило, упоминается политическое завещание императора Мануила II, которое незадолго до своей смерти он оставил своему сыну и наследнику Иоанну VIII. Вот что мы находим в хронике Георгия Сфрандзи, который вкладывает в уста императора следующие слова: «Сын мой, мы точно знаем, какой страх испытывают нечестивые перед тем, что мы сможем договориться и объединиться с франками (имеются в виду латиняне. — Н. П.); ведь они понимают, что если это случится, то громадный урон понесут они от западных христиан. Поэтому трудись во имя унии с латинянами, ибо именно так ты сможешь внушать страх нечестивым, но остерегайся на самом деле заключить ее, так как не вижу я, чтобы наши [подданные] готовы были объединяться с латинянами; боюсь, что из-за этого схизма станет еще глубже, а мы же останемся без защиты перед нечестивыми»⁵.

Свидетельство Сфрандзи вызывает разные мнения по поводу его достоверности⁶. Однако в любом случае оно весьма точно отражает характер политики императора Мануила II. В его пони-

---

⁴ См.: Viller M. Op. cit. P. 29.

⁵ Цит. по: *Dieten van J.-L. Silvester Syropulos...* S. 161.

⁶ См.: Ibid. S. 163–164.

мании уния никогда не становилась самоцелью, но была средством, позволявшим наладить контакты с Западом, особенно когда это было крайне необходимо. Показательно, что диалог на почве этой проблемы усиливался в наиболее кризисные для империи моменты. Так было в 1411 и в 1421–1422 гг. Когда же внешнеполитическое положение несколько стабилизировалось, что произошло в последние годы жизни Мануила II, византийская сторона сознательно заморозила переговоры, к которым ее активно начал подталкивать папа Мартин V.

Перспектива унии, таким образом, должна была по крайней мере сдерживать агрессивность турок, что, однако, еще не означало их полного сокрушения. Именно эта концепция стратегического сдерживания, которая исключала возможность крестового похода в его классическом понимании, очевидно, и определяла тактику императора в отношениях с Западом. В лучшем случае византийский правитель надеялся с его помощью выбить турок из Европы. Уния или даже одно движение к ней должны были стать фактором сплочения христианского сообщества, способного положить конец наступлению османов. Но главным препятствием на этом пути была внутренняя разобщенность самого Запада, и ее преодоление, безусловно, являлось одной из главных задач византийской политики. В этой связи предстоит решить вопрос о том, насколько такого рода установка соответствовала реалиям западного мира.

3.2. Византия и концепция европейского универсализма

Политическая система Запада на рубеже XIV–XV вв. находилась под воздействием разнонаправленных тенденций интеграции и дезинтеграции⁷. Византийцам пришлось столкнуться с тем и с другим. Возраставшая политическая разобщенность западных государств, конфликтность отношений между ними заметно актуализировали в европейском политическом сознании тему войны и мира, которая подогревалась опасениями перед стремительным

---

⁷ Подробнее на эту тему см.: *Wallach R.* Das abendländische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig; B., 1928. S. 34–44.

наступлением ислама⁸, тем более что с 1378 г. сама католическая церковь стала жертвой национальной дезинтеграции. Конциляризм, в свою очередь, был попыткой положить предел дроблению христианского сообщества. Хотя внешне он имел много общего с национально-церковным движением, все-таки не был идентичен ему. Напротив, конциляризм стремился подвести под это движение принцип иерархического соподчинения церкви национальной и церкви римско-католической, реализуя его через церковный собор⁹. Этот институт в своем новом качестве становился выразителем церковно-религиозного единства латинского мира в условиях его прогрессирующего политико-государственного размежевания.

Именно в качестве интегрирующего фактора конциляризм сомкнулся с империей, которая наряду с папством и церковными соборами также являлась традиционным носителем универсалистских тенденций¹⁰. Упадок папства открыл для империи новые перспективы подъема. Этот вывод ярко демонстрирует политика Сигизмунда Люксембургского. В его лице получили второе рождение старые претензии германского императора на роль покровителя церкви и всего западного христианства. Действительно, именно ему принадлежала ведущая роль в преодолении схизмы. Но активность Сигизмунда не ограничивалась делами церкви. Непрерывно с его стороны следовали акции, направленные на внутреннее объединение Европы, что мотивировалось необходимостью вести борьбу с исламом. Поэтому идея крестового похода была постоянным спутником его правления.

Эта политика германского императора в значительной степени вдохновлялась и оправдывалась общественными настроениями, преобладавшими в тот период. Как уже было замечено, пацифист-

---

⁸ См. об этом: *Mertens D.* Europäischer Friede und Türkenkrieg im Spätmittelalter // *Zwischenstaatliche Friedenswahrung in Mittelalter und Früher Neuzeit.* Köln, 1991.

⁹ См.: *Wallach R.* Op. cit. S. 41.

¹⁰ См.: *Ibid.* S. 42. См. также: *Angermeier H.* Das Reich und der Konziliarismus // *NZ.* Bd. 192. 1961. S. 529–583; *Engels O.* Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil // *Das Konstanzer Konzil* / Hrsg. von R. Bäumer. Darmstadt, 1977. S. 369–403.

ская риторика, призывавшая к прекращению войн и конфликтов в Европе перед угрозой с Востока, становится характерной чертой публицистики и темой выступлений на общественных форумах. Самой яркой фигурой в этом смысле можно назвать Дитриха Нимского. В написанном незадолго до Констанцкого собора трактате «*De scismate libri tres*» этот немецкий автор, размышляя над причинами поражения христиан в битве под Никополем, делает вывод, что катастрофы не произошло бы, если бы во главе войска стоял сильный император, а немцы и французы тогда не стали бы решать вопрос о первенстве¹¹. Принцип европейского единства в интересах защиты христианства впоследствии активно проповедуется им же на Констанцском соборе. В одном из своих сочинений Дитрих проводит параллель между Клермоном и Констанцем, полагая, что закономерным финалом последнего церковного собора тоже должен стать крестовый поход, возглавляемый императором. При этом уже и сам крестовый поход преподносится как объединяющий христиан фактор¹². Иными словами, он выступает как конечная цель консолидации и одновременно как ее средство.

Определить, какая из этих двух функций преобладала в пропаганде крестового похода, почти невозможно¹³. Европейская политика императора Сигизмунда постоянно была ориентирована на идею крестового похода. С одной стороны, в этом была реальная потребность. Турецкая проблема была для него, венгерского короля, всегда актуальной. В 1415 г. Констанцкий собор даже обратился ко всем христианам с призывом оказывать Венгрии помощь в борьбе против турок, особенно пока ее правитель находится за пределами своего королевства¹⁴. С другой стороны, эта идея

---

¹¹ См.: *Dietrich von Niem. De Scismate libri tres*. Leipzig, 1890. S. 331.

¹² АСС. III, 307.

¹³ В этом была характерная черта трансформации крестоносной идеи Позднего Средневековья: крестовый поход рассматривался как стимул и способ урегулирования отношений между государствами – см.: *Нуждин О. И.* Крестоносная идея в отношениях между Англией и Францией середины XIV – первой половины XV в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI науч. Сюзюмов. чтений. Екатеринбург, 2003. С. 66–68.

¹⁴ АСС. IV, 659–662.

служила Сигизмунду основанием для его вмешательства в международные отношения, что укрепляло престиж и значение империи¹⁵.

Все сказанное необходимо для понимания того, что универсалистские тенденции в Европе первой половины XV в., нашедшие опору в конциляризме и империи, не могли обойти стороной проблему Византии. Политика императора Сигизмунда стремилась охватить все значимые точки международных конфликтов, подрывавших стабильность в Европе. На этот же уровень он пытался поднять и вопрос объединения с греками. Показательно в этом отношении его письмо к английскому королю Генриху IV от 1412 г.¹⁶. Сигизмунд писал последнему о своих посреднических усилиях в целях примирения Польши с Тевтонским орденом (польский король Владислав Ягеллон как раз в тот момент посетил Буду), о своих планах в ближайшее время добиться уступок от Венеции. Далее речь шла о предстоящем осенью того же года Франкфуртском рейхстаге (который, правда, так и не состоялся). Сигизмунд предлагал королю отправить туда своих делегатов, чтобы обсудить перспективы урегулирования конфликта аристократических группировок во Франции – бургиньонов и арманьяков. Безусловно, через это открывалась бы возможность прекращения и самой Столетней войны, чего упорно добивался германский император. На том же рейхстаге, как считал Сигизмунд, следовало также определить время и место для церковного собора, на котором, как он

---

¹⁵ Подробнее об этом аспекте идеи крестового похода в политике Сигизмунда см.: *Erkens F. Überlegungen zur Balkan- und Orientpolitik Sigismunds von Luxemburg // Studien zum 15. Jahrhundert / Hrsg. von J. Helmuth. München, 1994. S. 759–761.* Собственно, ту же функцию, призванную укрепить авторитет монарха, играла идея крестового похода и при Генрихе V английском, которому в ходе Столетней войны почти удалось достичь объединения своего королевства с Францией. Как раз ему принадлежала инициатива отправить в Польшу и Константинополь Жильбера де Ланнуа, чтобы проверить возможность ее воплощения. Что касается курии, то для нее идея крестового похода приобретала еще более прагматическое значение. Под предлогом крестового похода папа мог и дальше собирать доходы, которые в противном случае могли пойти в казну светских правителей. Одним словом, прагматизм все сильнее заслонял собой прямое назначение этой идеи в рассматриваемый период.

¹⁶ *Sigismund von Luxemburg. Brief an König Heinrich IV von England // ACC. I, 88–92.*

надеялся, будет заключена уния с греками. Чтобы этот собор состоялся, по его мнению, должны были потрудиться все светские князья.

Как видно на данном примере, вопрос о греках рассматривался Сигизмундом в качестве одного из пунктов его общеевропейской политики, которая – под знаменем умиротворения – призвана была возвысить авторитет императорской короны на Западе. Финалом всех этих мероприятий провозглашался крестовый поход, ради которого якобы и требовалось положить конец войнам на континенте. Вопрос о западной схизме Сигизмунд здесь не поднимает вовсе, что подтверждает ранее уже высказанную мысль о том, что предстоящий собор предназначался им первоначально исключительно для преодоления схизмы восточной.

Универсалистские тенденции в политике Сигизмунда побуждают его обратиться к старой проблеме о природе и соотношении двух империй – западной и восточной. Свои суждения на эту тему он изложил в одном из писем византийскому императору Мануилу II от 1412 г. Сама постановка вопроса напрямую оправдывалась перспективой церковной унии. Иными словами, религиозное единство, по мнению Сигизмунда, следовало скрепить единством политическим. Решение проблемы он видел в том, чтобы изменить традицию титулования. При этом он не пытался поставить под сомнение императорское достоинство византийского правителя и пожелал, чтобы тот продолжал свободно им пользоваться. Изменение состояло лишь в том, что василевсу ромеев было предложено отныне именовать себя «*imperator Graecorum*», чего никогда не было в византийской государственной практике. Новый титул подчеркивал национальные границы его власти, тогда как император Запада сохранил бы за собой прежний титул «*imperator Romanorum*». Оставшееся противоречие Сигизмунд снимал, ссылаясь на традиции позднеримской государственности, напомнив Мануилу II о том, что «в давние времена многие императоры приобретали себе помощников, чтобы шире могла простираться их власть»¹⁷. Таким образом,

---

¹⁷ ACC. I, 397: ...si esset suspicio in materia de temporalibus seu de imperio Graecorum, responderetur, non esse verendum, quia plurimi imperatores ab antiquo adiunxerunt sibi cooperatores, ut longe lateque diffusa imperii ditio et potestas possit

восточному императору отводилась роль младшего коллеги по отношению к западному.

Тремя годами ранее этой же темы коснулся и Жан Жерсон, представивший французскому королю свой трактат об унии с греками в 1410 г. Руководитель Парижского университета, являвшегося ведущим центром конциляризма, всерьез считал, что византийская государственная доктрина ойкуменизма является препятствием к единству церкви. Об этом говорят следующие его строки: «Людям доброй воли требуется не столько один светский правитель, сколько один духовный. Этот тезис соответствует нашему мнению о греках, если те захотят сказать, что император Константинопольский должен считаться главой всего земного мира, как правопреемник Августа, Цезаря и Константина. Справедливость же нашего тезиса исходит из того, что людьми должны управлять и объединять их не столько одинаковые гражданские и политические законы, сколько общая вера и догматы»¹⁸.

Стоит обратить внимание еще на два свидетельства, которые преподносят обсуждаемую здесь проблему в совершенно ином ракурсе. Примечательно, что они исходят от разных сторон.

В протоколах Констанцского собора за февраль 1415 г. зафиксирована речь одного неизвестного автора, которая призывает решить вопрос о ликвидации латинской схизмы методом отставки всех трех пап. В самом конце этого выступления мы неожиданно встречаем следующую реплику: «...так как король Сигизмунд, вступивший в распоряжение Римской империей, заявил, что отречется от нее и передаст императору греков, как это и было раньше – и так

---

aiori providentia moderari. Quemadmodum ita multotiens factum fuisse antiquitus hystoriographorum autentice scripturae manifeste pandunt et attestantur, sic et nos consentimus et vellemus vos permanere in titulo imperiali Graecorum et libere uti illo... ita ut nos Romanorum imperator et vos Graecorum imperator intitulareretur.

¹⁸ Gerson, 741: *Homines bonae voluntatis non adeo in tantum astringuntur habere unum caput temporale sicut unum spirituale. Haec consideratio conducit nostro proposito de Graecis, si dicere velint quod Imperator Constantinopolitanus debet cognosci pro uno et solo capite temporali totius mundi, tanquam successor Augusti, Caesaris vel Constantini. Huius considerationis veritas liquet per hocquod non est adeo expediens omnes homines gubernari et uniri per similes leges civiles atque politicas, sicut gubernari debent per unam eandemque fidem et eosdem articulos et sacramenta.*

будет, если тот пожелает со своими подданными вновь вернуться к церкви католической, — то тем более римский понтифик должен сделать то, что ему здесь предложено (т. е. тоже отречься. — *Н. П.*)»¹⁹.

Эти слова относятся к тому времени, когда сам Сигизмунд еще находился в Констанце. О достоверности же приведенного высказывания ничего сказать нельзя. Однако с ним очень созвучен еще один пассаж, который имеется у Сиропула и относится к более позднему времени. Византийский историк в своем сочинении воспроизводит речь императора Иоанна VIII, в которой василевс выражал свою готовность заключить церковную унию с Западом. Среди прочих доводов он назвал следующий: во время его визита в венгерскую столицу в 1423 г. германский император якобы заявил, что если византийскому правителю удастся осуществить эту цель (заключить унию с католиками), то он, Сигизмунд, сделает его наследником своего престола. В оправдание своего столь неординарного решения Сигизмунд якобы также указал на то, что уния с греками поможет реформировать западную церковь, так как латиняне по многим пунктам свернули с верного пути церковной реформы²⁰.

Достоверно подтвердить свидетельство Сиропула также не представляется возможным. Можно согласиться с мнением, что автор в скрытой форме иронизировал по поводу честолюбивых планов византийского императора²¹. С другой стороны, данный пассаж подчеркивает достоинство последнего, и это уже не вполне вписывается в мировоззрение историка, который стремился показать унию преимущественно с негативной стороны. Не исключено, что Сигизмунд мог на самом деле утверждать что-либо подобное. Дело в том, что мотивы, которые он, согласно Сиропулу, выдвигает, не лишены определенного смысла. В вопросе церковной реформы на Западе империя и конциляризм имели далеко

---

¹⁹ ACC. III, 89–91: ...quia iste serenissimus rex Sigismundus, cum esset assumptus ad imperium Romanorum, obtulit sic depositurum imperium et dimissurum imperatori Graecorum, quantum in ipso erat, et hoc si ille vclit redire cum suis ad ecclesiae katholice unitatem, quanto ergo magis Romanus pontifex debet hoc facere...

²⁰ Syropulos II, 44.

²¹ См.: *Dieten van J.-L. Silvester Syropulos*. S. 173–174.

не однозначные позиции. Поддержка конциляристов со стороны Сигизмунда носила очень условный характер. Ему необходим был собор в качестве сильного инструмента влияния на церковную, а через нее в значительной степени и на международную политику. Но ограничение статуса папы для него имело свои допустимые пределы. Об ориентации на национальную церковь речь вообще не шла²². В то же время Констанцкий собор, как установлено на сегодняшний день, пошел явно не по тому сценарию, который первоначально готовил ему Сигизмунд²³. Его итоги вообще весьма сильно пошатнули универалистские претензии императора. По его завершении он имел все основания сказать, что реформа церкви (в его понимании) не состоялась.

Выше уже было сказано, что Византия реально была заинтересована в том, чтобы политический климат на Западе стал как можно менее конфликтным. Отсюда ее усилия, направленные на сглаживание внутриевропейских противоречий, и негативная реакция на любое их обострение. Но не менее важно и то, что осознание миротворческого потенциала византийского фактора в какой-то степени присутствовало и на самом Западе. В этом византийцы подходили под интеграционную струю в европейской политике, которая пыталась реализоваться через империю и конциляризм. Под этим углом зрения, очевидно, и следует рассматривать пробудившийся интерес к византийцам как носителям имперской идеологии. Но если посмотреть глубже, то можно сделать вывод, что на Западе решение вопроса о грехах рассматривалось в общем русле усилий по религиозной и политической консолидации Европы, как своего рода предпосылка к этому.

Отчасти это видно уже на примере латинской схизмы и путей ее преодоления. Скорее всего, не был случайным тот факт, что в 1409 г. по решению Пизанского собора папой был выбран грек по происхождению. Избравшие его кардиналы добивались, чтобы новый папа получил всеобщее признание. Национальная принадлежность понтифика играла в этом смысле далеко не последнюю

---

²² См.: *Angermeier H.* Op. cit. S. 550–551.

²³ См.: *Boockmann H.* Zur politischen Geschichte des Konstanzer Konzils // ZKG. Bd. 85. 1974. S. 54, 56.

роль. Другого кандидата могли обвинить в политических и национальных пристрастиях. Как раз на почве национальной неприязни в 1378 г. разгорелась схизма. В случае с греком эти опасения снимались²⁴. Это же обстоятельство должно было обеспечить скорейшее объединение с Востоком. Жерсон специально акцентировал на этом внимание, когда писал: «Папа же грек по происхождению и опытный доктор теологии, так тем более с его помощью греки скорее присоединятся к нам»²⁵. Уния с греками, в свою очередь, позволила бы искоренить остатки схизмы среди латинян. Об этом Жерсон также счел нужным упомянуть.

Во время Констанцского собора разговоры о возможном объединении с восточными христианами были одним из стимулов, подтолкнувших арагонского короля отказать в своей поддержке антипапе Бенедикту XIII²⁶. Стоит обратить внимание и на такой факт. Избранный в Констанце папа Мартин V, заявивший о полной поддержке планов по воссоединению церквей, дважды назначал легатов для ведения переговоров. Правда, никто из них так и не успел приступить к своей миссии. Первый скончался в Богемии, второй легат, как уже говорилось, сохраняя за собой официальный мандат для поездки в Константинополь, сначала отправляется в Испанию. Оба региона объединяло то, что там существовала широкая оппозиция по отношению к официальной церкви. Легат, получивший назначение в Испанию, должен был принудить к отречению последнего антипапы Бенедикта XIII, который упорно не желал этого делать²⁷. Свою деятельность папский эмиссар, пользуясь статусом

---

²⁴ В этой связи можно обратить внимание на следующий эпизод. В 1455 г. в качестве кандидата на замещение папского престола фигурировал известный византийский гуманист Виссарион Никейский, который к тому времени уже давно перешел в католичество и занимал высокое положение в римской церкви. Несмотря на это его кандидатура была отклонена прежде всего ввиду греческого происхождения Виссариона – см.: *Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 1: Darstellung. Paderborn, 1923. S. 267–269.*

²⁵ Gerson, 752.

²⁶ Соглашение об этом было достигнуто после переговоров в Нарбонне, которые вел сам император Сигизмунд в 1415 г.

²⁷ Бенедикт XIII отказался признать факт своего низложения и остаток жизни провел в окружении своих сторонников в замке Пенискола в Испании.

посла в Византию, сопровождал пропагандой унии с греками. Это должно было повысить эффективность его усилий по ликвидации последнего рудимента латинской схизмы (хотя положительных результатов он не добился). О деятельности первого легата мы не знаем. Наверняка тот же статус призван был облегчить ему миссию в Богемии, которая была очагом гуситской ереси, т. е. мы видим и здесь очень похожую ситуацию, когда идея воссоединения католиков с православными должна была способствовать установлению внутреннего религиозно-политического мира на самом Западе.

В 1431 г. папа Евгений IV, принимая решение о роспуске Базельского собора, наталкивается на сопротивление депутатов. Но вопрос об унии с греками опять преподносится в качестве главной причины, требующей от латинян сохранения внутреннего мира. Противники и сторонники роспуска доказывают, что греки не захотят присоединяться к римской церкви, если в ней будет посеяна смута²⁸.

Надежда на то, что уния с Византией поможет Западу обрести внутренний мир, присутствовала в момент отправки посольства Базельского собора в Константинополь в 1437 г. Его организаторы просили послов передать византийскому императору, что греки, воссоединяясь с римской церковью, возможно, этим своим актом помогут погасить многочисленные конфликты, которые потрясали латинское сообщество. Среди них были названы Столетняя война между Англией и Францией, борьба Арагона с Анжуйской династией за Неаполь, противостояние Милана и Итальянской лиги, состоящей из Флоренции, Венеции и Генуи, а также смуты в вотчине Св. Петра²⁹. О том, какие ожидания связывались с предстоящим

---

²⁸ См.: *Viller M. Op. cit.* P. 29.

²⁹ См. инструкции Базельского собора своим послам в Константинополь в 1437 г. – CB. V, 203: *Modo cum a tantis temporibus citra inter christianissimum Francorum regem et illustrissimum principem regem Anglie super certis gera intencissima vigerit... necnon inter regem Renatum Cecilie etc. et regem Aragonum super regno Cecilie gera in regno Cecilie in partibus Neapolitanis ad presens intencissima sit ac etiam totum fere patrimonium ecclesiae extra manus ecclesiae positum sit sicque etiam inter illustrissimum principem dominum ducem Mediolanensem et ligam communitatum Florentinorum, Januencium et Venetiarum...*

вселенским собором, говорят следующие слова, которыми Базель напутствовал своих делегатов перед тем, как отправить их на Восток: «...если мы из всех сил стремимся к союзу с ними (с греками. – Н. П.), то разве они не захотят равным образом потрудиться для умиротворения сыновей наших, разве не должны они переплыть море и добраться до самых крайних провинций западной церкви, чтобы установился мир?»³⁰ Одним словом, воспроизводилась уже знакомая идея о миротворческой силе, которую заключала в себе уния с восточными христианами³¹.

Как уже говорилось, Базельский собор отнюдь не сразу озабочился проблемой греков. Безусловно, конкуренция с папой впоследствии заставила депутатов пересмотреть свою позицию. Таков традиционный взгляд. Однако он требует существенного дополнения. Скорее всего, вопрос о церковной унии стал неожиданно актуальным для Базеля не в силу противостояния с папой. В начале 30-х гг. собор вполне уверенно чувствовал себя перед понтификом. Но известно, что в тот момент первоочередной задачей собора было

После этого следовал пассаж о том, что византийский император и патриарх должны также стремиться погасить все эти войны, что обе церкви, соединившись вместе, будут трудиться во имя мира, и лишь в этом случае греки смогут рассчитывать на получение в достаточном количестве военной и финансовой помощи для себя: *...ad cedandum omnes et singulas dissensiones debent ipsi imperator Graecorum et patriarcha velle condescendere, ut unita ecclesia orientali cum occidentali ambe coniuncte cooperentur ad pacem, ut etiam inde succursum et gentium et pecuniarum in maiori numero habere possint.*

³⁰ CB. V, 203: *...si nos eorum unitatem nostris propriis sumptibus et expensis avelamus, cur et ipsi eisdem similibus expensis ad pacificationem filiorum nostrorum non avelabunt, ne omnes ipsi etiam pro tale pacificatione mare transfretare deberent et partes ultimas ecclesiae occidentalis adire pro pace danda utique sic?*

³¹ Необходимо отметить, что меры по установлению внутреннего мира в Европе провозглашались в качестве одной из главных задач уже на Констанцском соборе. Базель официально включил этот пункт в свою программу. Соборы действительно предпринимали шаги в целях прекращения наиболее острых и затяжных военно-политических конфликтов, таких, как Столетняя война, противостояние Польши и Литвы с Тевтонским орденом, и др. Кульминацией этих попыток стал мирный конгресс в Аррасе, который был создан в 1435 г. при посредничестве Базельского собора для примирения Англии и Франции (поставленная цель не была достигнута, но на конгрессе удалось примирить Францию с герцогом Бургундии). На этом фоне весьма показательно, что отправка базельского посольства в Константинополь сопровождалась пацифистской риторикой.

искоренение гуситской ереси. Возможно, именно это и подтолкнуло депутатов к тому, чтобы начать переговоры с Востоком. Если в декабре 1431 г. собор фактически самоустранился от решения этого вопроса и даже согласен был передать его в ведение папы, то в январе 1433 г. он уже по собственной инициативе, не считаясь с планами курии, снарядил посольство в Константинополь. Иными словами, объединение с греками должны были считать важным стимулом к примирению с гуситами и рассматривать как важную предпосылку к ликвидации опасной смуты в католической церкви.

На эту мысль, кстати, депутаты могли вывести сами богемские делегаты. Приехав в Базель, они призвали собор пригласить также и греков к участию в нем, объясняя это тем, что якобы имеют с ними немало общего³². Возможно, из этих соображений, а вовсе не для того, чтобы указать грекам на еретическую сущность их вероучения, депутаты в договоре с византийскими послами от 1434 г. записали о своем намерении преодолеть раскол с греками по аналогии с гуситской ересью. Таким образом, начиная переговоры с Византией, собор оценивал их опять же как фактор консолидации самой латинской церкви³³.

---

³² СВ. V, 203. Р. 299. Этот факт подтверждается и хронологическими данными. Чешское посольство приехало в Базель 4 января 1433 г. – см.: *Geschichte der Konzilien...* S. 255. В этом же месяце собор изъявил готовность начать переговоры с Византией.

³³ Этот вывод, пожалуй, можно подкрепить ссылкой еще на один факт, который, как правило, не упоминается в специальных работах по истории церковной унии. В октябре 1431 г. Базельский собор (едва успевший открыться и в тот момент еще собиравший делегатов) обратился к папе с предложением начать подготовку православно-католической унии в Польско-Литовском королевстве. Известно, что на этой почве имели место регулярные контакты между Базелем и Вильно до 1435 г. – см.: *Jablonski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955. S. 91–92.* Таким образом, переговоры с греками, инициированные собором в 1433 г., можно рассматривать как продолжение его политики, проводимой в отношении чешских гуситов и православных подданных Литвы. Уния с Востоком становилась следующим логическим звеном в полосе мероприятий собора по достижению религиозного единства и политического мира в Европе. Неизвестный византийский автор, сочинивший речь к Базельскому собору в 1436/37 гг. (идентифицируемый с греком Димитрием – см. с. 162–164) с похвалой отзывался о его действиях по прекращению гуситских войн, высоко оценил конгресс в Аррасе (см. сноску 31), указав, что все это должно увеличить шансы на грядущее объединение греков с латинянами.

Такой взгляд на проблему представляется весьма продуктивным, так как заставляет задуматься еще над целым кругом подобных вопросов. Как уже было отмечено, западный конциляризм имел универсалистскую природу. В условиях политической дезинтеграции он стремился сохранить, хотя и в своеобразной форме, универсализм церкви, не допустить ее разрушения. В этом смысле особенно большую опасность представляли ереси, имевшие явную национальную окраску, которые могли стать идеологическим фундаментом национально-ориентированной церкви. Тем более что их представители могли открыто заявлять о некоторых преимуществах православия перед католицизмом, как это делал, например, Джон Виклиф. Не случайно Констанцкий собор осудил учение последнего и так сурово расправился с Яном Гусом. Верный способ пресечь подобного рода тенденции конциляристы, по-видимому, усматривали в утверждении католической веры, свободной от каких-либо искажений, во вселенских масштабах. Предполагалось охватить ею не только восточных христиан, но и исламский мир, о чем еще пойдет речь ниже.

Уния с восточной церковью, но на условиях церкви западной, должна была, таким образом, создать для последней дополнительные ресурсы жизнестойкости и укрепить ее иммунитет к ересям. Это подтверждается и тем, что меры против них подчас принимались практически параллельно с решением вопроса о греках. Жан Жерсон еще в 1409 г., пропагандируя унию с Востоком, не преминул упомянуть в данном контексте «лживые учения, зародившиеся в Лондоне и Праге, которые вносят смуту в римскую церковь»³⁴. Спустя несколько лет Констанцкий собор выносит решения, осуждающие эти учения. При этом объединение с греками мыслится уже не иначе, как повестка следующего собора.

Но гораздо сильнее эта тенденция затем обнаруживается в Базеле. В 1434 г. собор единым пакетом рассматривает три вопроса – о соглашении с греками, о манихейской ереси в Боснии и о задуманной кампании с целью крещения евреев. 3 сентября депутаты подготовили последнюю редакцию договора с византийским

---

³⁴ Gerson, 744.

посольством (декрет «*Sicut pia mater*»). Вслед за этим на том же самом заседании вносится предложение о том, что собор должен задуматься об обращении в католичество жителей Боснии, «отравленных манихейской ересью, ибо есть надежда на то, что эту проблему можно решить по аналогии с греками»³⁵. Приведенное свидетельство, кстати, подтверждает высказанную выше версию, что именно в таком ключе депутаты соотносили между собой вопросы о греках и гуситах. Хуан Сеговианский, который описывает это заседание, пишет далее, как в мае 1435 г. император Сигизмунд сообщил собору о подчинении короля Боснии и о согласии последнего очистить свою страну от ереси, для чего депутатам следовало принять соответствующие меры; еще через месяц по настоянию Иоанна Рагузанского решено было подготовить посольство в Боснию³⁶. Но доминиканец в тот момент находился с дипломатической миссией в Константинополе. Отсюда следует, что и он ставил унию с греками в один ряд с другими подобными акциями.

Вслед за вопросами о греках и манихеях собор обсуждает еще один, который касается евреев. Как известно, 7 сентября 1434 г. XIX сессия собора заключает договор с византийцами – декрет «*Sicut pia mater*». Весьма символично, что *на этой же самой сессии* принимается второй декрет – о процедуре крещения евреев и о социальном статусе новообращенных³⁷. Судя по его содержанию,

---

³⁵ МС. II, 749–750: *Post vero plurimas agitationes inter deputatos concilii et oratores Graecorum die XXVI. Augusti cedula utrimque concordata posita in deputationibus, quamvis ibidem difficultates ingererentur super materia loci, nichilominus placuit in generali congregatione, Septembris die tertia synodali conclusionem secuta desuper. In qua per episcopum Terbipolensem propositum est per concilium intendi debere ad reductionem regnicolarum Boxne Manicheorum errore infectorum, de quibus tanta spes foret conversionis sicut et Graecorum...*

³⁶ Обо всем этом пишет Хуан Сеговианский – см.: МС. II, 750: *Circa materiam istam Februario mense anni XXXV. Imperator Romanorum significavit concilio regem Boxne submisisse sibi, et quoniam vellet ab errore converti, hortabatur diligentiam fieri per concilium pro eius suorumque regnicolarum reductione; menseque Junio Johanne de Ragusio instantiam faciente commissum est legato et Arelatensi cardinalibus praesidentibus papae... providere de ambasiatoribus ad ipsum regnum mittendis...*

³⁷ МС. II, 757–759. У Хуана Сеговианского текст этого документа приводится сразу после декрета «*Sicut pia mater*» под титулом «*De Judeis et neophitis aliud decretum pronunciatum in eadem sessione*». См. также: COD, 483–484.

замышлялась исключительно масштабная акция. Декрет предусматривал введение исключительных мер в отношении всех отказавшихся переходить в католичество, вплоть до особой формы одежды и создания гетто. При этом весьма показательно, что под действие декрета попадали не только евреи, но и вообще все иноверцы (*Judei aut alii infideles*), поэтому будущие миссионеры должны были знать один из четырех языков – еврейский, арабский, греческий или халдейский. Греков, возможно, и не приравнивали к обычным иноверцам. Включение греческого языка в этот список наверняка было продиктовано ожиданием предстоящей церковной унии и, следовательно, имело бы смысл только после ее заключения. Эта деталь указывает на прямую связь двух актов XIX сессии Базельского собора. Реализация второго декрета скорее всего должна была начаться после реализации первого, т. е. после заключения унии с греками. Одно привязывалось к другому. Объединение с восточными христианами призвано было подготовить почву для полного очищения христианства по канонам западной церкви и для максимального расширения его конфессиональных границ.

Этот универсализм пытался искать выход и за естественные пределы христианства. Теоретически считалось возможным крещение мусульман и распространение христианской религии на исламский мир. Жерсон, рассуждая о воссоединении греков и латинян, писал, что единение под эгидой вселенской церкви в конечном итоге должно охватить всех – язычников, турок, иудеев и сарацинов³⁸. Иоанн Рагузанский, находившийся в Константинополе и имевший возможность наблюдать ислам вблизи, считал решение такого рода задачи вполне допустимым. В одном из своих посланий кардиналу Чезарини он пишет о якобы возникшем смятении среди турок, причиной которого стало предсказание пророка Мухаммеда. Оно гласило, что основанная им религия просуществует восемьсот лет. Поскольку этот срок на исходе, то, как считал автор письма, «множество мусульман уже усомнилось, настоящим ли был пророк, в которого они верят». Отсюда он делал вывод, что многие из них чувствуют себя обманутыми и охотно поменяли бы

---

³⁸ Gerson, 737: Et in hac bonitate uniti esse debent omnes homines, cuiuscumque fuerint legis: pagani, Turci, Iudaei vel Saraceni.

веру, если бы только видели, что хорошо обстоят дела у христиан. «Если Бог ниспошлет единство церкви и установит мир между христианскими правителями, – писал доминиканец, – то легко будет не только Грецию, но и большую часть Азии освободить от этой зловещей секты – не из-за мощи христиан, а потому, что мусульман поразил раскол»³⁹. Если при этом вспомнить, что одновременно Иоанн Рагузанский успевал интересоваться перспективой обращения в католицизм жителей Боснии, то нетрудно еще раз предположить, что грядущее объединение с греками воспринималось им как часть глобального процесса внутренней интеграции и унификации христианства, расширения его географических границ. По всей видимости, в системе конциляризма уния означала не что иное, как превращение византийской церкви в структурно-национальное звено католической вселенской церкви.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что идея церковной унии с Востоком стала одним из источников, питающих универсалистские тенденции на Западе, носителями которых стали империя и конциляризм. В первом случае востребованной оказалась византийская доктрина об универсальной власти христианского императора. Во втором случае унию с православием воспринимали как один из аспектов общей консолидации христианского сообщества, основанного на безусловном признании католического вероучения⁴⁰, и одновременно оценивали как важнейший фактор этой консолидации. Византийское мировосприятие, также проникнутое универсализмом, теоретически могло положительно откликнуться на этот вызов. Но этот вопрос гораздо сложнее, и к нему еще предстоит вернуться⁴¹.

---

³⁹ См. письмо Иоанна Рагузанского кардиналу Чезарини от 9 февраля 1436 г.: *Seccoti*, CCVIII–CCIX. Непонятно, на основании чего у автора письма появились подобные сведения о настроениях среди мусульман.

⁴⁰ Конциляристы, несмотря на оправдательные заверения Иоанна Рагузанского в Константинополе, едва ли относились к грекам мягче, чем к еретикам, и в этом плане никакие уступки не предусматривались. Впоследствии одно из главных обвинений, предъявленных папе со стороны отколовшегося от него Базельского собора, состояло как раз в том, что римский понтифик вообще позволил византийцам во Флоренции вести свободные дискуссии с латинянами по вопросам вероучения.

⁴¹ См. параграф 3.3 настоящей главы.

Выше была сделана попытка осветить лишь один аспект влияния византийского фактора на европейскую политику. Но уже из содержания предыдущих глав явствует со всей очевидностью, что у проблемы была и другая сторона. Как уже было заявлено в самом начале, интеграционные тенденции на Западе появились в качестве ответной реакции на его внутреннюю дезинтеграцию. Вопрос о греках оказался тем материалом, который начал подогрывать уже имеющиеся межнациональные и межгосударственные противоречия. Византийцы, которые пытались осуществить принцип взаимного примирения между латинянами, едва ли могли представить, что сами станут источником жестоких коллизий, захлестнувших Запад.

Нигде не обнаружилось это так ярко, как в вопросе о выборе места для проведения греко-латинского собора. Византийцы были согласны на любой вариант в Италии. Но Базельский собор в большинстве своем не соглашался на это, опасаясь тем самым передать папе сильнейший инструмент влияния, способный погубить идею церковной реформы. Но, пожалуй, даже это обстоятельство затем отступило на второй план на фоне национальных и политических пристрастий. Предстоящий собор с греками стал рассматриваться с точки зрения политических выгод, и фактически борьба в конечном итоге вылилась в противостояние двух партий – французской и итальянской.

Это противостояние имело весьма глубокие корни. Уже авиньонское пленение пап породило взаимные нападки между итальянцами и французами. Затем на почве тех же национальных амбиций разразилась схизма⁴². Констанцкий собор не решил проблему, назначив папой итальянца Мартина V. Налицо была устойчивая тенденция к превращению папства в один из политических институтов Италии. В этом качестве оно очень слабо поддавалось и церковной реформе, не говоря уже о том, что вело к усилению антиитальянских настроений.

Стремительное возрождение французской монархии в 30-е гг. XV в., чему особенно способствовали победы в Столетней войне,

---

⁴² См.: *Wallach R.* Op. cit. S. 33–35.

не могло пройти мимо этой проблемы. Французская нация оказалась на Базельском соборе самой многочисленной и монолитной. Под ее мощным давлением и начал реализовываться план организации греко-латинского собора в Авиньоне. Насколько обоснованны были при этом обвинения французов в том, что они вместе с собором стремятся переместить туда курию, вопрос спорный. Важно еще раз подчеркнуть, что здесь следует отдельно говорить о позиции французских делегатов на Базельском соборе и политике французского двора, которая носила более взвешенный характер. Однако король Карл VII свои симпатии к авиньонскому проекту тоже мотивировал национальными интересами. Позднее он запретил своим подданным принимать участие в Ферраро-Флорентийском соборе именно на том основании, что, после того как вселенские соборы уже состоялись в Германии (Констанц) и Италии (Сиена), это право должно принадлежать Франции⁴³.

Но в Базеле со стороны радикально настроенных французов наблюдались более откровенные проявления национальной ревности, которые так взволновали императора Сигизмунда. Французы выражали недовольство тем, что немцы контролируют империю, а итальянцы – церковь. Вопрос об униатском соборе оказался на пересечении взаимных национальных претензий. Это ярко отразилось в истории с базельским посольством. С одной стороны, ему постарались придать характер общеевропейской миссии: каждый из четырех назначенных в его состав епископов представлял одну из наций – германскую, французскую, испанскую и итальянскую. Но сопроводительная дипломатическая корреспонденция была насквозь пронизана заостренной антиитальянской риторикой, за которой достаточно явно проступает французское влияние⁴⁴. Византийцев убеждали в том, что ехать на вселенский собор в Италию – это значит связать свое будущее с одной лишь итальянской нацией. Базельский собор, как известно, реформировал источники доходов для папской казны. Поэтому инициаторы посольства четко дали понять грекам, что если они поставят себя

---

⁴³ См.: Müller H. Op. cit. S. 509.

⁴⁴ См. С. 126.

на сторону папы Евгения IV, то и положиться смогут разве что на скудные ресурсы его итальянских владений, а вовсе не всей западной церкви⁴⁵. Союз с папой, таким образом, преподносился как союз с итальянцами, а не со всеми латинянами в целом. На словах итальянцам были противопоставлены три остальные нации – французская, германская и испанская. Но авторы сплошь и рядом объединяли их термином «ultramontanes», т. е. расположенные по ту сторону Альп. Это определение подразумевало прежде всего французов⁴⁶.

Действительно, наиболее серьезным конкурентом Авиньона в борьбе за право принять у себя восточную делегацию стала итальянская Флоренция. И подобно тому как проект по перемещению собора в Авиньон опирался в основном на французов, действия папы в противоположном направлении получили мощную поддержку в итальянских кругах. Французская корона выражала свою заинтересованность весьма пассивно. Зато в распоряжении папы оказались не только услуги его сторонников на Базельском соборе, но и огромный политический ресурс. Это связано с тем, что главными союзниками понтифика стали его соотечественники-венецианцы. Без их помощи Евгений IV не имел бы возможности в столь сжатые сроки снарядить и отправить собственное посольство в Константинополь. Показателен и следующий факт. Базельское посольство изготовило для греков охранные грамоты от многочисленных правителей и городов Европы, что создавало ему имидж общеевропейского представительства. В то же время папская делегация имела при себе лишь несколько подобных документов. Мало того, что они были выданы исключительно от итальянских городов, но к тому же еще и были написаны по венецианскому шаблону.

В распоряжении папы оказался венецианский флот, команда лучников для охраны византийской столицы была набрана на

---

⁴⁵ См. инструкции Базельского собора посольству в Константинополь – СВ. V, 190: *Item quia aliunde succursum, iuvamen, et auxilium ipsi Graeci hodiernis temporis considerata tribulatione ecclesiae in suo patrimonio et reformatione ecclesiae in vacanciis et annatis sublati non poterunt habere, quam a nationibus Gallicana, Germanica et Hispanica.*

⁴⁶ См.: Wallach R. *Op. cit.* S. 35.

Крите, являвшемся венецианской колонией. Возможно, опасения византийского императора нарушить отношения с Венецией впоследствии сыграли не последнюю роль в его решении принять сторону папы. К этому стоит добавить, что Флоренция, где первоначально предполагалось открыть собор, являлась политическим союзником Венеции.

В венецианской политике, покровительствующей папе, итальянский национализм оказался перемешан с сугубо венецианскими политическими интересами. Этот факт вызывал стойкое неприятие у многих современников. Одним из тех, кто попытался дать оценку происходящему под таким углом зрения, был Эней Сильвий Пикколомини⁴⁷. В июне 1437 г. он изложил свои соображения в письме императору Сигизмунду⁴⁸. Автор поспешил напомнить императору, что Флоренция, которая скоро может принять у себя вселенский собор, является оплотом гвельфов, главных врагов империи на итальянской земле. Но основную тревогу у него вызывал тот факт, что за Флоренцией, как и за папой, стоят венецианцы, которые, по его словам, уже «безраздельно властвуют в Италии, за исключением разве что Ломбардии, которая подчиняется герцогу Миланскому».

Цель венецианской политики Пикколомини видел в том, чтобы установить постоянный контроль над папством и покончить с присутствием империи в Италии. Размышляя над этим, он ставил риторический вопрос Сигизмунду: «С каким хитрым умыслом, как ты думаешь, будет созван собор во Флоренции, если не для того, чтобы на соборе главенствовал папа, чтобы были назначены кардиналы (нужные папе. — *Н. П.*) и чтобы папский престол непрерывно находился в руках венецианцев, благодаря чему они приберут к своим рукам и империю?»⁴⁹ В том, что папа Евгений IV действует в интересах своих соотечественников, Эней Сильвий не

---

⁴⁷ Пикколомини (будущий папа Пий II) принадлежал к умеренным конциляристам. После раскола в мае 1437 г. он остался в Базеле.

⁴⁸ См.: Aeneae Silvii Piccolomini Senensis opera inedita. Roma, 1883. P. 63–65.

⁴⁹ Ibid. P. 65: ...ad quid paeti Concilium Florentiae credis, nisi ut papa Concilio dominetur, fiantque destinati Cardinales, et perpetuetur in Venetis Pontificatus Maximus, per quem etiam imperium nanciscantur?

сомневался. По его мнению, германскому императору следовало сделать все, чтобы собор не был созван во Флоренции. Поскольку еще оставалась надежда, что из-за финансовых проблем авиньонский вариант будет провален, он считал, что Сигизмунд должен сам явиться в Базель, и тогда ему удастся перенести собор туда, куда сочтет нужным. Но в первую очередь он призывал германского императора повлиять на позицию греков⁵⁰. Судя по всему, автор письма готов был принять его план по перемещению собора в венгерскую столицу⁵¹.

Это говорит о том, что Эней Сильвий и те, кто подобно ему оценивал ситуацию, видели опасность в том, что вопрос об униатском соборе с греками становится средством национально ориентированной политики. Фактически всего лишь субъектом такой политики стал и сам папа. В этом смысле Флоренция как место проведения вселенского христианского форума казалась едва ли лучшим вариантом, нежели Авиньон. В обоих случаях уния с Востоком не обещала установить единство на Западе, но становилась фактором раскола.

Ферраро-Флорентийский собор действительно практически не получил настоящего признания за пределами Италии. Разрыв между папой и Базелем дал повод светским правителям сделать выбор между этими двумя полюсами. Арагонский король Альфонс V открыто перешел на сторону Базеля. К этому же склонялся французский двор, несмотря на формальный нейтралитет. О нейтральной позиции заявили также немецкие князья и австрийский герцог Альбрехт⁵². Начавшийся собор на самом деле становился делом итальянской нации. Не случайно впоследствии под его главным декретом «*Laetentur Coeli*», которым в 1439 г. была провозглашена церковная уния с Византией, 70 процентов подписей принадлежали именно итальянцам⁵³.

---

⁵⁰ См.: Aeneae Silvii Piccolomini Senensis opera inedita. P. 65: Prius tamen Graecos de tua mente monendos utile arbitrare...

⁵¹ Как уже говорилось, за год до этого Пикколомини добивался перемещения собора в Сиену.

⁵² Об отношении наиболее значимых политических фигур к папе и Базельскому собору см.: Meuthen E. Papst Eugen IV... S. 218–233.

⁵³ См.: Helmuth J. Die lateinische Teilnehmer... S. 156–157.

Когда в 1453 г. на Западе господствовало мнение о том, что падение Константинополя – это божья кара, понесенная греками за игнорирование ими флорентийской унии, то удивительным диссонансом прозвучало суждение одного австрийского клирика. «Я не знаю, – говорил он, – за ниспровержение каких врагов веры христианской должен я молить Господа. Если попрошу его обратить гнев свой против турок, то боюсь, что мольба моя не будет услышана. Ведь недавно Господь послал их несметное войско, чтобы осадить и взять Константинополь – тот самый город, который под влиянием папы разорвал договоры, заключенные перед этим с Базельским собором. Но возмездие до конца еще не свершилось. Кто знает, не найдет ли Господь снова турок, чтобы в наказание отдать им на разграбление Рим и Италию»⁵⁴. Как видно из этих слов, Флорентийский собор воспринимался в данном случае как союз Византии с папой, а последний стойко ассоциировался с итальянской нацией, из-за чего, по мнению автора, и Италия должна была вместе с греками понести заслуженную кару.

В связи с этим следует сказать еще об одном аспекте. Для Византии ориентация на папство не принесла практически никакой пользы. Но для противоположной стороны последствия оказались весьма значительными. Византийский фактор в руках папы стал тем средством, которое обеспечило ему победу над западным конциляризмом⁵⁵. Это стало возможным в результате того, что Ферраро-Флорентийский собор, противопоставленный оппозиционному Базелю, восстановил статус римского понтифика в том виде, в котором он оспаривался конциляристами. Прежде всего в этом отношении союз с греками был выгоден папскому престолу. То,

---

⁵⁴ Codex diplomatico-historico-epistolaris. Augsburg, 1729. Pars III. P. 331: ...nesciens pro quorum Christianae fidei inimicorum suppressione debeam exorare. Si enim oravero pro Teucris improspérité, timeo, Domino Deo, velle repugnare. Ipse enim Teucer servire fecit exercitum suum multum valde in obsidionem et acquisitionem urbis Constantinopolitanae, quae pacta inita cum concilio Basiliensi, sciente et favente Papa tunc existente, irrita fecit: et merces condigna huic servituti non est sibi data. Quis scit, si forte pro huiusmodi salario recompensando Dominus sibi tradiderit Romam et Italiam spoliandas.

⁵⁵ Базельский собор, перешедший в оппозицию к папе после известных событий, просуществует до 1449 г., после чего бесславно уйдет с исторической сцены.

как на униатском соборе был решен вопрос о папском примате, означало серьезные последствия в первую очередь для западной церкви.

Византийцы традиционно считали главным препятствием для заключения унии чисто догматический спор о *filioque*. Все остальные пункты казались им второстепенными. Поэтому, когда дискуссии по данной проблеме закончились, они склонны были считать, что более глубоких разногласий с латинянами не существует⁵⁶. Постановка вопроса о примате в весьма неожиданной для них форме была навязана папой. Греки никогда не отрицали примат Рима над восточными патриархатами, но трактовали его исключительно как первенство чести, не имеющее прямого отношения к церковной юрисдикции. Требования, предъявленные папой во Флоренции, простирались гораздо дальше, и на самом деле решение этого вопроса имело гораздо большее практическое значение для самой западной церкви. Принятые на Флорентийском соборе формулировки о папском примате опровергали ранее утвержденные концилиарные представления о главе римской церкви и в полном объеме возвращали ему авторитет наместника Христа. Отменялся основополагающий для конциляризма тезис о супрематии церковного собора. Тем самым на Западе восстанавливалась традиционная монархическая структура церкви⁵⁷.

С поражением концилиарного движения факторы универсализма в Европе сходят на нет⁵⁸. На фоне восстановленной иерархической

---

⁵⁶ См.: *Leidl A. Die Primatsverhandlungen auf dem Konzil von Florenz* // АНС. Bd. 7. 1975. S. 272.

⁵⁷ См.: *Ibid.* S. 288–289.

⁵⁸ То, что конциляризм, как уже было отмечено, ориентировался на идеи политического и христианского универсализма, доказывают взгляды и жизненные позиции ряда виднейших деятелей, следовавших этому течению и продолжавших следовать ему уже после всех описанных событий, означавших необратимый упадок соборного движения. Их выбор в той ситуации был неординарным. Николай Кузанский и кардинал Чезарини перешли на сторону папы, Хуан Сеговианский и Иоанн Рагузанский сохранили верность Базельскому собору. Это же сначала сделал Эней Сильвий, который лишь много позднее перешел к папе Николаю V (1447–1455) и впоследствии сам стал папой под именем Пий II (1458–1464). Но всех их объединяла общая направленность мыслей и поступков. Кардинал

организации церкви начинает неуклонно падать статус империи, а ее влияние в Италии необратимо ослабевать. В Германии в выигрыше оказались князья, в Италии – территориальные государства⁵⁹. Политической реальностью этого же порядка можно считать процесс продолжавшейся италиянизации папства, ставший знаковым явлением времени. Возвращаясь назад, необходимо признать, что Эней Сильвий был весьма точен в своих прогнозах относительно последствий переноса церковного собора во Флоренцию.

В XV в. на Западе полным ходом шел процесс национально-государственного раздробления. Папский Рим все сильнее отождествлялся с Италией и в этом смысле противопоставлялся регионам, расположенным по другую сторону Альп. Политические реалии были таковы, что отношение западных держав к папе напоминало отно-

---

Чезарини после заключения унии на Флорентийском соборе неожиданно выступил с публичной защитой конциляризма, – характер его убеждений является и по сей день непостижимой загадкой для исследователей (См.: *Meuthen E. Die lateinische Teilnehmer... S. 194–198*). Кардинал впоследствии был активным сторонником крестового похода против турок и погиб в 1444 г. в печально знаменитом сражении под Варной. Николай Кузанский до конца жизни вынашивал универсально-политические идеи, в которых значительную роль отводил институту империи (см.: *Meuthen E. Die universalpolitischen Ideen des Nikolaus von Kues in seiner Erfahrung der politischen Wirklichkeit // QFIAB. 1957. Bd. 37. S. 192–216*), а после падения Константинополя в 1453 г. считал необходимым организовать новый крестовый поход на Восток. Об этом же мечтал Эней Сильвий, который, впрочем, всерьез допускал возможность добровольного крещения мусульман (о подобных взглядах у Иоанна Рагузапского уже было сказано). Эту идею он, став папой, выразил в своем знаменитом письме к турецкому султану Мехмеду II, завоевателю Константинополя, в надежде осуществить таким способом новую трансляцию универсальной империи. О мирном обращении мусульман в христианство размышлял и Хуан Серовианский (см.: *Southern W. R. Das Islambild des Spätmittelalters. Stuttgart, 1981. S. 59–63, 66–69*).

⁵⁹ См.: *Huter F. Niedergang der Mitte, Aufstieg der Randstaaten Europas im Spätmittelalter // Historia mundi. Bd. 6: Hohes und spätes Mittelalter. Bern, 1958*. Дело в том, что добиваться признания, конкурируя с перешедшим в оппозицию Базельским собором, папе приходилось, кроме всего прочего, ценой уступок в отношении территориальных правителей. Эта политика стала одним из факторов усиления княжеского суверенитета в Германии и ослабления империи, в том числе ее позиций в Италии.

шение к нему как к одному из итальянских суверенов⁶⁰. В этих условиях церковная уния с Востоком тоже начинала рассматриваться как часть европейской политики, сквозь призму временных политических интересов. В аспекте такой политики вселенский собор с участием восточных христиан оценивался как атрибут национального и государственного престижа.

Вместе с тем была и другая, хотя и менее стойкая тенденция, опиравшаяся на западный конциляризм, которая была нацелена на сохранение целостности и консолидацию христианского мира вместе с его восточным ареалом. Здесь уния с византийцами рассматривалась именно в этом глобальном аспекте – как важная предпосылка для примирения всех стран и народов и объединения их на базе универсальной церкви, управляемой собором. С другой стороны, византийцы тоже стремились играть на Западе роль объединяющего фактора. Их нацеленность на устранение внутренних конфликтов между самими латинянами была очевидной. Теоретически это должно было сближать византийцев с конциляристами и в итоге привести их не в Италию, а в Базель. Однако этот выбор был отвергнут ими с самого начала. В этой связи обоснованной представляется постановка вопроса о причинах ориентации Византии на папство.

3.3. Союз с папством как выражение имперских стереотипов византийской политики

Ориентация внешнеполитического курса Византии на заключение церковной унии была закономерной на фоне ограниченных возможностей каких-либо других методов. Однако историческая ситуация на Западе давала возможность выбора путей достижения

---

⁶⁰ Это видно уже по тому, как восстанавливались отношения европейских монархов с папой, нарушенные в результате церковного раскола. Все решали государственные интересы. Французский король Карл VII, не признав Ферраро-Флорентийский собор, вместе с тем постарался сохранить отношения с самим папой и впоследствии полностью нормализовать их, тем более что папа признал особый статус галликанской церкви. Примирение с Альфонсом V Арагонским стало возможным после того, как тот сумел в 1442 г. захватить Неаполь (арагонские делегаты тут же были отозваны из «мятежного» Базеля).

этой цели. Со времен Констанцкого собора византийцы могли вести переговоры о воссоединении церквей с учетом тех перспектив, которые открывало для них соборное движение в западной церкви. Принцип подчинения папы авторитету церковного собора означал в данном случае, что римский престол уже не мог просто диктовать грекам свои условия⁶¹. Теоретически это открывало широкие возможности для ведения переговоров. Еще один немаловажный аспект состоял в том, что за реформаторскими соборами первой половины XV в. стояла светская Европа и деятельность самих соборов не ограничивалась вопросами одной лишь церкви. Когда послы из Базеля убеждали императора Иоанна VIII в том, что их поддерживают западные государи, то это были не пустые слова. Более сильным преувеличением было утверждение их противников, что Запад в основном на стороне папы. Тем не менее византийцы отправились не в Базель, а в Италию.

Выбор греков был не случаен. Здесь пересеклись факторы идеологического, теологического, политического характера. Уже на Констанцком соборе они не желали начинать какие-либо переговоры, пока не состоялись выборы папы. В Базеле на все решения, касавшиеся унии, византийцы требовали санкции понтифика. Его присутствие на будущем униатском соборе было выставлено как условие *sine qua non*. На их позицию едва ли мог повлиять вопрос об идейно-догматической стороне переговоров. Папа и собор были единодушны в том, что рассматривали унию с греками как их возвращение в лоно римской церкви⁶². Правда, внешне позиция папы отличалась некоторой уступчивостью. Предоставленная грекам возможность свободно обсуждать спорные догматические вопросы с латинянами была той ценой, которую папа готов был заплатить, чтобы победить в борьбе со своими конкурентами из Базеля⁶³. Однако в конечном итоге выбор византийцев был, по всей видимости, обусловлен не этим. Говоря о причинах своеобразной про-

---

⁶¹ См.: *Мейендорф И.* Флорентийский собор. причины исторической неудачи: Пер. с англ. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 191.

⁶² См.: *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 67.

⁶³ См.: *Beck H.-G.* Byzanz und der Westen. S. 147.

папской ориентации греков, необходимо указать на противоречие двух систем церкви.

Как уже было отмечено, византийские представления о церкви основывались на известной теории пентархии, согласно которой римский епископ являлся одним из пяти вселенских патриархов, ответственных за латинский Запад. Отсюда вытекала и традиционная для византийцев концепция вселенского собора, которую они упорно навязывали латинянам. Непременным атрибутом такого собора являлось присутствие всех пяти вселенских патриархов либо их полномочных представителей. Отсутствие хотя бы одного из них автоматически лишало постановления собора законной силы. Поэтому византийцы не могли вообразить себе акт заключения унии без участия папы⁶⁴.

Однако лишь этим проблема не исчерпывается, иначе византийцы могли удовлетвориться присутствием папы в том же самом Базеле. Тем не менее они с самого начала твердо дали понять, что уния должна быть заключена в другом месте, а Базельский собор сначала должен быть распущен. Этот вопрос стал главным камнем преткновения на переговорах. Оппозиция большинства депутатов по отношению к папе сделала их здесь особенно непримиримыми. Византийцы отказывались ехать в Базель, официально мотивируя это тем, что туда предстоял долгий и изнурительный путь. Но, по-видимому, гораздо важнее для них было соблюдение остальных условий, обеспечивавших церковному собору действительно вселенский характер. Униатский собор, к которому готовились греки, не мог выглядеть как простое продолжение Базельского конгресса, так как последний не соответствовал классическим канонам проведения первых семи вселенских соборов. Согласно этим канонам исключительное право созыва вселенского собора принадлежало византийскому императору. Совершенно иначе выглядела и структура такого собора.

В практике реформаторских церковных соборов на Западе утвердился принцип национального представительства⁶⁵. Но пред-

---

⁶⁴ См.: *Sieben H. J.* Op. cit. S. 189–190.

⁶⁵ См. с. 50.

лагаемая в Базеле система с представительством наций, по всей видимости, была несовместима с утверждениями, что византийский император все еще является номинальным главой мирового христианства, а восточная делегация представляет собой вторую половину церкви⁶⁶. Если бы греки прибыли в Базель, то могли оказаться там на положении одной из паций – именно как греки, а не ромеи. В связи с этим весьма показательным выглядит следующий эпизод. Грек по имени Димитрий, который из Базеля продолжал поддерживать контакты с императором после приезда последнего в Феррару⁶⁷, в своем письме употреблял по отношению к византийскому правителю обращение «*imperator Graecorum*». Со стороны византийского автора данный факт можно считать сознательным и грубым нарушением порядка титулования, которого он не мог не знать. Если согласиться с мнением исследователя о том, что это было сделано под непосредственным влиянием базельцев⁶⁸, то тем самым доказывается та значимость, которую имела для них подобного рода формальность⁶⁹.

---

⁶⁶ См.: Мейендорф И. Указ. соч. С. 93.

⁶⁷ См. с. 162–164.

⁶⁸ См.: Hajdú K. Op. cit. S. 131.

⁶⁹ К этому следует добавить ряд наблюдений. Базельский собор был не совсем последователен в употреблении титула византийского императора. В декретах и распоряжениях собора, касающихся унии (в декрете от 7 сентября 1434 г., в его второй редакции от 14 апреля 1436 г., в охранно-пропускной грамоте от того же числа), фигурирует формулировка «*imperator Graecorum*». Однако в тексте последнего декрета (7 мая 1437 г., когда и произошел раскол) василевс именуется «*imperator Romanorum*», что выглядит странно. Последний титул прилагался только к германским императорам. Издатель текста усматривает в этом ошибку и полагает, что на самом деле следует читать «*imperator Romeorum*» (см.: COD, 510). Эту латинскую транскрипцию от греческого «ромеи» постоянно употреблял сам византийский император в дипломатических актах. Однако в декрете, который был принят папским меньшинством на той же сессии, вновь появляется выражение «*imperator Romanorum*». Можно допустить, что последняя партия могла манипулировать этой формулировкой, подыгрывая державным чувствам византийцев с целью привлечения их на свою сторону, и что тот же козырь попытались отбить их противники. Подобный шаг, однако, мог вызвать неприятную реакцию со стороны императора Сигизмунда, что было невыгодно партии большинства (другая сторона фактически уже шла к разрыву с ним). Что касается папы, то он в обращениях к византийскому императору называл его только «*imperator Romeorum*».

В то же время папский собор в Италии соответствовал традиционным византийским представлениям о вселенском соборе, построенном на соблюдении принципов пентархии⁷⁰. Но подобного рода представления не вписывались в идеологию и церковно-политическую практику западного конциляризма. Проходившие на Западе церковные соборы не только по своей структуре, но и по характеру своих задач могут считаться первыми представительными конгрессами европейских наций, несмотря на всю условность этого понятия применительно к XV в.

Эта новая для Запада реальность стала причиной того, что латинские и византийские интеллектуалы оказывались порой в ситуации взаимного непонимания и духовного отчуждения. Такая ситуация, например, возникла, когда в Базеле депутаты отказались признать вселенским собор, который император и папа намеревались созвать в Константинополе. Главный аргумент состоял в том, что группа прелатов во главе с одним папским легатом не может выступать от имени всего латинского Запада. В лучшем случае депутаты согласны были считать такой собор партикулярным, сохранив за собой право дальнейшей ратификации его решений в Базеле. Стороны исходили, таким образом, из разных теоретических посылок в своих представлениях о вселенском соборе. В этом смысле позиция папы была византийцам гораздо ближе, нежели позиция Базеля.

Как известно, восточная теория пентархии была оборотной стороной идеи универсальной христианской империи, так называемой идеи ойкуменизма. Реальная почва для нее в поздневизантийский период была давно утрачена. С XIV в. наблюдается кризис этой политической доктрины, проявившийся в критическом отношении к ней со стороны византийской интеллигенции⁷¹. Тем

---

⁷⁰ К вопросу о сравнении принципов организации и функционирования Базельского и Ферраро-Флорентийского собора см.: *Helmuth J.* Die lateinische Teilnehmer... S. 165–176; *Leidl A.* Die Einheit der Kirchen... S. 112–116; *Schultze B.* Das letzte oecumenische Einigungskonzil theologisch gesehen // OCHP. 1959. Vol. 25. S. 288–308.

⁷¹ См.: *Поляковская М. А.* Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981. С. 56–60.

не менее ее идеи продолжали культивироваться официальной политической пропагандой. В истории Византии они были не просто абстрактной теоретической конструкцией, но и находили практическое выражение в международных делах.

Условия последних десятилетий византийской истории резко ограничили поле функционирования подобного рода идей, однако жесткая привязанность константинопольского патриархата к империи лишь увеличивалась по мере того, как уменьшались границы реальной власти императора и патриарха⁷². На исходе XIV столетия наблюдается своеобразная трансформация теории ойкуменизма. Знаменитое послание патриарха Антония великому князю московскому Василию I вскрывает интересную метаморфозу, которую испытали в этот период два института власти в Византии – империя и церковь. Смысл ее состоял в том, что отныне церковь должна была отстаивать светский универсализм, опираясь на тезис о неразрывном единстве и неотделимости империи от церкви⁷³. Можно предположить, что в международном аспекте принцип нерасторжимости этих институтов нашел отражение в той особой ценности, которую приобрело для греков старое учение о пентархии. Пентархическая теория, с одной стороны, поддерживала престиж восточной церкви, а с другой – оправдывала подход к международным делам с позиций той же ойкуменистической доктрины, когда политический компонент ее, утверждавший универсализм власти византийского императора, не выдерживал никакой критики.

В таком случае еще более понятным становится выбор Византии в пользу политического сближения с папством. В союзе с ним, через своеобразное преломление в теории пентархии, получал хотя бы формальное признание подлинно императорский статус византийского автократора. С точки зрения греков, это было воз-

---

⁷² См.: *Ivanka E.* Der Kirchenbegriff der Orthodoxie... S. 416.

⁷³ См.: *Сметанин В. А.* О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XIV столетия) // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 56. В этом послании, относящемся к 1497 г., патриарх осудил намерение московского князя отказаться от упоминания имени императора во время литургии. См. также: *Dieten van J.-L.* Politische Ideologie... S. 3.

можно только на вселенском соборе. По их мнению, Ферраро-Флорентийский собор мог таковым считаться, поскольку соответствовал древним канонам и являлся воплощением пентархии. Базельский собор, после того как открыто разорвал с папой, должен был утратить в глазах византийцев всякую легитимность. К тому же в Базеле они могли быть представлены лишь наряду с другими европейскими нациями. Это означало иные принципы международного общения и включения Византии в европейскую политику. К этому она скорее всего была не готова вследствие многовековых традиций. В свое время византийский гуманист Димитрий Кидонис призывал отказаться от чувства превосходства над другими народами. Но подобные голоса, как правило, разбивались о глухую стену византийского консерватизма.

Таким образом, выбор византийцев в пользу папы во многом был обусловлен традициями имперского политического мышления, имевшими сильную поддержку со стороны церкви. В этой связи весьма показательно и активное участие византийского патриарха в процессе переговоров с Западом. Император принимал решения, интуитивно руководствуясь при этом прагматическими соображениями, ради которых иногда было возможно поступиться традиционными принципами. Такие случаи всегда вызывали отрицательную реакцию патриарха, с которой императору подчас приходилось считаться. Именно вопреки мнению патриарха в конце концов было дано принципиальное согласие на проведение вселенского собора на Западе, а не в Византии. Но когда в 1433 г. папский посол Гаратони, пытаясь переиграть конкурентов из Базеля, предложил обратный вариант, то получил поддержку патриарха, который лишь требовал для себя председательского места на соборе. В то же время император занял тогда весьма сдержанную позицию, высказав мнение о том, что не стоит ставить под угрозу так удачно начавшиеся переговоры с Базелем и что в интересах дела он считает для себя возможным *поступиться частью своих императорских прерогатив* (курсив мой. – Н. П.)⁷⁴.

Перед тем как отправиться на Запад, император еще надеялся,

---

⁷⁴ Syropoulos II, 24–25.

что Базельский собор можно будет примирить с папой. Даже после приезда в Италию, по данным Сиропула, византийского правителя терзали сомнения по поводу того, как вести себя дальше в ситуации раскола между латинянами. Патриарх же выразил однозначно негативное отношение к тем, кто считал целесообразным далее отправиться в Базель⁷⁵. После частных переговоров с венецианцами глава византийской церкви уведомил о решении ехать к папе кастильских представителей на Базельском соборе, сделав это раньше самого императора. Одним словом, позиция патриарха в такого рода вопросах отличалась большей прямолинейностью и была сильнее подвержена традиционным стереотипам, тогда как светская власть в лице императора могла колебаться между ними и интересами политической целесообразности. Нельзя не признать, что в конечном итоге именно первый фактор оказал решающее влияние на формирование внешнеполитического курса империи накануне униатского собора.

---

⁷⁵ Syropulos III, 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношения Византии и Запада на протяжении исследуемого периода претерпели довольно сложную эволюцию. Можно различить несколько этапов. В течение первого периода, прошедшего после битвы при Анкаре, все политические контакты с латинским Западом, инициируемые византийской стороной, происходили исключительно на светской основе, не затрагивая церковно-религиозные аспекты. На протяжении этого времени объектами византийской внешней политики оставались отдельные европейские государства, с которыми были связаны ожидания на получение военной помощи против турок.

Отсутствие каких-либо практических результатов этого политического курса, меняющаяся ситуация на османском фронте и новый общественно-политический климат на Западе стали причиной того, что в начале второго десятилетия XV в. тема церковной унии в очередной раз становится инструментом византийской дипломатической практики. В этой связи все более актуализируются отношения с папским престолом. До 30-х гг. обсуждение этой проблемы носило еще крайне ограниченный характер, после чего произошел перелом и уния на самом деле целиком подчинила себе внешнеполитический курс империи.

Круг европейских государств, непосредственно вовлеченных в процесс политической коммуникации с Византией, был весьма ограничен. Основным вектором византийской внешней политики в первые годы после Анкары были отношения с Венецией. Эта итальянская морская республика играла ключевую роль в планах византийской дипломатии по созданию антитурецкого альянса. Венеция не отвергала саму возможность такого альянса, но, как правило, требовала непременно участия в нем остальных христианских

государств, что являлось практически невыполнимым условием и фактически прикрывало очевидное нежелание республики рисковать своими интересами на Востоке.

Дипломатические контакты Византии с Венгрией были нераздельно связаны с проблемой военного конфликта венгерской короны с Венецианской республикой. Подобно другим субъектам европейской политики (папа, польский король) Византия принимала неоднократные попытки взять на себя роль посредника, крайне заинтересованного в примирении двух враждующих сторон, являвшихся наиболее естественными потенциальными союзниками империи в борьбе с османами.

Отношения с Арагоном носили подчеркнуто дружественный характер, хотя их единственным результатом можно считать элементарную финансовую помощь, которую собирали в Испании византийские эмиссары. Однако после смерти короля Фердинанда I (1416) контакты с этим государством уже не прослеживаются.

Обсуждение церковной унии в XV в. было очень актуальным и для Запада. В общем русле инициатив по ликвидации великой западной схизмы и ее пагубных последствий уния с Востоком стала восприниматься как один из стимулов консолидации латинской церкви. Заинтересованность в этом обнаружила своим участием в Констанцком соборе и византийская сторона. Кроме того, идея церковной унии была использована в интересах политической реанимации института императорской власти на Западе и, в частности, явилась дополнительным основанием для вмешательства этой власти в дела церкви. Для такого государства, как Польша (неразрывно связанного с Литвой), уния представлялась инструментом ликвидации ее внутренней конфессиональной раздробленности, а также средством укрепления внешнеполитических позиций в борьбе с Тевтонским орденом. В связи с этим польско-византийские отношения прошли фазу относительной активизации как во время Констанцкого собора, так и после него.

Переговоры о церковной унии резко активизировались в 30-е гг. и протекали в условиях прогрессирующего кризиса в латинской церкви, на фоне почти непрерывно обострявшегося противостояния между папой и Базельским собором. При этом сам византийский

вопрос стал сильнейшим катализатором этого противостояния. Византийцы оказались здесь на пересечении между различными группировками – приверженцами традиционной власти римского первосвященника и сторонниками корпоративно-представительной структуры церкви под эгидой собора (конциляристами). Это размежевание одновременно отражало глубокие тенденции политического развития Запада. Конциляристы создавали церковь, способную подчинить усиливающиеся национальные начала христианскому универсализму, реализуя эту модель в церковном соборе с национальным представительством. В этом смысле уния с Византией оценивалась ими как шаг на пути общей унификации мирового христианства и рассматривалась в одном ряду с такими проектами, как искоренение гуситской и иных «национальных» ересей, поголовное крещение евреев и даже христианизация исламского Востока. Эта линия, в принципе, была созвучна идеям о возрождении авторитета империи на Западе на такой же универсальной основе.

Противоположной и более реалистичной была тенденция, направленная на подчинение церкви национальным и государственным интересам и амбициям. В этом смысле проблема унии стала оцениваться с точки зрения тех или иных политических выгод. В результате организационные аспекты униатского собора стали предметом национально-ориентированной политики и сильнейшим фактором дестабилизации западного политического сообщества. Основная линия коллизий пролегла между французами и итальянцами, и последовавшее открытие греко-католического собора в Италии уже современниками оценивалось как крупный успех итальянской нации, причем одним из главных факторов этого успеха была венецианская политика. Среди ближайших последствий данного события стала нейтрализация имперского присутствия на Апеннинском полуострове, в чем были заинтересованы как сам папа, так и близкие ему политические круги (в первую очередь венецианцы). Одновременно папский престол сумел покончить с соборным движением в Европе и восстановить свое традиционное место в иерархии церкви. Но, с другой стороны, признание этого было достигнуто ценой уступок светским правителям в вопросах

церкви. Ферраро-Флорентийский собор закрепил, таким образом, тенденцию национально-государственного размежевания на латинском Западе.

Византийская внешняя политика на Западе исходила из интересов помощи, в которой нуждалась империя для борьбы с османами. Вместе с тем, если конкретизировать формы этой помощи, то, пожалуй, обращает на себя внимание та неопределенность, с которой сами византийцы подходили к решению этой глобальной для них задачи. В отношениях с европейскими государствами по этому вопросу имели место переговоры либо о финансовых пожертвованиях, либо о совместном участии в крайне ограниченных по масштабу военных операциях, которые в лучшем случае были способны разве что вытеснить турок из Европы. Такого рода шаги конечно же не могли кардинально изменить к лучшему внешнеполитическое положение Византийского государства. При этом надо отметить, что идея крестового похода, как наиболее радикального средства против турецкой агрессии, муссировалась прежде всего на Западе, и в то же время едва ли она находила положительный отклик в Византии. Не исключено, что негативный опыт прошлого заставлял византийских правителей относиться к этой идее крайне настороженно.

В реальности речь шла не столько о самой помощи как таковой в ее конкретных формах, сколько о создании необходимых для этого предпосылок. Пожалуй, главная из них состояла в том, чтобы отвлечь Запад от сугубо внутренних проблем и заставить обратить основное внимание на опасность, которая неотвратимо приближалась к его восточным рубежам. Наступательный потенциал Османской державы заключался прежде всего в ее монолитности, которая резко контрастировала с конфронтацией, характерной для политического климата Европы. Этим объясняется особенность политической линии Византии в европейских делах, которая заключается в ее посреднической функции, нацеленной на ликвидацию внутренних военных и политических конфликтов в латинском сообществе. Эта особенность пронизывает отношения Византии и Запада на протяжении всего периода, представленного в работе. Она легко обнаруживается в попытках византийской дипломатии погасить

венгерско-венецианский конфликт, в позиции греков на Констанцском соборе, но более всего – в политике примирения двух церковных партий на Западе – папалистов и конциляристов.

Ставка на союз с папским престолом, заключенный во Флоренции, был обусловлен не столько прагматическими, сколько доктринальными факторами. Центральную роль при этом сыграла традиционная концепция вселенского собора, в основе которой лежали древние представления об универсальной христианской империи и связанная с ними теория пентархии. Поскольку международные отношения Средневековья в значительной степени измерялись религиозными ценностями, то эти идеологические воззрения в конечном итоге сделали закономерной внешнеполитическую ориентацию Византии на папство как наиболее традиционный и приемлемый для империи институт на Западе.

Ко всему сказанному следует добавить и то, что наиболее значительные последствия в европейской политике, связанные с византийским фактором, лишь в малой степени были результатом прямого влияния Византийского государства как такового. В силу исторических обстоятельств у Византии не было другой возможности реализовать свои внешнеполитические интересы без того, чтобы при этом не дать вовлечь себя в паутину церковно-политических противоречий на Западе. В латинских кругах справедливое и эффективное решение «вопроса о греках» в значительной мере переставало быть целью, становясь средством борьбы различных политических групп. В этом одна из причин того, что исторический компромисс, каковым должна была стать Флорентийская уния, заранее был обречен на провал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Andrea de Constantinopoli (Chrysobergos). Oratio in Concilio Basiliensi pro pace cum papa Eugenio IV (1432 aug. 22 Basilea) // Cecconi, № XI, P. XXIX–XXXI.

Antonius Massanus, nuncius apostolicus. Relatio de ambassata ad Graecos circa unionem Ecclesiarum (1422) // Ann. Eccl. XXVII, ad 1422, 5–15.

Aufzeichnung über die Bedingungen, zu denen sich das Basler Konzil der Stadt Avignon zu deren Sicherstellung vor Zahlung des Restbetrages der von der Stadt zu zahlenden Summe verpflichtet soll (1437 ca apr. 3–5 Avignon) – лат. // CB. V, № 9, S. 213–214.

Bericht der Gesandten der Konzilsminorität über den Antritt ihrer Reise nach Konstantinopel (1437 aug. 20 Portofino) – лат. // Ibid. I, № 74, S. 463–464.

Bericht des Konzils von Basel an Kaiser Sigismund über die Entwicklung der Spaltung im Konzil (1437 maii 11/12 Basileae) – лат. // Ibid. № 70, S. 442–454.

Die Berichte des Ulrich Stöckel von Tegernsee (1432–1437), лат. // Ibid. № 41–44, S. 98–106.

Brief des Basler Konzils an Avignon (1437 iun./iul. Basileae) – лат. // Ibid. V, № 28, S. 241–242.

Brief des Basler Konzils an den König von Aragon Alfons V (1437 iul Basileae) – лат. // Ibid. № 30, S. 243–245.

Brief des Basler Konzils an Herzog Filippo Maria von Mailand (1437 iul Basileae) – лат. // Ibid. № 31, S. 246.

Brief des Basler Konzils an den byzantinischen Kaiser bzw. den Patriarchen von Konstantinopel (1437 iul. 18 Basileae) – лат. // CB. V, № 35, S. 250–252.

Brief des Basler Konzils an den König René von Sicilien [Angou] (1437 iul/aug. Basileae) – лат. // Ibid. № 37, S. 252–254.

Brief des Basler Konzils an den König von Kastilien (1437 aug. 13 Basileae) – лат. // Ibid. № 40, S. 257–260.

Brief des Basler Konzils an die Kurfürsten (1437 mart. 27 Basileae) – лат. // DRTA. XIII, № 147, S. 234–236.

Brief des Bischofs von Lübeck an Herzog Amadeus von Savogen (1437 iun. 19 Avignon) – лат. // CB. V, № 26, S. 239.

Brief des Bischofs von Lübeck an seine Mitgesandten nach Konstantinopel (1437 iul. 16) – лат. // Ibid. № 32, S. 246–247.

Brief der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils an König Karl von Frankreich (1437 apr. 6 Avignon) – лат. // Ibid. № 13, S. 216–217.

Brief der Bischöfe von Lübeck, Viseu, Parma und Lausanne, Konzilsgesandte nach Konstantinopel, an das Basler Konzil (1437 iun. 15 Avignon) – лат. // Ibid. № 25, S. 239.

Brief der Bischöfe von Lübeck, Viseu, Parma und Lausanne, Konzilsgesandten nach Konstantinopel an das Basler Konzil (1437 apr. 5 Avignon) – лат. // Ibid. № 11, S. 213–214.

Brief der Bischöfe von Lübeck, Viseu, Parma und Lausanne an den byzantinischen Kaiser (1437 iun. 27 Avignon) – лат. // Ibid. № 27, S. 240–241.

Brief der Bischöfe von Viseu und Lausanne, Konzilsgesandte, an das Basler Konzil (1437 oct. 24 Pera) – лат. // Ibid. № 43, S. 263–264.

Brief der deutschen Kurfürsten an den byzantinischen Kaiser [Antwort auf dessen Schreiben vom 25. Februar] (1438 mart. 11/19 Frankfurt) – лат. // DRTA. XIII, № 128, S. 195.

Brief des Erzbischofs von Kreta dem Erzbischof von Tarent über die Vorgänge in Avignon (1437 maii 31 Auinione) – лат. // CB. I, № 72, S. 455–458.

Brief des Erzbischofs von Lyon an den Bischof von Lausanne, Gesandten des Basler Konzils nach Konstantinopel (1437 apr. 30 Basileae) – лат. // CB. V, № 21, S. 231–234.

Brief der Gallikanischen Nation auf dem Basler Konzil an die Bischöfe

von Lübeck, Viseu, Parma und Lausanne, Konzilsgesandte nach Konstantinopel (1437 mart. 5 Basileae) – лат. // CB. V, № 6, S. 207.

Brief der Gallikanischen Nation auf dem Basler Konzil an Bischof von Lübeck, Konzilsgesandten nach Griechenland (1437 mart. 10 Basileae) – лат. // Ibid. № 8, S. 211–212.

Brief der Germanischen Nation auf dem Basler Konzil an den Erzbischof von Mainz (1436 ian. 10 Basileae) – лат. // DRTA. XII, № 28, S. 45–48.

Brief der kastilischen Gesandten an Karl VII (1436 dec. 12 Basileae) лат. // CB. V, № 68, S. 440.

Brief der Stadt Avignon an das Basler Konzil (1436 oct. 3 Avignon) – лат. // Ibid. № 1, S. 177–180.

Brief der Stadt Avignon an das Basler Konzil (1437 ian. 15 Avignon) – лат. // Ibid. № 2, S. 181–182.

Brief des Konzilsgesandten zu den Kaiser Sigismund an das Basler Konzil (1437 nov. 25 Znaim) – лат. // DRTA. XII, № 166, S. 259–263.

Brief des ungenannten Autors im Gefolge des Bischofs von Lübeck, Konzilsgesandten nach Konstantinopel, an Patriarch Ludvig von Aquileja (1437 apr. 11 Avignon) – лат. // CB. V, № 14, S. 217–219.

Bulla potestatis ambassiatorum Concilii Basiliensis missorum ad Graeciam cum galeis (1437 febr. 25 Basileae) // Cecconi, № CX, P. CCXCI–CCXCIII.

Christoforus Garatoni, nuncius pontificius. Epistola ad papam Eugenium IV (1434, dec. Venetiae) // Ibid. № XLIV, P. CXXI–CXII.

Constantinus Palaeologus (imperator futurus). Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 nov. 26 Constantinopoli) // ODM. № 17, P. 22–23.

Conventio Martini V papae cum Graecis (1430, Romae) // EP. I, № 26, P. 20–26; Cecconi, № VI, P. XVIII–XIX.

Decretum sessionis XIX Concilii Basiliensis de compactatis inter concilium et Graecos pro unione [«Sicut pia mater»] (1434 sept. 7 Basiliae) // COD, 478–482.

Decretum sessionis XIX Concilii Basiliensis de Judeis et neophitis // Ibid. 483–484.

Decretum sessionis XXIV Concilii Basiliensis de actis quibusdam cum Graecis et de indulgentiis etc. (1436 apr. 14 Basileae) // Ibid. 506–509.

Decretum sessionis XXV Concilii Basiliensis de locis futuri et oecumenici concilii pro Graecis (1437 maii 7 Basileae) // COD, 510–512.

Dietrich von Niem. Avisamenta edita in concilio Constanciensi (1414) // ACC. IV, S. 591–636.

Dietrich von Niem. De Scismate libri tres / Hrsg. von G. Erler. Leipzig, 1880.

Długosz J. Historiae Poloniae Libri XII. Cracoviae 1877. Bd. 4.

Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München, 1965. Bd. 5 (1341–1453).

Enea Silvio Piccolomini. Brief an die Regierung von Siena (1437 oct. 25 Basel) – лат. // Widmer B. Enea Silvio Piccolomini. Papst Pius II. Ausgewählte Texte aus seinen Schriften. Basel, 1960. S. 148–159.

Enea Silvio Piccolomini. Epistola ad imperatorem Sigismundum (1437 iun. Basileae) // Aeneae Silvii Piccolomini Senensis opera inedita. Roma, 1883 (репринт – 1968). P. 63–65.

Epistola ambassiatorum regis Castellae in Concilio Basiliensi Johanni VIII Palaeologo (1438 ian. 4 Basileae) / Ed. V. Laurent // REB. 1960. T. 18. P. 142–143.

Epistola civitatis Florentiae ad Concilium Basiliensem (1436, aug. 14.) // Cecconi, № LXXXIX, P. CCXLV–CCXLVI.

Epistola civitatis Florentiae ad Concilium Basiliensem (1437 mart. 20) // Ibid. № CXIII, P. CCXCVI.

Epistola civitatis Florentiae ad Concilium Basiliensem (1437 mart. 26) // Ibid. № CXIV, P. CCXCVII–CCXCVIII.

Epistola Manuelis et Demetrii Dissipati ambassiatorum Graecorum ad alios ambassiatores in Concilio Basiliensi (1434 dec. / 1435 ian. Venetiis) // Ibid. № XLV, P. CXXIII–CXXIV.

Epistola nationis Gallicanae ad civitatem Avinionem (8 maii 1437 Basileae) // CB. V, № 22, S. 434–436.

Epistola oratorum universitatis Coloniensis in concilio Constantiensi (1416 mart. Constantiae) // Thesaurus novus anecdotorum. T. 2. P., 1717. P. 1661.

Epistola senatus Venetiarum cardinali Cesarini (1437 oct. 14 Venetiis) // ACA. № 2, P. 5–6.

Epistola senatus Venetiarum cardinali Cesarini (1437 dec. 7 Venetiis) // ACA. № 12, P. 10–11.

Epistola senatus Venetiarum ad Ludovicum archiepiscopum Florentinum (1437 dec. 3 Venetiis) // Ibid. № 10, P. 9.

Epistola senatus Venetiarum ad papam Eugenium IV per oratorum Marcum Dandolo (1438 febr. 17 Venetiis) // Ibid. № 30, P. 26–27.

Eugenius IV, papa. Bullae dissolutionis Concilii Basiliensis (1431 nov. 12, dec. 18 Romae) // EP. I, № 29, 31; P. 21–22, 24–25.

Eugenius IV, papa. Epistola ad cardinalem Iulianum Cesarini (1431 nov. 12 Romae) // Ibid. № 30, P. 22–23.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Sigismundum imperatorem (1431 dec. 18 Romae) // Cecconi, № IX, P. XXVI.

Eugenius IV, papa. Epistola ad patronos et conductores navium (1432 nov. 7 Romae) // EP. I, № 34, P. 27–28.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Concilium Basiliensem (1434 aug. 30 Florentiae) // Ibid. № 41, P. 31.

Eugenius IV, papa. Epistola ad legates pontificies Concilii Basiliensis (1434 aug. 31 Florentiae) // Ibid. № 42, P. 31–33.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Concilium Basiliensem (1434 nov. 15 Florentiae) // Ibid. № 45, P. 35–37.

Eugenius IV, papa. Epistola ad legates pontificies Concilii Basiliensis (1435 febr. 22 Florentiae) // Ibid. № 47, P. 38–41.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 febr. 22 Florentiae) // Ibid. № 48, P. 41–42.

Eugenius IV, papa. Epistola ad legates pontificies Concilii Basiliensis (1435 aug. 9 Florentiae) // Ibid. № 49, P. 42–44.

Eugenius IV, papa. Instructiones ad nuntios de unione Graecorum (1436 iun. Florentiae) // Ibid. № 56, P. 50–52.

Eugenius IV, papa. Epistola ad regem Franciae Carolum VII (1436 ca sept. 12 Bononiae) // Ibid. № 57, P. 52–54.

Eugenius IV, papa. Epistola ad regem Franciae Carolum VII (1436 dec. Bononiae) // Ibid. № 58, P. 54–55.

Eugenius IV, papa. Epistola ad cardinales Iohannes Cervantes et Iulianum Cesarini (1437 ante 23 febr. Bononiae) // Ibid. № 59, P. 55–56.

Eugenius IV, papa. Responsa ad quinque petitiones Concilii Basiliensis de unione Graecorum etc. (1437 febr. 27 Bononiae) // EP. I, № 60, P. 56–58.

Eugenius IV, papa. Epistola ad cardinales Iohannem Cervantes et Iulianum Cesarini (1437 febr. 27 Bononiae) // Ibid. № 61, P. 58–59.

Eugenius IV, papa. Epistola ad deputationem pro reformatorio Concilii Basiliensis (1437 febr. 27 Bononiae) // Ibid. № 62, P. 59–60.

Eugenius IV, papa. Epistola ad cardinales Iohannem Cervantes, Iulianum Cesarini et Iohannem archiepiscopum Tarentinum (1437 febr. 27 Bononiae) // Ibid. № 63, P. 60–62.

Eugenius IV, papa. Instructiones pontificiae pro legato imperiali, scilicet episcopo Signensi, ad imperatorem Sigismundum redeunte (1437, ca. mart. 13 Bononiae) // DRTA. XII, № 27, S. 40–45.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Sigismundum imperatorem (1437 iun. 13 Bononiae) // EP. I, № 69, P. 71–72.

Eugenius IV, papa. Epistola ad reges Franciae, Angliae et Portugaliae (1437 iun. 7 Bononiae) // Ibid. № 70–72, P. 72–73.

Eugenius IV, papa. Salvumconductum Iohanni VIII imperatori, Iosef II patriarchae ceterisque Graecis usque ad numerum 700 personarum (1437 iul. 6 Bononiae) // Ibid. № 75, P. 74–76.

Eugenius IV, papa. Nominatio Antonium Condulmer capitaneum navium pro Graecis advehendis (1437 iul. 6 Bononiae) // Ibid. № 76, P. 76–77.

Eugenius IV, papa. Commissio Michaeli Zeno et Baldassarii Lupari propter pecuniarum quantitates pro causa unionis Graecorum (1437 iul. 7 Bononiae) // Ibid. № 77, P. 77–78.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Christoforum Garatoni (1437 iul. 8 Bononiae) // Ibid. № 79, P. 79–80.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Iohannem VIII imperatorem et Iosef II patriarcham (1437 iul. 10 Bononiae) // Ibid. № 80, P. 80.

Eugenius IV, papa. Commendatio Iohanni VIII imperatori oratores minoris partis concilii Basiliensis (1437 iul. 15 Bononiae) // Ibid. № 82, P. 81–82.

Eugenius IV, papa. Creatio archiepiscopum Tarentasinsem et Christoforum episcopum Coronensem sedis apostolicae nuntios et oratores (1437 iul. 15 Bononiae) // Ibid. № 83, P. 82–83.

Eugenius IV, papa. Constitutio legatum Marcum archiepiscopum Tarentasiensem (1437 iul. 15 Bononiae) // EP. I, № 84, P. 83–84.

Eugenius IV, papa. Declaratio observationis decreti Concilii Basiliensis cum Graecis 7 maii 1437 (1437 iul. 20 Bononiae) // Ibid. № 85, P. 84–88.

Eugenius IV, papa. Commissio Marco archiepiscopo Tarentasiensi (1437 iul. 20 Bononiae) // Ibid. № 86, P. 88–89.

Eugenius IV, papa. Salvumconductum generalem pro Concilio Ferrariensi (1437 sept. 17 Bononiae) // Ibid. № 87, P. 89–90.

Eugenius IV, papa. Bulla translationis Concilii Basiliensis Ferrariam (1437 sept. 18 Bononiae) // Ibid. № 88, P. 91–99.

Eugenius IV, papa. Epistola ad civitatem Basiliensem (1437 post sept. 18 Bononiae) // Ibid. № 89, P. 99–100.

Eugenius IV, papa. Epistola ad archiepiscopum Cantuariensem (1437 sept. 19 Bononiae) // Ibid. № 90, P. 101.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Amadeum ducem Sabaudiae et ad principes Germaniae (1437 sept. 20, 23; oct. 2, 8 Bononiae) // Ibid. № 91–94, P. 101–102.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Albertum ducem Austriae (1437 dec. 10 Bononiae) // Ibid. № 104, P. 109.

Eugenius IV, papa. Epistola ad principes Germaniae (1437 dec. 10 Bononiae) // DRTA. XII, № 196, S. 318–319.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Albertum ducem Austriae (1437 dec. 12 Bononiae) // EP. I, № 107, P. 110.

Eugenius IV, papa. Bulla definitiva translationis Concilii Basiliensis Ferrariam (1437 dec. 30 Bononiae) // Ibid. № 108, P. 110–112.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Thodericum archiepiscopum Moguntinum // Ibid. № 110, P. 113–114.

Eugenius IV, papa. Instructiones pontificiae pro legato ad Albertum ducem Austriae misso (ca 1437 dec. exeunte Bononiae) // Ibid. № 112, P. 114–116.

Eugenius IV, papa. Constitutio Nicolaum cardinalem Albergati praesidentem Concilii Ferrariensis (1438, ian. 2 Bononiae) // Ibid. № 114, P. 116–118.

Eugenius IV, papa. Epistola ad Amadeum ducem Sabaudiae (1438 febr. 10 Ferrariae) // EP. I, № 115, P. 3–4.

Francesco Foscari, dux Venetiarum. Epistolae ad papam Eugenium IV (1437 oct. 24 Venetiis) // ACA. № 6–7, P. 7–8.

Gregorius Camblac, metropolitane Ruthenus. Oratio coram papam Martinum V in Concilio Constanciensi (1418 febr. 25 Constanciae) // ACC. II, S. 164–167.

Gründe für die Wahl einer italienischen Stadt zur Abhaltung des Union-skonzil (1436 dec./1437 ian. Basileae) – лат. // CB. I, № 66, S. 431–434.

Heinrich V von England. Brief an den Herzog Friedrich von Sachsen (1437 nov. 14 London) – лат. // DRTA. XII, № 195, S. 316–318.

Henricus Menger, ambasciatore Concilii Basiliensis. Epistola ad cardinalem Cesarini (1436 ian. 4 Venetiis) // Cecconi, № LXXV, P. CXCIV.

Innocentius VII, papa. Epistola ad Manuelem II Palaeologum (1405 iun. 8 Romae) // Ann. Eccl. Bd. 27, ad 1405, 2–4.

Instruktion für den Gesandten Kaiser Sigismunds zum Basler Konzil (ad 1433 iun. 4 Romae) – лат. / нем. // DRTA. XI, № 3, S. 32–37.

Instructiones concilii Basiliensis pro oratoribus ituris ad serenissimum principem dominum Iohannem Pallaeologum et ad dominum Josef II patriarcham Constantinopolitanum (1435 iun. Basileae) // CB. I, № 41, S. 364–373.

Instruktionen für die Bischöfe Johann von Lübeck, Ludvig von Viseu, Delphin von Parma und Ludvig von Lausanna, Gesandte des Basler Konzils, sowie für den Käpitan der Konzilsflotte Nikodus von Menthon (1437, febr. 25 Basel) – лат. // Ibid. № 4, S. 185–205.

Instructiones partis minoris in Concilio Basiliensi pro oratoribus ituris ad curiam (1437 maii Basileae) // Ibid. № 73, S. 459–463.

Isidorus, hegumenos. Oratio in congregatione generali Concilii Basiliensis (1434 iul. Basileae) // Cecconi, № XXIX, P. LXXX–LXXXVII.

Johannes Cervantes, cardinalis. Anweisungen den Legaten des Basler Konzils in Avignon (1437 maii 15 Basileae) – лат. // CB. I, № 71, S. 454.

Johannes Dishypat. Oratio in Concilio Basiliensi contra nominationem civitatis Avinionensis ad locem celebrationis ycumenici concilii (1437 febr. 15 Basileae) // Cecconi, № CVI, P. CCLXXXII–CCLXXXIV.

Johannes Dishypat. Epistola sindiciis et consiliariis civitatis Avinionis (1437 mart. 10 Basileae) // Annales de Société d'études provençales. 1904. T. 1. P. 54.

Johannes Dishypat. Oratio in collegio cardinalium apud papam Eugenium IV (1437 maii 24 Bononiae) // Cecconi, № CXXIV, P. CCCXXXIII–CCCXXXVII.

Johannes Dishypat. Cedula papae Eugenio IV (1437 iul. 17 Bononiae) // Ibid. № CL, P. CCCXCII–CCCXCIII.

Johannes Gerson. Sermo coram rege Francia nomine Universitatis Parisiensis pro pace Ecclesiae et Unione Graecorum / Ed. J.-B. Monnoyeur // Irénikon. 1929. T. 6. P. 725–766.

Johannes de Ragusio. Epistola ad cardinalem Cesarini (1436 febr. 9 Constantinopoli) // Cecconi, № LXXVIII, P. CCVI–CCXI.

Johannes de Ragusio. Epistola ad cardinalem Cesarini (1436 martii 10 Constantinopoli) // Cecconi, № LXXXI, P. CCXVII–CCXIX.

Johannes de Ragusio. Epistola ad Concilium Basiliensem (1436 sept. 16 Constantinopoli) // CB. I, № 43, S. 374–376.

Johannes de Ragusio. Epistola ad Concilium Basiliensem (1436 nov. 17 Constantinopoli) // Cecconi, № LXXXVIII, P. CCLIII–CCLVIII.

Johannes de Ragusio. Epistola ad concilium Basiliensem (1437 febr. 13 Constantinopoli) // CB. I, № 44, S. 377–380.

Johannes de Ragusio. Epistola ad Concilium Basiliensem (1437 iul. 24 Constantinopoli) // Ibid. № 45, S. 381–382.

Johannes de Ragusio. Epistola ad Concilium Basiliensem (1437 aug. 4 Constantinopoli) // Ibid. № 46, S. 282–383.

Johannes de Ragusio. De modo quo Graeci reducendi erant ad Ecclesiam per Concilium Basiliense // Ibid. № 40, S. 331–364.

Johannes de Ragusio. Relatio de missione Constantinopolitana // Cecconi, № CLXXVIII, P. CCCCLXXXVIII–DXXII.

Johannes de Ragusio, Simon Freron. Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 nov. 29 Constantinopoli) // Ibid. № LXXIII, P. CXCI.

Johannes de Ragusio, Simon Fréron. Epistola ad Concilium Basiliensem (1436 febr. 9 Constantinopoli) // Ibid. № LXXVII, P. CXCVIII–CCV.

Johannes de Ragusio, Simon Fréron, Henricus Menger. Epistola ad Concilium Basiliense (1435 aug. 6 Pulae) // Cecconi, № LI, P. CL–CLVIII.

Johannes de Ragusio, Simon Fréron, Henricus Menger. Oratio coram imperatorem Johannem VIII Palaeologum (1435 oct. Constantinopoli) // Ibid. № LV, P. CL–CLVIII.

Johannes de Ragusio, Simon Fréron, Henricus Menger. Promissio Johanni Palaeologo (1435 nov. 25 Constantinopoli) // Ibid. № LXIV, P. CLXXII–CLXXIII.

Johannes VIII Palaeologus. Responsio ad papam Martinum V (1422 nov. 14, Constantinopoli) // Ibid. № IV, P. XIV–XVI.

Johannes VIII Palaeologus. Mandatum legatis Demetrio Palaeologo, Isidoro hegumeno, Johanni Dissipato de concilio oecumenico cum synodalibus Basiliensibus tractando (1433 nov. 11 Constantinopoli) // ODM. № 4, P. 8–9; Cecconi, № XV, P. XXXVII–XXXVIII.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola synodalibus Basiliensibus (1433 nov. 28 Constantinopoli) // ODM. № 5, P. 9–10; Cecconi, № XVI, P. XXXIX–XL.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola synodalibus Basiliensibus (1434 nov. 12 Constantinopoli) // ODM. № 8, P. 12–13; Cecconi, № XLI, P. CXIII–CIV.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Eugenium IV papam (1435 nov. 22 Constantinopoli) // Cecconi, № LXI, P. CLXVI–CLXVII.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 nov. 26 Constantinopoli) // ODM. № 14, P. 20; Cecconi, № LXVI, P. CLXXVI–CLXXVIII.

Johannes VIII Palaeologus. Commissio ad Henricum Menger ambassiatorem Concilii Basiliensis (1435 nov. 26 Constantinopoli) // Cecconi, № LXX, P. CLXXXV–CLXXXVI.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 dec. 28 Constantinopoli) // ODM. № 18, P. 23–24; Cecconi, № LXXIV, P. CXCII–CXCIII.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1436, nov. 20 Constantinopoli) // Cecconi, № XCIV, P. CCXXI–CCXXIII.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1437 febr. 11 Constantinopoli) // ODM. № 22, P. 26–27.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola synodalibus Basiliensibus (1437 oct. 25 Constantinopoli) // ODM. № 25, P. 29–30; Cecconi, № CLXVII, P. CCCCXLV–CCCCXLVI.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola synodalibus Basiliensibus (1438 febr. 25 Venetiis) // Cecconi, № CLXXXVI, P. DLXI–DLXII.

Johannes VIII Palaeologus. Epistola ad papam Eugenium IV (1437 nov. 25 Constantinopoli) // ODM, № 27, P. 30–31; OCHP. 1943. Vol. 9. P. 186.

Johannes von Segovia. Historia gestorum generalis Synodi Basiliensis / Ed. E. Birk // MC. Bd. 1–2. Wien, 1857–1875.

Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle. T. 1. P., 1899.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola synodalibus Basiliensibus (1433 oct. 13 Constantinopoli) // ODM. № 3, P. 6–8; Cecconi, № XIV, P. XXXVI–XXXVII.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola ad Eugenium IV (1435 nov. 11 Constantinopoli) // ODM. № 9, P. 13–14; Cecconi, № LX, P. CLIV–CLXV.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1435 nov. 26 Constantinopoli) // ODM. № 15, P. 21; Cecconi, № LXVII, P. CLXXIX–CLXXXI.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1436 mart. Constantinopoli) // Cecconi, № LXXX, P. CCXV–CCVI.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola ad Concilium Basiliensem (1437 febr. 11 Constantinopoli) // ODM. № 23, P. 27–28.

Joseph II, patriarcha Constantinopolitanus. Epistola ambassiatoribus regis Castellae in Concilio Basiliensi (1438 febr. 17 Venetiis) / Ed. V. Laurent // REB. 1960. Bd. 18. P. 143–144.

Juliano Cesarini. Oratio in congregatione generali Concilii Basiliensis propter adventum ambassiatorum Graecorum (1434 iul. Basilea) // Cecconi, № XXVIII, P. LXVIII–LXXIX.

Juliano Cesarini. Oratio in Concilio Basiliensi pro pace cum papa Eugenio IV (1437 dec. 20 Basileae) // Ibid. № CLXVIII, P. CCCCXLVII–CCCCCLX.

Juliano Cesarini. Commentarii de concilio ad papam Eugenium IV (1435 oct. 4 Basiliae) // CB. I, № 48, S. 387–392.

Juliano Cesarini. Eine Stellungnahme zur Papstgewalt (1436 nov. Basel) / Hrsg. von E. Meuthen – лат. // QFIAB. 1982. Bd. 62. S. 167–177.

Juliano Cesarini, Johannes Cervantes. Recommendatio ad papam Eugenium IV propter concilium (1435 sept. / nov. Basileae) // CB. I, № 65, S. 430–431.

Karolus VII, rex Franciae. Epistola ad civitatem Avinionem (1437 apr. 5 Montpellier) // Ibid. V, № 10, S. 214–215.

Karolus VII, rex Franciae. Epistola ad concilium Basiliensem (1437 apr. 24 Montpellier) // Ibid. № 17, S. 223–224.

Karolus VII, rex Franciae. Epistola cardinali de Foix (1437 apr. 24 Montpellier) – фп. // Ibid. № 18, S. 224–225.

Karolus VII, rex Franciae. Epistola ad civitatem Avinionem (1437 apr. 24 Montpellier) – фп. // Ibid. № 19, S. 225.

Littera Concilii Constanciensis pro Hungaris ad omnibus Christi fidelibus, maxime regibus et principibus (1415 aug. Constanciae) // ACC. IV, № 511, S. 659–662.

Ludvicus Arelatensis, cardinalis (Ludvig von Arles). Brief an Bischof Johann von Lübeck, Konzilsgesandten nach Griechenland (1437 mart. 10 Basileae) – лат. // CB. V, № 7, S. 208–211.

Ludvicus Arelatensis, cardinalis (Ludvig von Arles). Brief an die Bischöfe von Lübeck, Viseu, Parma und Lausanne, Konzilsgesandte nach Konstantinopel (1437 aug. 5 Basileae) – лат. // Ibid. № 39, S. 256–257.

Manuel II Palaeologus. Glückwunschsreiben an den Papst Alexander V (1409 dec. 25 Constantinopoli) – лат. / Hrsg. von Simonsfeld // Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1893. Bd. 20. S. 45–46.

Manuel II Palaeologus. Epistola Martino V regi Aragonum (1407 oct. 23 Constantinopoli) / Ed. C. Marinesco // Académie Roumaine: Bull. de la section historique. 1924. T. 11. P. 198–200.

Manuel II Palaeologus. Epistola Ferdinando I regi Aragonum (1414 nov. 28. Salonichae) / Ed. C. Marinesco // Ibid. P. 200–201.

Martinus V, papa. Epistola filiis Manuelis imperatoris Constantinopolitani (1418 post febr. 1 Constantiae) // EP. I, № 2, P. 3–4.

Martinus V, papa. Epistola Theodorico archiepiscopo Coloniensi (1420 aug. 21 Florentiae) // EP. I, № 11, P. 6–10.

Martinus V, papa. Epistola ad Manuelem II imperatorem Constantinopolitanum de auxiliis contra Turcas etc. (1422 oct. 8 Romae) // Ibid. № 17, P. 12–14.

Martinus V, papa. Salvumconductum Iacobo Porci clerico Metensi ad Manuelem II imperatorem proficienti (1422 nov. 6 Romae) // Ibid. № 19, P. 14.

Martinus V, papa. Epistola ad Theodorum Palaeologum principem (post 1425 iul. 21 Romae) // Ibid. № 20, P. 15–16.

Martinus V, papa. Salvumconductum Andreae de Constantinopoli (1426 iun. 10 Romae) // Ibid. № 23, P. 17–18.

Martinus V, papa. Commissio Andreae de Constantinopoli (1426 iun. 11 Romae) // Ibid. № 24, P. 18–19.

Notariatsinstrument über die Verhandlungen griechischer Gesandten auf dem Basler Konzil, Johannes Dishypat und Manuel Dishypat, mit Kardinal Ludvig von Arles (1437 apr. 29 Basileae) – лат. // CB. V, № 20, S. 226–230.

Notariatsinstrument über die Antwort des des Nikodus von Mentone auf die Forderung des Bischofs von Parma betr. Einhaltung seiner Verpflichtungen (1437 iul. 17 Nizza) – лат. // Ibid. № 33, S. 247–248.

Notariatsinstrument über die Protesterklärung des Nikodus von Mentone wegen Nichterfüllung der Vertragsbedingungen seitens des Basler Konzils (1437 iul. 17 Nizza) – лат. // Ibid. № 34, S. 248–249.

Notarielle Aufzeichnung über Verhandlungen zwischen dem Bischof von Parma und dem Kapitän der Konzilsflotte Nikodus von Mentone (1437 aug. Nizza) – лат. // Ibid. № 38, S. 254–255.

Petrus de Pulka. Brief an Wiener Universität (1415 oct. 15 Constantiae) – лат. // AKÖG. 1856. Bd. 15. S. 34–35.

Petrus de Pulka. Brief an Wiener Universität (1418 febr. 1 Constantiae) – лат. // Ibid. S. 63–65.

Petrus de Pulka. Brief an Wiener Universität (1418 mart. 1 Constantiae) // Ibid. S. 68.

Programm der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils für ihre Audienz vor dem byzantinischen Kaiser (ad 1437 oct. 5 Constantinopoli) – лат. // CB. V, № 41, S. 250–251.

Protesterklärung der Konzilsgesandten vor dem Kardinal von Foix wegen Nichterfüllung der übernommenen Verpflichtungen seitens Avignons (1437 iun. 8 Avignon) – лат. // CB. V, № 23, S. 236–238.

Protesterklärung der Konzilsgesandten vor dem byzantinischen Kaiser und dem Patriarchen von Konstantinopel (1437 oct. 17/30 Constanti-nopoli) – лат. // Ibid. № 42, S. 261–263.

Protokolle des Basler Concils 1431–1433 / Hrsg. von J. Haller // CB. Bd. 2–4. Basel, 1896–1900.

Rede eines unbekannten Autors aus der Obedienz des Papst Johanns XXIII auf dem Konstanzer Konzil (1415 febr. Konstanz) – лат. // ACC. III, № 47, S. 86–90.

Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / Ed. F. Thiriet. P., 1958–1961. T. 1–3.

Relatio dominorum XII super calculo votorum, die 5 decembris 1436, scrutatorum in generali Congregatione super materia electionis loci ad conciliū ycumenicum (1436 dec. 6 Basileae) // Ceconi, № XCVI, P. CCLXI–CCLXII.

Relatio dominorum ambassiatorum Concilii Basiliensis ad Graeciam destinatum videlicet Visensis et Lausanensis episcoporum (=Bericht der Bischöfe von Viseu und Lausanne über den Verlauf ihrer Mission nach Avignon und Konstantinopel (1438 febr. 1–4 Basileae) // CB. V, № 49, S. 274–357.

Relatio Petri episcopi Dignensis, redeuntis de Constantinopoli (1438 mart. 1 Ferrariae) // Ceconi, CLXXXVIII, P. DLXVI–DLXXXVIII.

Responsio senatus Venetiarum oratoribus Sigismundi regis Hungariae (1407 iul. 23 Venetiis) // MSM. V, № CV, P. 99–100.

Responsio senatus Venetiarum oratori Sigismundi regis Hungariae (1408 oct. 23 Venetiis) // Ibid. № CXL, P. 136–138.

Responsio senatus Venetiarum imperatori Manuelli II Palaeologo (1415 iul. 23 Venetiis) // Lampros S. Palaiologeia kai Peloponnesiaka. Athenai, 1927. T. 3. P. 127–128.

Responsio senatus Venetiarum imperatori Manuelli II Palaeologo per oratorem Nicolaum Eudemonojohannem (1415 febr. 8 Venetiis) // Ibid. P. 129–131.

Salvumconductum Concilii Basiliensis ad Graecos (1436 apr. 14 Basileae) // Ceconi, № LXXXIII, P. CCXXI–CCXXIII.

Sigismund von Luxemburg. *Epistola ad principes Theodorum et Constantinum Palaeologum, fratres imperatoris Graecorum Johannis VIII* (1429, okt. 10) // *Lampros S. Palaiologeia kai Peloponnesiaka*. Athenai, 1926. T. 3. P. 323.

Sigismund von Luxemburg. *Epistola ad Wladislaum Iagellonem, regem Poloniae* (1418 ian. Constanciae) // *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*. T. II (= *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. XII). Krakowie, 1891. № 88. P. 108–109.

Sigismund von Luxemburg. Briefe an byzantinischen Kaiser Manuel II Paläologus (1411–1414) – лат. // ACC. I, № 111–113, S. 391–401.

Sigismund von Luxemburg. Brief an König Heinrich IV von England (1412 nach Marz 12) – лат. // Ibid. № 21, S. 88–92.

Sigismund von Luxemburg. Brief an Johannes Paläologus, Kaiser der Romäer (1434 okt. 1 Regensburg) – лат. // DRTA. XI, № 250, S. 478–479.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1434 okt. 1 Regensburg) – лат. // Ibid. № 251, S. 479–480.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1436 dez. 12 Prag) – лат. // Ibid. XII, № 18, S. 32.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil / Beglaubigungsschreiben für den Johann von Palomar (1436, dez. 15 Prag) – лат. // Ibid. № 19, S. 32–33.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 mart. 12 Prag) – лат. // Ibid. № 26, S. 39–40.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 iul 5. Eger) – лат. // Ibid. № 144, S. 231–233.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 iul. 15 Eger) – лат. // Ibid. № 146, S. 233–234.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 aug. 19 Prag) – лат. // Ibid. № 151, S. 238–239.

Sigismund von Luxemburg. Brief an das Basler Konzil (1437 sept. 10 Prag) – лат. // Ibid. № 152, S. 239–240.

Sigismund von Luxemburg. Brief an einen unbekannten Erzbischof [und entsprechend an andere Deutsche Fürsten und Städte] (1437 iul. 26 Eger) – лат. // Ibid. № 148, S. 235–237.

Sigismund von Luxemburg. Brief an seine unbekannten Gesandten am Basler Konzil (1437 nov. 6 Prag) – лат. // DRTA. XII, № 158, S. 254–257.

Sigismund von Luxemburg. Kaiserliche Instruktionen für Johann von Palomar zu Unterhandlungen mit der Basler Konzil betr. Berufung des Unioniskonzils nach Ofen (1436 dez. 15 Prag) – лат. // Ibid. № 20, S. 33–35.

Sigismund von Luxemburg. Aufzeichnung über die Gründe, die für die Wahl Ofens zum Ort für das künftige Unionskonzil anzurufen sind (1436 dez. ca 15 Prag) – лат. // Ibid. № 21, S. 35–36.

Sigismund von Luxemburg. Brief an Kardinal Ludvig von Arles (1437 febr. 22 Prag) – лат. // Ibid. № 24, S. 38–39.

Sigismund von Luxemburg. Brief an den Bischof von Ardzig, seinen Gesandten im Basler Konzil (1437 iul. 5 Eger) – лат. // Ibid. № 143, S. 230–231.

Simon Fréron. Epistola ad cardinalem Cesarini (1436 mart. 5 Constantinopoli) // Cecconi, № LXXIX, P. CCXII–CCXIV.

Syropulos – Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concil de Florence (1438–1439) / Ed. V. Laurent. P., 1971.

Verzeichnis von Briefen und Akten im Besitze der Bischofsgesandtschaft des Basler Konzils (1437/38) // CB. V, № 50, S. 357–362.

Warnungen und Vorschläge des unbekannten Autors an den Papst betreffend das Konzil (1436 nov. Basileae) – лат. // CB. I, № 67, S. 435–440.

Wladislaus Jagello, rex Poloniae. Epistola ad Manuelem II Palaeologum imperatorem (1420) // Codex epistolaris Vitoldi. Krakow, 1891. № DCCCXCV, P. 493.

Wladislaus Jagello, rex Poloniae et Vitoldus, dux Lithuaniae. Epistola ad Concilium Constantiensem (1415 oct. 18 Lwow) // Codex epistolaris Vitoldi. Krakow, 1891. № DCLI, P. 331–333.

II. Литература

Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 3.

Гергей Е. История папства: Пер. с венг. М., 1996.

Грaбapь В. Э. Вселенские соборы XII–XV вв. как орган международного общения // Вопр. истории. 1945. Т. 3–4. С. 86–98.

- Грабарь В. Э.* Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV века // Средние века. 1946. Вып. 2. С. 233–237.
- Греков И. Б.* Очерки истории международных отношений в Восточной Европе XIII–XV вв. М., 1963.
- История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
- История Византии. М., 1967. Т. 3.
- История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
- Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Колотова О. Е.* Каталанское пиратство в Эгеиде (кон. XIV–XV в.) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 309–317.
- Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV в. СПб., 1998.
- Литаврин Г. Г., Медведев И. П.* Дипломатия поздней Византии // Культура Византии (XIII–XV вв.). М., 1991. Т. 3.
- Лозинский С. П.* История папства. М., 1986.
- Медведев И. П.* Империя и суверенитет в Средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972.
- Медведев И. П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33.
- Мейендорф И. Ф.* Флорентийский собор: причины исторической неудачи: Пер. с англ. // Там же. 1991. Т. 52.
- Мешановћ С.* Јован VII Палеолог. Београд, 1996.
- Моравчик Д.* Византийские императоры и их послы в г. Буда // Acta historica Academiae scientiarum hungaricae. 1961. Bd. 8. С. 239–256.
- Нуждин О. И.* Крестоносная идея в отношениях между Англией и Францией середины XIV – первой половины XV века // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 66–69.
- Поляковская М. А.* Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46–57.

- Поляковская М. А.* Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е гг. XIV в.). Свердловск, 1981.
- Поляковская М. А., Медведев И. П.* Развитие политических идей в поздней Византии // *Культура Византии: XIII – первая половина XV в.* М., 1991. С. 255–279.
- Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959.
- Сметанин В. А.* О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XIV столетия) // *АДСВ.* 1995. Вып. 27.
- Соколов В. В.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1976.
- Удальцова З. В.* О внутренних причинах падения Византии в XV в. // *Вопр. истории.* 1953. Т. 7. С. 102–120.
- Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // *ВВ.* 1976. Т. 37.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1998. Т. 3.
- Яцимирский А. Н.* Григорий Цамблак. СПб., 1904.
- Actes du XII Congres International d'Études Byzantines, Ochride 1961.* Belgrad, 1964. Т. 1–3.
- Ahrweiler H.* L'idéologie politique d' l'empire Byzantin. P., 1975.
- Andreeva M. A.* Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach Westeuropa // *BZ.* 1934. Bd. 34. S. 37–47.
- Angermeier H.* Das Reich und der Konziliarismus // *HZ.* 1961. Bd. 192. S. 541–584.
- Barker J. W.* Manuel II Palaiologos (1391–1425): a Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969.
- Baum W.* Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient // *Europa in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Donnert.* Bd. 1: Vormoderne. Weimar, 1997. S. 13–43.
- Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
- Beck H.-G.* Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus // *Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils.* Konstanz; Stuttgart, 1965.

Beck H.-G. Reichsidee und Nationalpolitik im spätbyzantinischen Staat // Ideen und Realitäten in Byzanz. Leiden, 1972.

Beck H.-G. Res Publica Romana: vom Staatsdenken der byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.

Beckmann G. Der kampf Kaiser Sigismunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen. Gotha, 1902.

Black J. Politische Grundgedanken des Konziliarismus und des Papalismus zwischen 1430 und 1450 // Die Entwicklung des Konziliarismus: Werden und Nachwirken der konziliaren Idee / Hrsg. von R. Bäumer. Darmstadt, 1976. S. 295–311.

Boockmann H. Zur politischen Geschichte des Konstanzer Konzils // ZKG. 1974. Bd. 85. S. 45–63.

Brandmüller W. Das Konzil von Pavia–Siena. Münster, 1868. Bd. 1–2.

Brandmüller W. Das Konzil von Konstanz. 1414–1418. Bd. 1: Bis zur Abreise Sigismunds nach Narbonne. Paderborn, 1991.

Brehiér L. Vie et mort de Byzance. P., 1947.

Brehiér L. La civilization Byzantine. P., 1950.

Broneer O. The Corinthian Isthmus and the Isthmian Sanctuary // Antiquity. 1958. T. 32. P. 80–88.

«Bündnissysteme» und «Aussenpolitik» im späten Mittelalter / Hrsg. von P. Moraw. B., 1988.

Camelli G. Manuele Crisolora. Florence, 1941.

Christianson G. Cesarini: The Conciliar Cardinal. The Basel Years, 1431–1438. St. Ottilien, 1979.

Cohn W. Die Basler Konzilsflotte des Jahres 1437 // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1913. Bd. 12. S. 16–52.

Decarreeaux J. L'arrivée des Grecs en Italie pour le concile de l'union des églises d'après les mémoires de Syropulos, 1437–1438 // Revue des études italiennes. 1960. T. 7. P. 27–58.

Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCHP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.

Dieten van J.-L. Silvester Syropulos und die Vorgeschichte von Ferrara–Florenz // AHC. 1977. Bd. 9. S. 154–179.

Dieten van J.-L. Politische Ideologie und Niedergang im Byzanz der Palaiologen // ZHF. 1990. Bd. 7. S. 1–38.

Ditten H. Beziehungen zwischen Spanien und dem Byzantinischen Bereich im Mittelalter (6–15. Jahrhundert) // Byzantinische Beiträge / Hrsg. von I. Irscher. B., 1964. S. 257–290.

Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953.

Dorothy M., Vaughan M. O. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances. 1350–1700. Liverpool, 1954.

Engels O. Der Reichsgedanke auf dem Konstanzer Konzil // Das Konstanzer Konzil / Hrsg. von R. Bäumer. Darmstadt, 1977. S. 369–387.

Erkens F.-R. ...Und wil ein grosse Reise do tun. Überlegungen zur Balkan- und Orientpolitik Sigismunds von Luxemburg // Studien zum 15. Jahrhundert / Hrsg. von H. Müller. München, 1994. S. 739–762.

Ernst F. Über Gesandtschaftswesen und Diplomatie an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // Archiv für Kulturgeschichte. 1950. Bd. 33. S. 64–95.

Estopañan C. Ein Chrysobullos des Kaisers Manuel II. Palaiologos (1391–1425) für den Gegenpapst Benedikt XIII (1394–1417/23) vom 20. Juni 1402 // Bz. 1951. Bd. 44. S. 89–93.

Fromherz U. Johannes von Segovia als Geschichtsschreiber des Konzils von Basel; Basel; Stuttgart, 1960.

Gahbauer F. R. Die Pentarchietheorie: Ein Model der Kirchenleitung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Frankfurt / M., 1993.

Geanokoplos D. J. Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance: Studies in ecclesiastical and cultural history. Oxford, 1966.

Geschichte der Konzilien. Vom Nicaenum bis zum Vaticanum II / Hrsg. von G. Alberigo. Wiesbaden, 1998.

Gill J. John VIII Palaeologus. A character study // Studi bizantini e neoellenici. 1957. Vol. 9. P. 152–170.

Gill J. The concile of Florence. Cambridge, 1959.

Gill J. Konstanz und Basel–Florenz. Mainz, 1967.

Gill J. Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979.

Göller E. Zur Geschichte Manuels II von Byzanz // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte. 1901. Bd. 15. S. 188–191.

Haidú K. Eine Rede an die Basler Konzilsväter und ihr bekannter Autor, Demetrios von Konstantinopel // BZ. 2000. Bd. 93. S. 125–132.

Halecki O. La Pologne et l'Empire Byzantin // Byzantion. 1932. T. 7. P. 41–67.

Halecki O. Rome et Byzance au temps du grand schisme d'Occident // Un Empereur de Byzance a Rome. L., 1972. P. 477–532.

Haller J. Unionsverhandlungen und zweiter Konflikt mit der Kurie // CB. I, 127–159.

Helmrath J. Das Basler Konzil. 1431–1449. Forschungsstand und Probleme. Köln; Wien, 1987.

Helmrath J. Die lateinische Teilnehmer des Konzils von Ferrara–Florenz // AHC. 1990. Bd. 22. S. 146–198.

Hoensch J. Kaiser Sigismund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit, 1368–1437. München, 1996.

Hofmann G. Rodrigo, Dekan von Braga; Kaiser Johann VIII. Palaiologos. Zwei Briefe aus Konstantinopel, 13. Oktober und 18. November 1437, zur Vorgeschichte des Konzils von Florenz // OCHP. 1943. Vol. 9. P. 170–187.

Hofmann G. Papstliche Gesandtschaften für den Nahosten, 1418–1453 // Studia Missionalia. 1950. Vol. 5. S. 45–72.

Hofmann G. Kirchengeschichtliches zur Ehe des Herrschers Theodor II Palaiologos (1407–1443) // Ostkirchliche Studien. 1955. Bd. 4. S. 129–137.

Huter F. Niedergang der Mitte, Aufstieg der Randstaaten im spätmittelalter // Historia mundi. 1958. Bd. 6. S. 190–224.

Ivanka von E. Der Kirchenbegriff der Orthodoxie historisch betrachtet // Sentire Ecclesiam / Hrsg. von Daniélou. Freiburg i Br., 1961.

Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955.

Jorga N. Geschichte der Osmanischen Reiches. Wien, 1990. Bd. 1.

Karageorgos B. Der Begriff Europa im Hoch- und Spätmittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1982. Bd. 48. S. 137–164.

Kazhdan A. The Byzantine Notion of Diplomacy // Byzantine Diplomacy. Papers from the twenty-fourth Spring Symposium of Byzantine studies / Ed. J. Shepard. Cambridge, 1990.

Krämer W. Konsens und Rezeption. Verfassungsprinzipien der Kirche im Basler Konziliarismus. Münster, 1980.

Krauske O. Die Entwicklung der ständigen Diplomatie vom XV. Jahrhundert. Leipzig, 1885.

Krchňák A. De vita et operibus Ioannis de Ragusio. Roma, 1960.

Labande L.-H. Projet de translation du concile de Bâle en Avignon pour la réunion des églises grecque et latine // Annales de Société d'études provençales. 1904. T. 1. P. 10–24, 39–54, 189–200.

Lampros S. Palaiologeia kai Peloponnesiaka. Athenai, 1926. Bd. 3.

Lazarus P. Das Basler Konzil. Seine Berufung und Leitung, seine Gliederung und seine Behördenorganisation. B., 1912.

Laurent M. L'activité d'André Chrysobergès, O. P. sous le pontificat de Martin V (1418–1431) // Echos d'Orient. 1935. T. 34. P. 415–438.

Laurent V. Les Préliminaires du concile de Florence. Les neuf articles du pape Martin V et la réponse inédite du patriarche de Constantinople Josef II (Octobre 1422) // REB. 1960. T. 20. P. 5–60.

Laurent V. Les ambassadeurs du roi de Castille au concile de Bale et le Patriarche Joseph II (Février 1438) // Ibid. T. 18. P. 136–144.

Leidl A. Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz. Paderborn, 1966.

Leidl A. Die Primatsverhandlungen auf dem Konzil von Florenz als Antwort auf den westlichen Konziliarismus und die östliche Pentarchie-theorie // AHC. 1975. Bd. 7. S. 272–289.

Leidl A. Die Verhandlungen über die Struktur eines Unionskonzils im XV. Jahrhundert // Konzil und Papst. Historische Beiträge zur Frage der höchsten Gewalt in der Kirche / Hrsg von G. Schwaiger. München, 1975.

Loenertz R. Les Dominicains Byzantins Théodore et André Chrysobergès et les négociations pour l'union des grecque et latine de 1415 a 1430 // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1939. Vol. 9. P. 5–61.

Marinesco C. Manuel II Paleologue et les rois d'Aragon // Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1924. T. 11. P. 192–206.

Marinesco C. Contribution à l'histoire des relations économique entre l'Empire byzantin, la Sicile et le royaume de Naples de 1419 à 1453 // Studi bizantini e neoellenici. 1939. Vol. 5. P. 210–219.

Marinesco C. Du nouveau sur les relations de Manuel II Paleologue (1391–1425) avec l'Espagne // Ibid. 1953. Vol. 7. P. 420–436.

Marinesco C. Notes sur quelques ambassadeurs byzantins en Occident à la veille de la chute de Constantinople sous les Turcs // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. 1950. T. 10. P. 419–428.

Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur späbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1982.

Mercati G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota. Roma, 1931 (=Studi e testi. Vol. 56).

Mergiali-Sahas S. A Byzantine ambassador to the West and his office during the fourteenth centuries: a profile // BZ. 2001. Bd. 94. S. 588–604.

Mertens von D. Europäischer Friede und Türkenkrieg im Spätmittelalter // Zwischenstaatliche Friedenswahrung in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von H. Duchhardt. Köln; Wien. S. 45–73.

Meuthen E. Die universalpolitischen Ideen des Nikolaus von Kues in seiner Erfahrung der politischen Wirklichkeit // QFIAB. 1957. Bd. 37. S. 192–216.

Meuthen E. Nikolaus von Kues in der Entscheidung zwischen Konzil und Papst // Mitteilungen und Forschungen der Cusanus-Gesellschaft. 1971. Bd. 9. S. 19–33.

Meuthen E. Eine bisher unerkannte Stellungnahme Cesarinis (Anfang November 1436) zur Papstgewalt // QFIAB. 1982. Bd. 62. S. 143–179.

Meuthen E. Das Basler Konzil als Forschungsproblem der europäischen Geschichte. Opladen, 1985.

Meuthen E. Eugen IV., Ferrara–Florenz und der lateinische Westen // AHC. 1990. Bd. 22. S. 219–233.

Miethke J. Konziliarismus – die neue Doktrin einer neuen Kirchenverfassung // Reform von Kirche und Reich. Konstanz, 1996.

Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Bd. 1: Darstellung. Paderborn, 1923.

Moravcsik G. Ungarisch-byzantinische Beziehungen zur Zeit des Falles von Byzanz // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1953. Bd. 2. S. 349–358.

Mugnier M. L'expédition du concile de Bâle à Constantinople pour l'union de l'église grecque à l'église latine (1437–1438) // *Bull. Historique et Philologique*. 1882. P. 335–350.

Müller H. Die Franzosen, Frankreich und das Basler Konzil (1431–1449). Paderborn, 1990.

Nicol D. M. The Last centuries of Byzantium. Cambridge, 1993.

Nicolov J. Sur la participation du patriarche de Constantinople Josef II aux réunions du concile de Constance // *Byzantinobulgarica*. 1973. T. 4. C. 203–211.

Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reichs. B., 1903.

Ostrogorsky G. Die Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

Pesce L. Cristoforo Garatone Trevigiano nuncio di Eugenio IV // *Rivista di Storia della chiesa in Italia*. 1974. Vol. 28. P. 23–93.

Pierling L. P. La Russie et le Saint Siège. P., 1906.

Queller D. E. The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967.

Runciman S. The Byzantine theocracy. Cambridge, 1977.

Schatz K. Der päpstliche primat: seine Geschichte von den Ursprüngen bis zur Gegenwart. Würzburg, 1990.

Schmitt O. J. Eine Kaiserrede der spätbyzantinischen Zeit // *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. Bd. 38. S. 127–154.

Schoenstedt F. König Sigismund und die Westmächte. 1414–1415 // *Die Welt als Geschichte*. 1954. Bd. 14. S. 149–164.

Schultze B. Das letzte oecumenische Einigungskonzil theologisch gesehen // *OCHP*. 1959. Vol. 25. S. 288–308.

Shepard J. Information, Disinformation and Delay in Byzantine Diplomacy // *Byzantinische Forschungen*. 1985. Bd. 10. S. 233–293.

Sieben J. Griechische Konzilsidee zur Zeit des Florentinums // ThPh. 1990. Bd. 65. S. 184–215.

Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Leipzig; B., 1923.

Southern R. Das Islambild des Spätmittelalters. Stuttgart, 1981.

Strika Z. Johannes von Ragusa: Kirchen- und Konzilsbegriff in der Auseinandersetzung mit den Hussiten und Eugen IV. Augsburg, 2000.

Stromer W. Landmacht gegen Seemacht. Kaiser Sigismunds Kontinentalsperre gegen Venedig, 1412–1433 // ZHF. 1995. Bd. 2. S. 145–187.

Tuilier A. La mission à Byzance de Jean de Raguse, docteur de Sorbonne, et le rôle des Grecs dans la solution de la crise conciliaire // Bull. Philologique et Historique. 1979. P. 137–152.

Tuilier A. L'université de Paris, le chancelier Gerson et l'union avec les grecs // BHPH. 1983. P. 165–183.

Toussaint J. Les Relations diplomatiques de Philippe le Bon avec le concile de Bâle (1431–1449) // Louvain, 1942.

Vakalopoulos A. E. Les Limites de l'empire byzantin depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55. S. 56–65.

Vasiliev A. Pero Tafur. A Spanish Traveler of the fifteenth century and his visit to Constantinople, Trebizond and Italy // Byzantion. 1932. T. 7. P. 75–122.

Viller M. La Question de l'union des églises entre grecs et latins depuis le concile de Lyon jusqu'à celui de Florence (1274–1438) // RHE. 1921. T. 17. P. 260–305, 515–532; 1922. T. 18. P. 20–60.

Vrancić P. Johannes von Ragusa um die Teilnahme der Griechen am Basler Konzil // Synodus. Beiträge zur Konzilien- und allgemeinen Kirchengeschichte / Hrsg. von R. Bäumer. Paderborn, 1997. S. 463–486.

Vries W. Rom und die Patriarchate des Ostens. Freiburg; München, 1963.

Wallach R. Der Abendlandische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig; B., 1928.

Walch K. Zwischen Mission und Dialog. Zu den Bemühungen um Ausöhnung mit den Ostkirchen im Vorfeld des Konzils von Ferrara–Florenz // Toleranz in Mittelalter / Hrsg. von A. Patschovsky. Sigmaringen, 1998.

Werner E. Die Geburt einer grossen Macht. – Die Osmanen. Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. B., 1966.

Wiseman J. R. A Trans – Isthmian Fortification Wall // *Hesperia*. 1963. T. 32. P. 248–275.

Wittek P. De la Défaite d'Ankara a la prise de Constantinople (un demi-siècle d'histoire ottomane) // *Revue des études islamiques*. 1938. T. 12. P. 1–34.

Zhishman J. Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und römischen Kirche seit dem Anfange des XV. Jahrhunderts bis zum Concil von Ferrara. Wien, 1858.

Zlocisti J. Die Gesandtschaft des Basler Konzils nach Avignon und Konstantinipel (1437–1438). Halle, 1908.

Zumkeller A. Drei Augustinertheologen des beginnenden 15. Jahrhunderts im Dienste der Union // *Wegzeichen*. Festgabe zum 60. Geburtstag Prof. Dr. Hermenegild M. Biedermann / Hrsg von E. Suttner. Würzburg, 1974. S. 133–148.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александр V** (папа, 1409–1410) 50, 53, 55
- Алексей Вран** (византийский дипломат) 39
- Альбрехт II Габсбург** (германский король, 1438–1439) 127, 157, 158
- Альфонс V** (арагонский король, 1416–1458) 44, 115, 117, 134, 183, 193
- Амадей VIII** (герцог Савойский, 1416–1434) 124, 135, 137, 145
- Андрей Хрисоверг** (грек–доминиканец) 60, 62, 63, 65, 72, 82
- Антонио да Масса** (папский нунций) 77, 79, 80, 166
- Баязид I** (турецкий султан, 1389–1402) 19, 21, 23
- Бенедикт XIII** (антипапа, 1394–1417) 39, 43, 49, 52, 77, 167, 177
- Витовт** (великий князь литовский, 1392–1430) 34, 35, 69, 71
- Владислав II Ягеллон** (польский король, 1386–1434) 34, 35, 64, 66, 69, 71, 172
- Генрих IV** (английский король, 1399–1416) 57, 172
- Генрих VI** (английский король, 1422–1472) 155
- Георгий Дисипат** (византийский дипломат) 93, 96
- Григорий XII** (папа, 1406–1415) 29, 52
- Григорий Цамблак** (митрополит Киевский, 1415–1419) 67–72
- Димитрий Палеолог Метохит** (византийский дипломат) 88, 100
- Евгений IV** (папа, 1431–1447) 59, 74, 83, 85–87, 89, 92, 146, 150, 156, 158, 178, 187
- Жан Шарль Жерсон** (канцлер Парижского университета) 54, 58, 174, 177, 183
- Иннокентий VII** (папа, 1404–1406) 52
- Иоанн VII Палеолог** (византийский император и соправитель Мануила II, 1399–1403) 19, 21

- Иоанн VIII Палеолог (византийский император, 1425–1449) 10, 35, 36, 38, 43, 44, 59, 73, 74, 78, 81, 92, 98, 99, 140, 147, 158, 161, 163, 166, 168, 175, 194
- Иоанн XXIII (папа, 1410–1415) 55, 56, 58, 60
- Иоанн Дисипат (византийский дипломат) 88, 104, 105, 118, 128, 139, 140, 163
- Иоанн Рагузанский (гуманист, дипломат) 12–14, 95, 97–106, 112, 140, 141, 143, 146, 148, 149, 156, 183, 184, 191, 192
- Иоанн Хрисолора (византийский дипломат) 53
- Иосиф II (Константинопольский патриарх, 1416–1439) 112, 159
- Исидор (византийский игумен, дипломат) 88, 90, 97, 98, 165, 168
- Карл VII (французский король, 1422–1461) 109, 111, 115, 116, 120, 127, 130, 186, 193
- Константин Палеолог (морейский деспот) 38, 145
- Константин Ралл (византийский дипломат) 40, 41
- Мануил II Палеолог (византийский император, 1391–1402) 5, 6, 10, 19–21, 24–26, 28, 30–32, 34, 35, 39–44, 52, 53, 55–57, 59, 64, 66, 72–75, 78, 79, 81, 167–169, 173
- Мануил Дисипат (византийский дипломат) 93, 96, 98, 100, 128
- Мануил Тарханиот (византийский дипломат) 104, 120, 139
- Мануил Филантропин (византийский дипломат) 34, 35
- Мануил Хрисолора (византийский гуманист, дипломат) 22, 26, 30, 40, 41, 53, 57, 60, 61, 72
- Мартин I (арагонский король, 1396–1410) 10, 39, 40, 52
- Мартин V (папа, 1417–1431) 63, 72, 74, 75, 79, 83, 85, 91, 169, 177, 185
- Мехмед I (турецкий султан, 1413–1421) 23
- Мурад II (турецкий султан, 1421–1451) 35, 77
- Николай Евдемон (византийский дипломат) 24, 26, 33, 34, 61, 62, 69, 72, 74–78
- Николай Кузанский (гуманист) 138, 140, 144, 191, 192
- Рене Анжуйский (герцог Прованса, 1431–1475; титулярный король Неаполя, 1435–1442) 115, 117, 133, 160
- Сигизмунд Люксембург (венгерский король, 1387–1437; император Священной Римской империи, 1410–1437) 28–38, 42, 43, 54–58, 61, 64, 86–89, 92, 93, 108, 110, 111, 117, 118, 120, 139, 150–152, 154–156, 158, 167, 170–177, 182, 189

Сильвестр Сиропул (византийский историк) 15, 16, 61–63, 75, 76, 81, 82, 99, 159, 175, 200

Феодор Палеолог (морейский деспот) 38, 41, 66, 73, 74

Феодор Ралл (византийский дипломат) 40

Феодор Хрисоверг (грек-доминиканец) 60, 62, 63, 65, 66, 71, 75–78

Фердинанд I (арагонский король, 1412–1416) 10, 41–44, 202

Христофор Гаратони (папский легат) 83, 87, 91, 93, 94, 98–100, 104, 140, 199

Хуан Сеговианский (историк, гуманист) 14, 86, 114, 182, 191

Юлиан Чезарини (кардинал, президент Базельского собора) 83, 85, 86, 90, 103, 111, 112, 114, 122, 156, 161, 184, 191, 192

Эней Сильвий Пикколомини (гуманист) 108, 189, 191, 192

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и Средние века
ВВ	– Византийский Временник
АСА	– Acta Camerae Apostolicae et civitatum Venetiarum, Ferrariae, Florentiae, Ianuae de concilio Florentino / Ed. G. Hofmann. Roma, 1950.
ACC	– Acta Concilii Constanciensis / Hrsg. von H. Finke. Münster, 1896–1928. Bd. 1–4.
АНС	– Annuario Historiae Conciliorum
АКÖГ	– Archiv für Kunde österreichischer Geschichte
Ann. Eccl.	– Annales Ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti. Vol. XXVII–XXVIII. Barri–Ducis, 1874.
BHPb	– Bulletin Historique et Philologique
BZ	– Byzantinische Zeitschrift
CB	– Concilium Basiliense: Studien und Quellen zur Geschichte des Concils von Basel / Hrsg. von J. Haller u. a. Basel, 1896–1936. Bd. 1–8.
Cecconi	– <i>Cecconi E.</i> Studi Storici sul concilio di Firenze. Firenze, 1869. Vol. 1.
COD	– Conciliorum Oecumenicorum Decreta / Hrsg. von J. Wohlmuth. Bd. 2: Konzilien des Mittelalters. Paderborn, 2000.
DRTA	– Deutsche Reichstagsakten / Hrsg. von G. Beckmann. Gotha, 1957. Bd. 11–13.
EP	– Epistolae Pontificiae ad Concilium Florentinum spectantes / Ed. G. Hofmann. Roma, 1940–1944. T. 1–3.

- Gerson – Johannes Gerson. Sermo coram rege Franciae nomine Universitatis Parisiensis pro pace Ecclesiae et Unione Graecorum / Ed. J.-B. Monnoyeur // Irénikon. 1929. T. 6. P. 725–766.
- HZ – Historische Zeitschrift
- Joh. Rag. De modo... – Johannes de Ragusio. De modo quo Graeci reducendi erant ad Ecclesiam per Concilium Basiliense // CB. I, № 40, S. 331–364.
- Joh. Rag. Relatio – Johannes de Ragusio. Relatio de missione Constantinopolitana // Ceconi, № CLXXVIII, P. CCCCLXXXVIII–DXXII.
- Mansi – Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. J. D. Mansi. Florenz; Venedig, 1798 (P.; Leipzig, 1904; Graz, 1961). Bd. 28–31.
- MC – Monumenta Conciliorum Generalium saeculi decimi quinti. Wien, 1857–1935. Bd. 1–4.
- MSM – Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Zagreb, 1875. Vol. 5.
- OCHP – Orientalia Christiana Periodica
- ODM – Orientalium Documenta Minora / Ed. G. Hofmann. Roma, 1953.
- PLP – Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1995. Bd. 1–12.
- QFIAB – Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken
- REB – Revue des Études Byzantines
- Reg. – Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München, 1965. Bd. 5 (1341–1453).
- Rel. amb. – Relatio dominorum ambasciatorum Concilii Basiliensis ad Graeciam destinatorum videlicet Visensis et Lausanensis episcoporum (=Bericht der Bischöfe von

Viseu und Lausanne über den Verlauf ihrer Mission nach Avignon und Konstantinopel (1438 febr. 1–4 Basileae) // CB. V, № 49, S. 274–357.

Rel. ep. Dign.	– Relatio Petri episcopi Dignensis, redeuntis de Constantinopoli (1438 mart. 1 Ferrariae) // Cecconi, № CLXXXVIII, P. DLXVI–DLXXXVIII.
RHE	– Revue d'Histoire Ecclésiastique
Syropulos	– Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concil de Florence (1438–1439) / Ed. V. Laurent. P., 1971.
Thiriet	– Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / Ed. F. Thiriet. P., 1958–1961. T. 1–3.
ThPh	– Theologie und Philosophie
ZHF	– Zeitschrift für historische Forschung
ZKG	– Zeitschrift für Kirchengeschichte

Научное издание

Пашкин Николай Геннадьевич

ВИЗАНТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.
(1402–1438)

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *В. С. Ковалевой*

План выпуска 2007 г., поз. 15. Подписано в печать 18.07.07.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л 13,95.

Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 150 экз. Заказ *139*

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

